

152/

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

152

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

152

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

П-86 П 90571
Ин-т археологии.
М. Кр. соодурени.
Вм. 152

П 90571

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

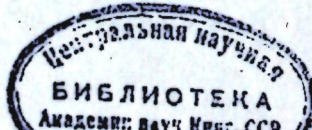
Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь),
 Н. Н. Гурина, И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
 К. Х. Кушнарёва, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунишев,
 П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
 В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
 Д. В. Шелов, А. Л. Якобсон

Настоящий выпуск «Кратких сообщений» посвящен некоторым актуальным, но малоисследованным, дискуссионным проблемам теории и методики археологической науки. Проблемы теории и методики археологии всегда привлекали к себе внимание советских археологов. Особенно оживленным был этот интерес в период становления советской археологической науки. Он был связан с внедрением в советскую археологию марксистско-ленинской философии, ее диалектико-материалистических теории и метода. Традиционный интерес советских археологов к разработке одного из важнейших аспектов методологических проблем — теории исторического и общественного развития и в частности теории докапиталистических социально-экономических формаций. Тем не менее этим важным аспектом методологических исследований не исчерпываются проблемы теории и методологии исторического познания. Успешное развитие исторических наук возможно только при условии осуществления ленинского положения о единстве теории исторического процесса и методов его исследования.

В связи с небывалым темпом роста накопления археологических источников, требующих все более совершенной методики исследования и обработки археологических материалов, а также в связи со все усложняющимися задачами их историко-социологического и историко-культурного осмысления и интерпретации особенно актуальными являются сейчас проблемы теории и методики археологического исследования. Последние годы предметами специального исследования и обсуждения стали вопросы, касающиеся содержания, структуры и путей разработки общей археологической теории, определения основополагающих археологических понятий («археологическая культура», «тип», «культурный слой» и т. п.), вопросы археологической терминологии и номенклатуры, формализации археологических исследований, разработки и применения в археологических исследованиях современных естественнонаучных, технических и математических методов.

Большой интерес вызвали дискуссии о содержании и определении понятия «археологическая культура», а также о предмете и объекте археологии. Актуальные теоретические и методологические проблемы нашей науки обсуждались также на конференции, посвященной проблемам историзма археологии. В докладе академика Б. А. Рыбакова, сжатое содержание которого помещено в настоящем выпуске, были освещены различные теоретические и методологические аспекты этой проблемы. Прежде всего была подчеркнута марксистско-ленинская философская основа историзма археологии, незыблемым фундаментом которой являются диалектико-материалистические теория и метод. Историзм советской археологии неразрывно связан с решением на базе археологических источников важных исторических задач, с дальнейшим совершенствованием теории и методики археологического источниковедения, теоретическим обоснованием и разработкой методов исторической интерпретации и реконструкции, творческого содружества и взаимного обогащения всех наук, изучающих историческое прошлое человечества.

В публикуемом выпуске рассмотрены различные подходы к концепции актуальной и дискуссионной проблемы объекта и предмета археологической науки. Посвященные этой теме работы свидетельствуют о том, что пока еще далеко до единства взглядов среди археологов по этому кардинальнейшему вопросу. Было бы наивно полагать, что данная проблема, равно как и другие актуальные проблемы археологической теории и методологии, могут быть решены сразу и окончательно в результате одной или нескольких дискуссий.

Дискуссии по различным проблемам археологической методологии еще раз показали и подтвердили известное положение о том, что любые вопросы методологии и теории могут успешно разрабатываться только при условии глубокого творческого овладения исследователями марксистско-ленинской философией, которая определяет исходные гносеологические принципы и методы научного познания вообще, а также, что особенно важно, умением их творческого приложения к постановке и разработке методологических проблем нашей науки. Непременным условием успешной разработки вопросов методологии и теории археологической науки является также глубокое знание специальных проблем археологической науки, ее современного состояния и тенденций развития. И, наконец, не менее важным условием дальнейшей разработки методологических проблем археологической науки следует считать умение творчески применять в наших исследованиях основополагающие общенаучные методологические понятия («объект и предмет науки», «научная теория», «научный метод», «научная гипотеза», «понятийный аппарат науки» и т. п.), которые формулируются особым разделом философской науки — логикой и методологией научного познания. Существуящий разноречивой и противоречивой во взглядах по многим актуальным методологическим проблемам нашей науки зачастую объясняются ошибками в применении философских категорий и общенаучных понятий, а также невниманием к самой специфике археологического знания.

Все более широкое распространение в науке и технике в последние десятилетия получил так называемый системный подход. Однако его применение в любой конкретной области научного познания связано с многочисленными теоретическими, методологическими и методическими трудностями. Существует множество возможных направлений его разработки. По-разному оцениваются значение и место системного подхода в археологических исследованиях. Вниманию читателя предлагаются две статьи, посвященные применению метода системного подхода в советской и зарубежной археологической науке. Редакция рассматривает данные публикации как начало широкого и всестороннего обсуждения этой важной и пока слабоизученной методологической проблемы.

В данном выпуске помещена также статья, посвященная характеристике и критическому анализу некоторых теоретических разработок зарубежных археологов.

В разделе методики публикуются статьи, касающиеся как более общих, так и частных вопросов методических исследований в археологии.

Статьи, публикуемые в разделе хроники, информируют о работе методологических семинаров Института археологии и его Ленинградского отделения, а также о работах симпозиума и конференций, посвященных различным методологическим проблемам советской археологической науки.

Редакция надеется, что настоящий сборник привлечет внимание широкой археологической общественности и будет содействовать дальнейшему творческому обсуждению и разработке важных и актуальных методологических проблем нашей науки, а также критическому анализу современных теоретических концепций зарубежной археологии.

ТЕОРИЯ

Б. А. РЫБАКОВ

ИСТОРИЗМ АРХЕОЛОГИИ

Наименование нашего международного научного союза — союз доисториков и протоисториков — порождает представление о двух различных науках, изучающих два последовательных периода жизни человечества. В таком выборе определений я считаю положительным только то, что здесь подчеркнута, поставлена на первое место историчность нашей науки. Однако двойственность наименования нарушает его логичность. Появление письменности как рубеж между доисторией и протоисторией хронологически неодновременно для разных стран, а следовательно, и конец доистории будет приходиться на разное время.

Проще и логичнее было бы применить один всеобъемлющий термин — «археология». Этимология этого греческого слова позволяет вкладывать в него очень широкое содержание. Археология — это не только раскопки, не только изучение раскопанных вещей, не только глубокая древность бесписьменной жизни человечества. Мы сами нередко излишне сужаем понятие археологии, тогда как сам термин позволяет охватить им все «старые времена» во всем их многообразии.

Советские археологи одно время употребляли громоздкий термин «история материальной культуры», но он оказался непригодным, так как не позволял заниматься ни историей социального развития, ни искусством или религией. Кроме того, понятие «история материальной культуры» не было ограничено хронологически, и эта дисциплина непосредственно перерастала в этнографию и историю техники XVI—XIX вв. Оба указанных недостатка заставили отказаться от термина «история материальной культуры» и возвратиться к старому термину «археология», внося в него максимум историзма и многогранности.

Три обозначения нашей науки («доистория», «протоистория», «история материальной культуры») отражают тот период в ее развитии, когда археология боролась за право самостоятельного существования и одновременно утверждала свое законное право на историзм. Историзм археологии определяется не только прагматическим изучением древностей разных эпох, но и решением важнейших исторических проблем: история хозяйства, история социального развития, история религии и искусства, этногенез и миграции древних племен, проблема возникновения государственности, проблема развития античного или средневекового города, история торговли, проблема взаимовлияния культур и т. д. Соотношение археологии и истории первобытной культуры (не совпадающей полностью с «доисторией») устанавливается просто: история первобытной культуры объединяет археологический материал с этнографическим, изучая не только древнюю первобытность, но и первобытность стран с замедленным

развитием; археология же пользуется ретроспективно данными этнографии.

Сложнее определить соотношение археологии с тем разделом истории, который изучает древнейшие цивилизации и средневековье. Отражение в письменных источниках истории войн, государственной деятельности, биографий исторических лиц, наличие юридических кодексов, поэтических и полемических произведений, философских и богословских трактатов создают ощущение ненужности археологии. Однако это представление крайне ошибочно. При изучении «протоисторических» эпох вступает в свои права история, но истина может быть выяснена только при участии археологии. Окрестности великих империй, тысячи варварских племен с их внутренней жизнью, история народных масс внутри империй — все это может быть изучено только при посредстве археологии.

При субъективности письменных источников, нередко восхваляющих без всякой меры древних монархов, только археология сможет дать объективное сопоставление разных культур, сменяющих друг друга или сосуществующих. История древнего мира, античности и даже средневековья может быть раскрыта научно только при полном и плодотворном содружестве музы истории Клио с десятой музой археологии.

* * *

Ярким примером большого значения археологии для изучения исторических эпох может служить история Киевской Руси IX—XII вв. Существуют подробные летописи, написанные на русском языке, есть юридические кодексы (Русская Правда и др.), известны литературные произведения, сохранились и известны без всяких раскопок памятники архитектуры, фрески, иконы, драгоценная утварь. Казалось бы, что при таком обилии исторических источников можно обойтись без вмешательства археологии. Однако длительное изучение Киевской Руси только по одним письменным материалам привело русских историков к непониманию сущности исторического процесса. Неясен был процесс зарождения государственности у славян; недооценивалась роль земледелия; искаженно представлялся облик русского города. Самым серьезным несчастьем историков была огромная многовековая пустота, предшествовавшая Киевской Руси. Взгляд римских и византийских писателей скользил лишь по окраинам славянского мира и не мог дать не только подробной, но просто достоверной характеристики славянской жизни и ее эволюции.

Археология же заполняет эту пустоту и раздвигает на целую тысячу лет хронологические рамки проблемы. Нескольким фразам Плиния и Тацита археология противопоставляет подробный показ быта славян, носителей так называемой зарубинецкой культуры.

Для эпохи Аммиана Марцеллина и ретроспективных заметок Иордана об антах мы располагаем богатейшим археологическим материалом о славянской черняховской культуре II—V вв., рисующим нам и развитие земледелия, и активное воздействие римской культуры, и оживленную торговлю славянской лесостепи с римскими центрами Юга, отраженную сотнями кладов серебряных денариев.

Археология раскрывает широкую и интересную картину перехода от первобытности к более высоким формам: на смену маленьким укрепленным родовым поселкам появляются открытые большие села с обширными кладбищами. Линия укреплений вынесена далеко на юг, на границу со степью, и защищает одновременно сотни подобных новых деревень. Археология дает нам представление об искусстве и верованиях славян II—IV вв. Особенно интересны четырехгранный идол — далекий предшественник знаменитого збручского Святовита — и кувшин для священной воды с точным календарным обозначением сроков молений о дожде в мае и июне.

Для эпохи Прокопия Кесарийского и Иордана, писавших о славянских выселенцах на Дунае и в Византии, археология дает интереснейший материал по истории коренных славянских земель, послуживших впоследствии ядром Киевской Руси.

Вся проблема подготовки и рождения первого государства восточных славян со столицей в Киеве решается сейчас на основе археологических данных, позволяющих проследить тысячелетний процесс вызревания государственности в разных исторических условиях.

История русского земледелия, история ремесла, формирование русского города, облик деревенской и городской культуры русского средневековья, длительное бытование языческого мировоззрения — все это подробно раскрывается в результате многолетних усилий наших археологов. В настоящее время история Киева, Новгорода и всех вообще русских земель IX—XII вв. исследуется на основе комплексного привлечения письменных и археологических данных.

Такой важный исторический вопрос, как роль татарского нашествия в XIII в., решается на основе археологических данных, не допускающих никаких кривотолков: десятки сожженных и запустевших городов, упадок ремесла, запустение юга, замедленность дальнейшего развития.

Пример с Киевской Русью — один из сотен. Он показывает, что археология не может быть ограничена ни «доисторией», ни «протоисторией», что она по праву исследует свой домен и в средневековье, не переставая от этого быть «археологией», т. е. многогранной наукой о древности человечества.

Ю. Н. ЗАХАРУК

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА АРХЕОЛОГИИ

Последние годы свидетельствуют о растущем внимании археологов к методологическим проблемам своей науки, к актуальным вопросам археологической теории. Так как специфика теоретического знания каждой науки определяется прежде всего ее предметом, исключительно важное значение для археологии приобретает проблема ее объекта и предмета познания.

Внимание к проблемам предмета научного познания характерно не только для археологии, но и для большинства общественных наук, в том числе политической экономии¹, истории², языкознания³, социологии⁴, этнографии⁵, а также и исторического материализма⁶. И это не случайно. Внимание к проблемам объекта и предмета науки объясняется тем, что теория предмета выполняет важные функции. Она учит тому, что представляет собой предмет, и тому, как он познается. Если положение о том, что науки различаются своими предметами и объектами, признается как аксиома, то конкретное решение этой проблемы в каждом отдельном случае бывает делом весьма сложным и сопряжено со значительными трудностями. Не случайно проблема определения предмета любой конкретной науки оказывается дискуссионной.

Не составляет исключения и археология. В последнее время интерес к проблемам объекта и предмета археологической науки заметно оживился⁷.

Дискуссионность проблемы предмета и объекта археологической науки обусловлена, с одной стороны, нечеткостью самих понятий «объект»

и «предмет» науки и с другой — спецификой и сложностью объекта и предмета археологической науки.

Хотя проблема объекта и предмета науки и их соотношения относится к числу основных проблем гносеологии, пока что нет единого общепринятого определения этих понятий. Нередко эти понятия вообще не различают — и объект, и предмет познания, как отмечают исследователи⁸, рассматриваются как однозначные. Однако логики, методологи, философы не без основания утверждают, что оба эти понятия не тождественны и различение их необходимо⁹. В определении указанных понятий и их соотношения существуют различные точки зрения. Согласно одной из них объектом науки являются существующие реально, независимо от сознания, феномены, тогда как предмет — это знание о данном объекте¹⁰. Соответственно этому взгляду принципиально важно различение истории как объективного процесса исторического развития (объект познания) и истории как науки, как знания об этом процессе (предмет познания). Однако данное различие объекта и предмета познания представляется слишком общим, так как не определяет критерий различения предметов познания разных наук, познающих один и тот же объект познания.

Прежде всего это относится ко всему комплексу общественных наук, у которых имеется один общий, базисный объект познания — общество. Вместе с тем каждая общественная наука имеет свой особый предмет познания, формирует свое особое знание об исследуемом объекте. Чем же в таком случае определяется предмет каждой отдельной общественной науки? Имеется несколько критериев, уточняющих содержание понятия «предмет» науки. Иногда под предметом познания подразумевают особый круг вопросов, свойств, сторон объекта, изучаемых данной наукой¹¹. В этом случае объект познания представляется понятием более широким по сравнению с понятием предмета познания¹². В соответствии с этим, например, объектом этнографии являются этносы, народы, а предметной областью ее исследования — выполняемые объектом, присущие этносу, народу, этнические функции, этническая специфика¹³.

Не менее распространена другая точка зрения на предмет и объект науки и их соотношение. Согласно этой точке зрения более широким понятием является предмет познания, который включает в себя объект познания. При таком понимании проблемы предмет науки, кроме объекта, включает также рамки и цели исследования¹⁴, закономерности развития объекта¹⁵.

Для полной характеристики существующих взглядов на предмет и объект науки следует отметить точку зрения, согласно которой задача определения предмета той или иной науки не рассматривается как самая важная в ее характеристике. Сторонники этой концепции полагают, что наука представляет собой такую сложную систему, что любое взятое ее отдельное определение неизбежно оказывается односторонним¹⁶.

Что касается археологической науки, то все ученые, исследующие проблемы ее объекта и предмета, не без основания относят их к числу коренных методологических проблем.

Дело не только в том, что любая наука начинается с выяснения вопроса о том, что и как она исследует. В ходе развития каждой науки с необходимостью возникает задача уточнения и конкретизации ее предмета, более глубокого определения его специфики, границы, точек соприкосновения и взаимодействия с предметами других наук¹⁷. Все это целиком относится и к археологии.

Археологи и философы, исследующие вопрос о соотношении объекта и предмета археологии, как правило, придерживаются расширительного понимания предмета науки: согласно их мнению предмет науки включает в себя и объект познания. При таком подходе принципиально важно определить, что же является объектом археологической науки.

Как правило, археологи под объектом своей науки понимают все археологические памятники — от отдельных находок до остатков поселений, могильников и др. Объект науки вообще и археологии, в частности, должен отвечать следующим требованиям: существовать реально и быть доступным исследованию. Именно этим неперенным требованиям объекта отвечают «исходные объекты исторического исследования»¹⁸. Без них, без этих «следов прошлого»¹⁹, «непосредственных объектов»²⁰, «исторических источников»²¹ невозможно историческое исследование, невозможно сама наука о прошлом. В этих непосредственных, исходных объектах исследования — следах и останках прошлого как исторических источниках — проявляется специфика объекта познания всех наук исторического профиля. В отличие от большинства наук, имеющих непосредственным объектом познания феномены объективной действительности, исторические науки исследуют в качестве объекта не сами феномены исторического прошлого, а только их следы, выступающие в качестве источников исторического познания.

Именно эту чрезвычайно важную специфическую особенность объекта исторического познания недооценивают сторонники той концепции, что объектом познания археологии являются не археологические источники, а само общество, сам феномен, субъект исторической действительности²². Археология, как и история, — общественная наука. Бесспорно, что универсальным объектом познания всех общественных наук является общество. Когда же речь идет об исторических науках, возникает потребность в различении их универсального объекта (общества) и непосредственных объектов исследования (исторических источников). Поэтому в данном случае более правильно говорить о двух объектах: исходном и конечном²³, или непосредственном и целевом²⁴. Хотя оба эти объекта между собой тесно связаны, тем не менее они далеко не тождественны. Если исходным, непосредственным объектом исторического познания является исторический источник, то конечным, целевым объектом выступает уже прошлая историческая действительность, причем не реальная, а реконструируемая. Поэтому вполне правомерно именовать конечные, целевые объекты «реконструктивными объектами»²⁵. Однако нетрудно заметить, что так называемый конечный, целевой, или реконструктивный, объект по своей природе не отвечает общепринятому методологическому понятию объекта познания, так как лишен его важнейших онтологических и гносеологических качеств: объективного существования и непосредственной доступности исследованию. Вот почему в данном случае применение термина «объект» нельзя признать уместным. Во избежание терминологической путаницы и достижения понятийной четкости представляется целесообразным сохранить наименование объекта познания только за «следами прошлого», т. е. за «историческими источниками».

Единственными, подлинными, реальными объектами познания исторических наук являются только различного рода «следы прошлого». Особую категорию последних образуют вещественные находки — специфические объекты исследования археологической науки. Положение об ископаемых вещественных находках как объектах познания археологии относится к числу немногих бесспорных для археологов аксиом. Археология — это прежде всего поиски, раскопки и исследование ископаемых археологических объектов. Однако эта аксиома еще никак не разрешает важного вопроса о целях археологического исследования. Без ответа на вопрос о конечной цели, генеральной задаче исследования нельзя дать должную характеристику археологии как науки, нельзя раскрыть в полной мере содержание ее предмета. Ответ на поставленный вопрос невозможен без предварительного выяснения самой природы, сущности исследуемого объекта — ископаемых археологических находок. Между тем именно этому важнейшему вопросу методологии археологической науки до сих пор не уделялось нужного внимания. Об этом красноречиво свиде-

тельствуют горячо отстаиваемые археологами две принципиально различные, взаимоисключающие точки зрения на природу и функцию археологического феномена.

Большинство археологов рассматривают исследуемые ими археологические объекты как материальные носители информации о прошлом, как специфические исторические источники. Археологические города и поселения — это руины, а не места жительства; останки средств труда, фрагменты керамики и т. п. давно лишены всякого практического значения («потребительской стоимости» по К. Марксу). Эту обособленность, непричастность этих ископаемых объектов к исторической действительности по-своему пытаются истолковать сторонники концепции, отрицающей значение археологических объектов как исторических источников. Исходя из того, что «археологический универсум» — совокупность ископаемых объектов — противостоит исторической действительности, они заключают, что этот особый, археологический, ископаемый мир должен обладать своими специфическими археологическими закономерностями, которые и являются задачей исследования археологии. «У археологии есть свой объект исследования, представленный материалом со специфическими закономерностями»²⁶. «Предметом археологии должно быть установление закономерностей развития ископаемых объектов и отношений между ними»²⁷. «Следы прошлого» суть результаты, продукты особой формы движения, человеческой деятельности, «продукт процесса труда». Всячески подчеркивая специфику продукта труда, его противоположность процессу труда, этой важнейшей, специфической форме социального движения, К. Маркс утверждал, что «процесс угасает в продукте», что продукт в отличие от деятельности (*Unruhe*) выступает в форме покоящегося свойства (*ruhende Eigenschaft*). Вещный, опредмеченный мир, по К. Марксу, даже в условиях исторической действительности, т. е. в деятельном процессе труда, не только не обладает качеством движения и развития, а диалектически противостоит ему как «покоящееся свойство»²⁸.

Таким образом, миру развивающейся по своим специфическим социальным законам исторической действительности как бы противостоит лишенный всякого движения и развития ископаемый мир археологических объектов. Правда, поскольку «останки прошлого» сохраняются в вещественной форме и в естественных условиях пребывают в земле, они подвергаются различного рода физико-химическим процессам, изменениям (патинизация кремня, коррозия металла, гниение кости, дерева и т. д.). Однако не эти процессы имеют в виду сторонники концепции «специфических археологических закономерностей»²⁹.

Общезвестно положение диалектико-материалистической философии о трех основных формах движения материи, присущих природе, обществу и мышлению. Сторонники концепции «специфических археологических закономерностей» поэтому должны дать четкий ответ на вопрос о том, к какому из основных форм движения материи следует отнести «развитие орудий труда». Сторонники указанной концепции справедливо подчеркивают важное значение исходных философских позиций в решении обсуждаемых методологических проблем. Но их положение, что мир ископаемых археологических объектов «действительно мертв и является остатками деятельности прошлых поколений людей, однако для археолога полон движения, динамики»³⁰, и что поэтому археология «стремится прежде всего изучить закономерности археологического процесса»³¹, противоречиво. Признание того факта, что археологический материал лишен движения, статичен, исходит не из «отвлеченных историко-социологических позиций», как утверждает В. С. Бочкарев, а из объективной оценки этого материала, из его онтологического статуса. Об этом недвусмысленно свидетельствуют основные археологические понятия (по В. С. Бочкареву, универсалии) и категории, отражающие статичность, завершенность, ком-

прессивность археологического источника, а не его развитие, изменчивость.

Только четкий ответ на поставленный вопрос о природе объекта познания позволит «получить истинные знания об изучаемом объекте, т. е. знания, которые адекватно отражают этот объект, изображают его таким, каким он является на самом деле»³².

Концепция «специфических археологических закономерностей» как бы возрождает известную концепцию О. Монтелиуса, рассматривающую вещи, ископаемые археологические объекты как особые организмы, обладающие свойством саморазвития. Обе эти концепции сходны в главном: они приписывают археологическим объектам не свойственные их природе качества развития и саморазвития и видят задачу археологии в изучении закономерностей функционирования археологических объектов. Поэтому обе указанные концепции непримлемы.

Иной аспект изучения закономерностей археологических объектов отражает концепция В. Ф. Генинга и В. Д. Викторовой³³. Под объектом археологии они подразумевают «овеществленные остатки социальной деятельности людей (коллективов, обществ) прошлого»³⁴. Исходя из философского принципа, что статус предмета отдельной науки определяется изучением специфических закономерностей ее объекта, В. Ф. Генинг полагает, что «предметом археологии должно быть изучение основных закономерностей процесса овеществления социальной деятельности людей (коллективов, обществ) на различных этапах развития, вскрытие конкретного многообразия путей овеществления этой деятельности в условиях общен исторической закономерности развития общества. Без этого мы не сможем раскрыть сути изучаемого объекта»³⁵. В отличие от Т. П. Григорьева и В. С. Бочкарева, акцентирующих внимание на закономерностях «функционирования» археологических объектов, В. Ф. Генинг делает упор на закономерности производства (опредмечивания) и потребления (распредмечивания) археологических объектов.

Бесспорно, знание закономерностей опредмечивания и распредмечивания для исследования генезиса археологических объектов и их исторической интерпретации имеет важное методологическое значение. Вызывает сомнение другое: каким образом археология, имеющая в качестве непосредственных объектов исследования только мертвые следы и останки жизнедеятельности обществ прошлого, может изучать закономерности сложного процесса опредмечивания и распредмечивания этих следов и останков. Овеществление, производство любого предмета, предполагает наличие не только предмета труда, но и орудия труда и, что особенно важно подчеркнуть, самого труда, процесса труда и его субъекта. Без какого-либо из указанных компонентов опредмечивание — производство — невозможно.

Археология имеет дело только с продуктами труда, результатами производства, точнее следами, останками опредмечивания, притом, как правило, фрагментарными и слабо диагностичными, нуждающимися предварительно в реконструкции. Поэтому более правильно другое утверждение В. Ф. Генинга, что, только «опираясь на законы овеществления социальной деятельности, возможно преобразить информацию, скрытую в вещественных источниках, в информацию социологического характера, которая может быть источником для реконструкции картины исторического развития того или иного общества»³⁶. Археолог и должен изучать этот источник «для реконструкции картины исторического развития», а не процесс опредмечивания. Если бы археолог имел возможность изучать сам процесс опредмечивания и его закономерности, ему незачем было бы заниматься их реконструкцией. Знание закономерностей опредмечивания различных сфер жизнедеятельности необходимо археологу как опора в ходе интерпретации, реконструирования, моделирования. Именно поэтому такое важное значение для археолога имеют этнографические свидетельства,

фиксирующие процесс производства (опредмечивание) различных форм деятельности изучаемого общества в их живой динамике.

Весьма показательно, что основные законы опредмечивания были сформулированы К. Марксом. Изучение и формулировка законов опредмечивания в различных сферах (производственной, социальной, этнической, бытовой и духовной) возможны только для тех наук, непосредственным объектом познания которых эти сферы деятельности являются. Для археологии изучение закономерностей опредмечивания не только невозможно, но и не может быть признано главной ее задачей — предметом исследования. Даже если бы изучение закономерностей опредмечивания оказалось под силу археологии, оно имело бы чисто подчиненное значение как опора для объяснения генезиса археологических объектов. Конечной целью, генеральной задачей археологии как исторической науки является раскрытие роли этих объектов в качестве специфических исторических источников. Это положение в конце концов признают В. Ф. Генинг и В. Д. Викторова, когда говорят об историческом методе анализа в археологии.

Оригинальное по аргументации и во многом неожиданное решение проблемы объекта археологической науки предлагает В. Н. Боряз³⁷. В качестве эталона при решении этого вопроса берется философия — наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления. Соответственно объектами науки выступают субъекты различных форм движения, а предметом — закономерности их развития. Так как археология относится к числу общественных наук, ее объектом, по В. Н. Борязу, является общество. Конкретизируя представление об объекте археологии, В. Н. Боряз отмечает, что «археология изучает свой объект — общество — в его функциональном состоянии — и как целое и в целом»³⁸. Далее В. Н. Боряз ставит вопрос о верхнем хронологическом рубеже объекта археологии и пытается определить критерий, «по которому вещные остатки одного общества играют роль археологического источника, а вещные остатки другого этой функции не имеют»³⁹. В. Н. Боряз полагает, что таким критерием может служить только общество, выработавшее «такие средства и формы закрепления, сохранения и передачи информации, которые делают абсолютно излишней ту информацию, что несут в себе возможные археологические источники»⁴⁰. В итоге, по В. Н. Борязу, в пределы объекта археологической науки должны быть включены все общества вплоть до социалистического. Определение вещественных археологических источников в качестве объекта археологии представляется В. Н. Борязу чисто эмпирическим и поэтому научно несостоятельным.

Общество, как уже отмечалось выше, бесспорно является базовым объектом познания всех без исключения общественных наук и археологии в том числе. Однако определение базового, универсального объекта всех общественных наук не снимает проблемы специфики объекта каждой отдельной общественной науки. В противном случае общественная наука должна быть признана единственной, не расчлененной наукой об обществе, с чем вряд ли кто согласится. Утверждение В. Н. Боряза, что археологии следует изучать все стороны жизни общества, не может конкретизировать достаточным образом представлений об объекте археологии. Ведь кроме археологии общество как целое изучают также и история, и этнография, и социология.

Концепция В. Н. Боряза не учитывает одного чрезвычайно важного момента познавательной деятельности — условий познания. Одно дело, когда исследователь имеет возможность получить интересующие его знания о каком-то объекте непосредственно; иное дело, когда эти данные могут быть получены опосредствованным путем⁴¹. Последнее особенно важно для всех наук исторического профиля. Объекты прошлого не существуют в момент исследования, и их познание не может быть осу-

ществлено путем непосредственного наблюдения⁴². Все науки и дисциплины исторического профиля характеризуются тем, что непосредственными объектами их познания являются не сами феномены прошлого, а их следы и останки⁴³, ибо только они обладают «привилегией непосредственной доступности»⁴⁴, «свойством непосредственной действительности»⁴⁵.

Объекты познания археологии как исторической науки специфичны: они — феномены настоящей, но ископаемой действительности, генезис и природу которой довольно полно охарактеризовал В. Н. Боряз. Неясно только, почему эта характеристика непеременимого, изначального, эмпирического объекта лишена, как утверждает В. Н. Боряз, всякого теоретического значения при определении объекта и предмета археологической науки? Разве вещественные источники, эмпирический объект археологической науки, не определяют специфические методы их добычи и исследования? Разве этот объект не определяет специфический понятийный аппарат и терминологию археологии? Разве археологические источники не определяют научнопознавательные возможности, содержание и методику исторических и социологических обобщений? Отрицая роль археологических источников как объекта археологии, В. Н. Боряз вместе с тем явно переоценивает, более того — абсолютизирует, их значение, против чего сам предостерегает. Для В. Н. Боряза существуют только два вида источников информации познания общества: археологический и какой-то особый, неархеологический, делающий археологические источники абсолютно излишними. И поскольку этот второй, идеально полноценный тип информации возможен только лишь в условиях коммунистического общества, археологические источники оказываются, по В. Н. Борязу, незаменимыми источниками познания общества от первобытности до социализма включительно. В итоге археология, по В. Н. Борязу, «опровергает свое собственное имя и приобретает статус науки о современности»⁴⁶.

Задача изучения общества, его истории не является привилегией одной только археологии. Вряд ли кто будет оспаривать все возрастающее значение письменных источников, и, следовательно, изучающей их собственно исторической науки, и уменьшение роли вещественных источников, а значит, и археологии, по мере приближения к современности. Важную роль в изучении общества в рамках современности играют такие науки, как этнография и социология. В. Н. Боряз почему-то недооценивает эти общественные науки и крайне переоценивает археологию и ее возможности. Раскопки Аджимушкских каменоломен, где героически защищался гарнизон советских войск, лишь пример возможного случая применения археологического метода к исследованию событий недалекого прошлого. Однако что бы мы знали об этой героической обороне, равно как и о Великой Отечественной войне, если бы изучали их только на основании археологических источников? Археология не была и не может быть наукой о современности. Это прежде всего определяется ее специфическими предметом, объектом и задачами изучения прошлого. В решении общенаучной задачи изучения истории обществ различных формаций, в том числе и обществ современности, всегда будут участвовать все общественные науки, каждая в рамках своего предмета исследования.

Еще один вариант решения проблемы объекта и предмета археологической науки предложил В. Ф. Генинг⁴⁷. Как справедливо заметил В. Ф. Генинг, перед «археологией стоит в конечном итоге задача не только формального изучения памятников (вещеведение), а и использования их для реконструкции человеческой деятельности и воссоздания картины исторического развития древних обществ»⁴⁸. В свете сказанного В. Ф. Генинг стремился соответственно уточнить и дополнить прежнюю, свою и В. Д. Викторовой, концепцию предмета и объекта археологиче-

ской науки. Для этой цели он попытался опереться на известное методологическое положение о двух уровнях познания в науке. Исходя из наличия в каждой науке эмпирического и теоретического уровней познания, В. Ф. Геннинг счел возможным выделить различные объекты и предметы археологического познания для каждого ее уровня. На эмпирическом уровне объектом археологического познания, по В. Ф. Геннингу, являются археологические памятники, а предметом — специфические археологические закономерности. На теоретическом уровне объектом археологического познания оказывается уже общество, логически реконструируемое, а предметом — «закономерности перехода физической, умственной, социальной и т. д. деятельности в предметные результаты»⁴⁹.

Точка зрения В. Ф. Геннинга на эмпирический объект и предмет познания по существу повторяет взгляды В. С. Бочкарева и Г. П. Григорьева на объект и предмет археологической науки. Точка зрения В. Ф. Геннинга на теоретический объект археологии аналогична концепции В. Н. Боряза. Правда, в обоих случаях необходима существенная поправка. Ни В. С. Бочкарев и Г. П. Григорьев, ни В. Н. Боряз не разделяют мнение В. Ф. Геннинга о двух объектах и предметах познания в археологической науке.

Нет необходимости в специальном разборе концепции В. Ф. Геннинга, поскольку об этом уже была речь при анализе взглядов В. С. Бочкарева, Г. П. Григорьева и В. Н. Боряза. Заметим, однако, что выделенные В. Ф. Геннингом объект и предмет теоретического уровня не отвечают методологическим требованиям, предъявляемым к понятиям объекта и предмета науки. Во-первых, реконструируемое общество, как уже отмечалось при разборе концепции В. Н. Боряза, не может быть объектом непосредственного исследования. Во-вторых, если на эмпирическом уровне строго в соответствии с методологическими требованиями предмет исследования детерминирован объектом, на теоретическом уровне этот принцип нарушен. Здесь, наоборот, объект (реконструируемое общество) детерминирован предметом (закономерностями перехода различных форм деятельности в предметные результаты), т. е. закономерностями опредмечивания. В-третьих, предмет, имеющий своим содержанием закономерности опредмечивания, предполагает своим объектом не общество, а формы деятельности и их предметные формы, которые являются носителями указанной закономерности. Если бы действительным объектом познания было общество, то предметом познания согласно теоретической концепции предмета, разделяемой В. Ф. Геннингом, должны были быть не закономерности опредмечивания, а закономерности общественного развития. Следовательно, предлагаемые В. Ф. Геннингом объект и предмет теоретического уровня нужным образом не детерминируются и не координируются друг с другом. Однако это не самое главное.

Концепция В. Ф. Геннинга не согласуется с основополагающим методологическим принципом, согласно которому не уровни познания, а науки различаются специфическими предметами. Предложенная В. Ф. Геннингом концепция противоречит его же положению о том, что «специфичность предмета определяет самостоятельность науки»⁵⁰. Именно специфичность предмета науки, а не предметов. Если же строго придерживаться этого методологического принципа, то наличие двух предметов должно было бы указывать на наличие в археологии двух самостоятельных наук. Между тем, археологическая наука, как и все самостоятельные науки, имеет один объект и один предмет познания. Причем предмет познания, как мы уже отмечали, органично включает в себя и непосредственное изучение археологических памятников и конечную задачу археологической науки (по В. Ф. Геннингу — «воссоздание исторического развития древних обществ»). В. Ф. Геннинг стремился отразить в понятии предмета археологической науки ее конечную, генеральную задачу. Эта цель вполне мо-

жет быть достигнута без искусственного членения единого объекта и единого предмета единой археологической науки.

Итак, мы рассмотрели различные концепции объекта и предмета археологической науки. Все они базируются на общем методологическом тезисе, согласно которому предметом науки являются закономерности ее объекта. Однако, как видим, применение этого тезиса еще не гарантирует однозначное решение проблемы. И, конечно, возможности его применения определяются прежде всего природой самого исследуемого объекта. Как быть, когда объект, в данном случае археологические источники, не подвержен закономерностям развития? Что же в таком случае рассматривать в качестве предмета археологии? Может быть, задачи познания? В специальной литературе известна концепция, рассматривающая задачи и цели познания как предмет науки⁵¹. На важность и значение задач познания указывает марксистская теория познания⁵².

На вопрос о том, какие же задачи изучения социального прошлого на основании своих источников решает археология, следует ответить: те же, что и собственно историческая наука. Задачей познания последней является изучение истории общества⁵³, общества в целом⁵⁴, во всей его целостности и конкретности⁵⁵, как единого закономерного процесса во всем его многообразии⁵⁶. Эти же задачи решает и археология, и, таким образом, одни лишь задачи исследования сами по себе не раскрывают специфику ее предмета.

Когда мы имеем дело с историческими науками, изучающими феномены прошлой исторической действительности, необходимо учитывать их общую специфику, которая выражается в структурной сложности их предметов. Определить предмет любой частной исторической науки — значит указать, во-первых, на ее специфический объект, и, во-вторых, на решаемые ею задачи, цели познания. Только при понимании предмета науки как неперемennого единства объекта и задач исследования⁵⁷ можно отличить археологию от исторической науки. При ограничении предмета археологии и исторической науки только их задачами теряется специфика их объекта и в конечном счете их статус самостоятельных наук. При ограничении предмета археологии и исторической науки только их объектами они теряют свое единство, а археология лишается важного качества историзма.

Для различения предмета каждой науки исторического профиля, кроме ее задач, важное значение приобретает специфика их объектов, т. е. их исторических источников. Игнорирование специфики вещественных и письменных источников, акцентирование внимания на общен исторических задачах в свое время привело к отрицанию самостоятельного значения таких наук, как археология, этнография и собственно история⁵⁸.

Исторические источники являются неперемennой объективной предпосылкой познания истории человечества⁵⁹. Этим важным обстоятельством определяется исключительное значение источниковедения а) как исходной базисной подсистемы исторического познания⁶⁰; б) как важной составной части общей методологии исторической науки⁶¹. Придавая важное значение разработке теории источниковедения, советские историки приступили уже к практической реализации этой ответственной задачи⁶². Иное положение в археологической науке.

Проблемы археологического источниковедения, природы археологических источников, их значения в последнее время на новой основе ставятся на обсуждение.

Без органичного единства археологического источниковедения и задач общен исторического исследования нет предмета археологической науки.

Без органичного единства теории археологического источниковедения и теории общественного и исторического развития нет теории предмета, общей теории советской археологической науки.

- 1 Румянцев А. М. Предмет политической экономии и характер законов развития общества.— «Вопросы философии», 1955, № 2, с. 87—104; Анисимов Г. А. О предмете политической экономии.— «Коммунист», 1966, № 18, с. 90—99; Броввер И. К вопросу о предмете политической экономии социализма.— «Вопросы экономики», 1972, № 7, с. 73—80.
- 2 Гулыга А. В. О характере исторического знания.— «Вопросы философии», 1962, № 9, с. 28—38; он же. О предмете исторической науки.— «Вопросы истории», 1964, № 4, с. 20—31; он же. История как наука.— В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 7—50; Лавровский В. М. К вопросу о предмете и методе истории как науки.— «Вопросы истории», 1966, № 4, с. 72—77; Кон И. С. К вопросу о специфике и задачах исторической науки.— «Вопросы истории», 1951, № 6, с. 48—64.
- 3 Будагов Р. А. О предмете языкознания.— «Известия АН СССР», серия литературы и языка, 1972, т. 31, вып. 5, с. 401—412.
- 4 Колбановский В. В. О предмете марксистской социологии.— «Вопросы философии», 1958, № 8, с. 126—132; Рожин В. П. О предмете марксистской социологии.— В кн.: Вопросы марксистской социологии. Л., 1962; Угринович Д. М. О предмете марксистской социологии.— В кн.: Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970.
- 5 Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 204—214.
- 6 Федорова А. Т. К вопросу о предмете исторического материализма.— «Вопросы философии», 1957, № 3, с. 49—60.
- 7 Захарук Ю. Н. О методологии археологической науки и ее проблемах.— СА, 1969, № 3, с. 11—20; Григорьев Г. П. О предмете археологии.— В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 41—43; Захарук Ю. Н. К вопросу о содержании и структуре археологической теории.— Там же, с. 43—46; Массон В. М. Археология за бортом гуманитарии (некоторые зарубежные теории и вопрос о предмете археологической науки).— Там же, с. 46—49; Бочкарев В. С. К вопросу о структуре археологического исследования.— Там же, с. 56—60; Генинг В. Ф. Объект и предмет археологии (к вопросу о соотношении эмпирического и теоретического уровня знаний в современной археологии).— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции. Киев, 1975, с. 14—17; он же. Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии.— «Вопросы археологии Урала», вып. 13, 1975, с. 5—16; Захарук Ю. Н. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования.— В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы симпозиума ЛОИА АН СССР. Л., 1975, с. 4—6; Боряз В. Н. Природа археологического источника и объект археологии как науки.— Там же, с. 6—10; Рогачев А. Н. О предмете и методе первобытной археологии.— Там же, с. 11—14; Аникович М. В. Первобытная археология — конкретная историческая наука (к постановке проблемы).— Там же, с. 14—18; Боряз В. Н. Методологические предпосылки и принципы определения объекта археологической науки.— В кн.: Материалистическая диалектика и частные науки. Л., 1976, с. 204; Шер Я. А. Методологические вопросы археологии.— «Вопросы философии», 1976, № 10, с. 77.
- 8 Методологические основы научного познания. М., 1972, с. 57.
- 9 Методологические основы научного познания, с. 57—64; Боряз В. Н. Природа археологического источника..., с. 8.
- 10 Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1967, с. 14; Грязнов Б. С., Дынин Б. С., Никитин Е. П. Теория и ее объект. М., 1973, с. 227.
- 11 Ракитов А. И. Курс лекций по логике науки. М., 1971, с. 70.
- 12 Быков В. В. О некоторых методах изучения науки.— В кн.: Очерки истории и теории развития науки. М., 1969, с. 79.
- 13 Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 204—207.
- 14 Грушин Б. А. Очерк логики исторического исследования. М., 1961, с. 74.
- 15 Рожин В. П. Исторический материализм — всеобщая методология общественных наук.— В кн.: Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968, с. 15.
- 16 Философия естествознания, вып. 1. М., 1966, с. 346.
- 17 Анисимов Г. А. О предмете политической экономии, с. 90.
- 18 Ракитов А. И. К вопросу о структуре исторического исследования.— В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 174—176.
- 19 Французова И. П. Исторический метод в научном исследовании (вопросы методологии и логики исторического исследования). М., 1972, с. 145, 173—202; Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1973, с. 32, 33.
- 20 Уваров А. И. Проблема теории и источника в исторической науке.— Уч. зап. Томского университета, т. 85 (Проблемы методологии и логики науки), вып. 6, 1970, с. 193.
- 21 Иванов Г. М. Некоторые вопросы гносеологического анализа исторических источников.— «Труды Томского университета», т. 211 (Методологические и историографические вопросы исторической науки), вып. 7-8, 1972, с. 6; Данилов В. П., Якубовская С. И. Источниковедение и изучение истории.— «Вопросы истории», 1961, № 5, с. 6.

- 22 Боряз В. Н. Природа археологического источника..., с. 6—11; он же. Методологические предпосылки..., с. 204.
- 23 Ракитов А. И. К вопросу о структуре..., с. 165—176.
- 24 Уваров А. И. Проблема теории и источника..., с. 193.
- 25 Ракитов А. И. К вопросу о структуре..., с. 176.
- 26 Бочкарев В. С. К вопросу о структуре..., с. 57.
- 27 Григорьев Г. П. О предмете археологии, с. 42.
- 28 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 191, 192.
- 29 Бочкарев В. С. К вопросу о структуре..., с. 57; Григорьев Г. П. О предмете археологии, с. 42.
- 30 Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий.— В кн.: Предмет и объект археологии..., с. 39.
- 31 Бочкарев В. С. К вопросу о системе..., с. 30.
- 32 Ленинская теория отражения и современность. София, 1969, с. 453.
- 33 Доклад В. Ф. Генинга и В. Д. Викторовой «О предмете археологической науки» обсуждался на заседании секции теории и методики археологии во время сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР (Самарканд, 1973 г.). К сожалению, тогда тезисы доклада не были напечатаны. В 1975 г. концепция В. Ф. Генинга и В. Д. Викторовой была изложена в статье В. Ф. Генинга «Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии».
- 34 Генинг В. Ф. Специфический предмет..., с. 12.
- 35 Генинг В. Ф. Специфический предмет..., с. 13.
- 36 Генинг В. Ф. Специфический предмет..., с. 13.
- 37 Боряз В. Н. Природа археологического источника..., он же. Методологические предпосылки...
- 38 Боряз В. Н. Методологические предпосылки..., с. 204.
- 39 Боряз В. Н. Природа археологического источника..., с. 10.
- 40 Боряз В. Н. Природа археологического источника..., с. 11.
- 41 Ленинская теория отражения и современность, с. 435.
- 42 Никитин Е. П. Метод познания прошлого.— «Вопросы философии», 1966, № 8, с. 34.
- 43 Французова И. П. Исторический метод..., с. 145, 173—202; Блок М. Апология истории..., с. 32, 33.
- 44 Блок М. Апология истории..., с. 33.
- 45 Прибиджаков Н. Клино перед судом буржуазной философии. М., 1972, с. 209; Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, с. 45.
- 46 Боряз В. Н. Природа археологического источника..., с. 11.
- 47 Генинг В. Ф. Объект и предмет археологии, с. 14—17.
- 48 Генинг В. Ф. Объект и предмет археологии, с. 15.
- 49 Генинг В. Ф. Объект и предмет археологии, с. 16.
- 50 Генинг В. Ф. Объект и предмет археологии, с. 16.
- 51 Ракитов А. И. Курс лекций по логике науки, с. 75.
- 52 Ленинская теория отражения и современность, с. 452—455.
- 53 Кон И. С. К вопросу о специфике и задачах исторической науки, с. 51, 52.
- 54 Греков В. Д. История.— БСЭ, т. 19, с. 28.
- 55 Приписнов В. И. О соотношении исторического материализма и исторической науки.— «Вопросы философии», 1961, № 1, с. 106.
- 56 Иванов Г. М. Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке.— «Вопросы истории», 1962, № 12, с. 19, 20.
- 57 Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования, с. 47.
- 58 СГАИМК, 1932, 7-8, с. 1—6.
- 59 Иванов Г. М. Своеобразие процесса отражения действительности..., с. 25.
- 60 Стефанов Н., Качунов С., Симеонова К. Структура и методология на историческом познании. София, 1971.
- 61 Иванов Г. М. Своеобразие процесса отражения действительности..., с. 29.
- 62 Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

А. Н. РОГАЧЕВ

О ПРЕДМЕТЕ И МЕТОДЕ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Первобытная археология, в отличие от древневосточной, античной и средневековой, являющихся вспомогательными историческими дисциплинами, представляет собой в известной мере своеобразную историческую науку, задачей которой является изучение вещественных остатков с целью познания древнейшей истории народов и стран. Главная задача первобыт-

ной археологии — собирание и исследование археологических материалов, изучение которых обеспечивает составление введения в гражданскую историю стран и народов. Следовательно, и в этом смысле первобытная археология является такой же конкретной исторической наукой, как и вся последующая история.

Вместе с тем первобытная археология с целью глубокого осмысления собираемых вещественных источников и подлинно научного освещения проблем истории первобытной техники, первобытного хозяйства, возникновения и развития первобытного искусства специально, в историко-культурном плане, разрабатывает эти проблемы на основе марксистско-ленинской теории первобытнообщинного строя, развитие которой на археологических материалах должно стать первейшим делом самих археологов. Совершенно безотлагательно в интересах дальнейшего успешного развития науки необходимо археологам вместе с палеогеографами-четвертичниками специально изучать стратиграфические и палеоэкологические условия памятников. Желательно было бы выделить фактически уже обособившуюся область исследований — морфологию и функции каменных орудий. Точно так же необходимо было бы иметь специалистов, разрабатывающих проблему возникновения и развития первобытного земледелия.

Без оформления этой новой, фактически уже сложившейся структуры первобытной археологии как конкретной исторической науки, создаваемой такими специалистами, как историки первобытной техники, историки первобытного хозяйства, искусствоведы, теоретики-экономисты первобытного общества и стратиграфы-палеогеографы, становится затруднительным дальнейшее успешное развитие первобытной археологии, настойчиво требующей интеграции достигнутых уже знаний. Теперь, кажется, стало уже ясным, что все перечисленные выше разделы первобытной археологии нуждаются в специалистах. Касаясь вопроса структуры нашей науки, следует отметить и то, что в первобытной археологии СССР прочно укрепились специальные исследователи палеолита, неолита и бронзового века, а кроме того, даже и среди исследователей палеолита выделились специалисты по четырем регионам своеобразного развития первобытных культур — восточноевропейскому, кавказскому, среднеазиатскому и сибирскому.

Сложившаяся окончательно за два последние десятилетия эта новая структура советской первобытной археологии, разумеется, требует глубокой внутренней перестройки, повышения качества научной разработки решительно всех ее разделов и особенно отстающих (в частности, в области морфологии каменных орудий и теоретико-экономических исследований). Все это требует форсированного обсуждения в нашей науке дискуссионного вопроса о теории предмета и метода археологии.

В общих чертах предметом археологии является историческая реальность, представленная вещественными остатками деятельности людей, но такое общее определение не может удовлетворить историков-марксистов, рассматривающих историю как процесс смены общественно-экономических формаций. Заслугой советских археологов является достижение подлинно научного конкретно-исторического понимания процесса развития древнейшей и древней культуры, которое возможно лишь на основе метода исторического материализма с его теорией смены способов производства. Опыту решения вопроса о предмете и методе первобытной археологии посвящена наша статья, рассчитанная на привлечение к нему внимания всех археологов, осознавших необходимость укрепления теоретических основ советской археологии.

Разумеется, содержание теории предмета и метода археологии зависит от степени накопления эмпирического материала и разработанности теоретических основ общественных наук, в частности исторической науки. С нашей точки зрения, первобытная археология, в отличие от историче-

ской археологии, является не только исторической, но в известной мере и самостоятельной общественной наукой, предмет и метод которой по сравнению с древней, средневековой, новой и новейшей историей имеет существенные специфические особенности, определяющиеся полным отсутствием письменных источников, а в связи с этим и спецификой задачи исторического объяснения вещественных источников.

Продолжающаяся в советской археологии тенденция рассматривать первобытную археологию как вспомогательную для «науки о первобытном обществе» или для «истории первобытного общества» историческую дисциплину является непреодоленной традицией социологического схематизма. Предметом изучения первобытной истории, согласно этой традиции, является первобытнообщинная формация, охватывающая огромный период времени от появления на земле человека до возникновения классовых обществ¹. Развивая это положение, А. Л. Монгайт писал: «Источниками первобытной истории служат данные не только археологии, а также этнографии, лингвистики, антропологии. Поэтому понятия первобытной истории и первобытной археологии близки, но не совпадают»². Именно так и понимал соотношение «советской истории первобытного общества» и первобытной археологии В. И. Равдоникас, отождествлявший теоретическую экономику, или теорию первобытнообщинного строя, и конкретно-исторический процесс своеобразного развития первобытной культуры. История первобытного общества освещалась им схематически как единый и цельный всемирноисторический процесс с едиными стадиями развития, без учета возможности реальных связей между различными археологическими и этнографическими своеобразными культурами³, отражающими возникновение и развитие определенных социальных организмов.

Неменьшим препятствием к правильному пониманию теории предмета и метода первобытной археологии и ее методических и методологических основ является представление о «единой археологической науке» как самостоятельной отрасли исторического знания, развивающейся якобы отдельно, наряду с исторической наукой. «Ныне археология, — писал Ю. Н. Захарук, — выступает как самостоятельная историческая наука, изучающая прошлое человеческих обществ на основании вещественных источников. Что же в таком случае является предметом или объектом ее изучения? Вещественные источники или прошлое человеческих обществ? Предмет археологической науки представляется сложным. Он включает в себя прежде всего непосредственный объект исследования, какими являются разнообразные археологические источники, а кроме того само общество, продуктом деятельности которого на конкретных ступенях развития являются эти археологические источники»⁴.

С основной мыслью Ю. Н. Захарука, что предметом исследования археологии являются как вещественные источники, так и само общество, можно было бы согласиться, но нельзя принять его по-городцовски перасчитанное понимание археологии как самостоятельной археологической науки, отделенной от исторической науки и поэтому требующей «определения предмета археологической науки в целом»⁵.

Ю. Н. Захарук преувеличивает «всеобщий характер методологической проблематики» археологических исследований, не чувствует конкретно-исторической сущности и различия, с одной стороны, первобытного социального процесса, а с другой — общественных явлений и событий по существу гражданской истории. Он ратует за применение диалектики в археологических исследованиях, заботится о социологической интерпретации археологических источников, но не чувствует того, что нельзя правильно определить предмет и метод в целом и первобытной, и древневосточной, и античной, и средневековой археологии. Для этого необходимо руководствоваться и ленинским указанием о роли абстрактных истин теории как руководящих положений, и марксистско-

ленинским учением об общественно-экономических формациях. История первобытной культуры, с одной стороны, а с другой — история культуры древневосточных, античных и средневековых обществ, изучаемых археологией в интересах познания древнейшей, древней и средневековой истории, имеют различное включение в освещение исторического процесса в силу принципиального различия способов производства, господствовавших в этих обществах и определявших исторически важное своеобразие этих различных социальных организмов. Возникновение, развитие и укрепление общественного разделения труда, товарообмена, письменности и государств определили существенно иную роль и иное значение вещей в жизни людей.

С нашей точки зрения, неудача Ю. Н. Захарука в постановке и обсуждении вопроса о предмете и методе археологии объясняется отсутствием в его работах историографического анализа этой важной проблемы. Нам представляется неверной исходная позиция Ю. Н. Захарука, заключающаяся в ошибочной оценке современного состояния советской археологии. «Археология, — по его мнению, — переживает сейчас сложный период перехода от эмпирического этапа к этапу синтетическому»⁶.

Статьи Ю. Н. Захарука можно считать уже четвертым этапом широкого обсуждения в советской археологической литературе методических и методологических основ науки. Первый из них связан с выходом в свет обстоятельного сводного труда В. А. Городцова по каменному веку СССР⁷. Второй характеризуется огромным подъемом полевых и теоретических археологических работ в 30-х годах. Третий, еще более плодотворный период в развитии советской археологии составляют 50-е и 60-е годы.

Основателем первобытной археологии как исторической науки является В. А. Городцов, впервые достигший глубокого понимания задач тогда еще чисто вещеведческой археологии в силу господства традиций историзма, свойственного русской прогрессивной общественной мысли. В. А. Городцову наша наука обязана не только первоначальным накоплением археологических материалов, первым опытом их научной классификации, налаживанием дела охраны и изучения памятников, но и разработкой методов их исследования. Вопросы «теории и философии археологии как науки» первым среди русских и советских археологов сознательно и целеустремленно начал обсуждать В. А. Городцов.

«Первобытная археология, — писал он в 1923 г., — представляет новую науку, еще далеко не закончившую процесса своего формирования. Ее имя в России впервые было установлено на I археологическом съезде в 1869 году. Время, охватываемое первобытной археологией, начинается первым появлением произведений рук человека и кончается появлением исторических письменных документов и известий... Это время отмечается также появлением в общечеловеческой культуре первых металлических, именно медных орудий»⁸. Существенно отметить и то, что он по-современному понимал цели науки: «Задачей археологии является открытие законов развития культуры и благодаря этому извлечение полезного опыта для устройства настоящей и последующей жизни»⁹. Особенно его интересовали место археологии в системе наук, ее предмет и методы. «Предметом изучения первобытной археологии, — писал он в специальном теоретическом разделе своего труда, — являются древнейшие памятники до появления о них исторических известий в форме писанных документов и преданий. Историческая археология, служа прямым продолжением первобытной, имеет предметом памятники, современные историческим известиям и документам»¹⁰. Это обстоятельство коренным образом облегчает задачу интерпретации вещественных источников.

Глубокое понимание задач нашей науки и выделение двух ее подразделений — археологии первобытной и исторической, имеющих, по его мнению, сходно формулируемые, но по существу разные предметы, позволило глубоко и конкретно обсуждать главные вопросы первобытной ар-

хеологии и обогатить ее многими выводами, вошедшими в фонд основных научных достижений, и высказать плодотворные гипотезы и идеи, сыгравшие важную роль в ее дальнейшем развитии»¹¹.

В. А. Городцовым установлен принцип геологической стратиграфии памятников как основы их хронологической классификации. Он призывал учитывать местные (локальные) особенности в развитии первобытной культуры, установив их социальную, этнографическую природу. Его реалистический взгляд на многие проблемы первобытной археологии определялся пониманием важной роли орудий труда в развитии культуры. Неравномерность процесса развития первобытной культуры составляет сущность его исторической концепции. Введением понятия археологической культуры в первобытную археологию и признанием возможности установления верхнепалеолитических археологических культур В. А. Городцов методически вооружил первобытную археологию, несмотря на отсутствие у него правильного понятия о методе первобытной археологии.

У В. А. Городцова было своеобразное понимание историзма, порожденное в конечном счете антропологическим подходом к истории, согласно которому при неизменности природы человека развитие культуры воспринимается как самодвижущийся процесс, не зависящий от изменений в развитии общества. Представление об эволюции культуры при антропологическом понимании истории не связывается с предметной (производственной) деятельностью людей, определяющей их социальное развитие.

В данном случае не требуется критика ошибочных и порой противоречивых суждений В. А. Городцова. Отметим лишь главное: в изучении природы труда и хозяйства он склонялся к естественнонаучному материализму, в трактовке же вопросов искусства и религии он защищал крайне идеалистические представления¹². Несмотря на это, труды В. А. Городцова составили важный этап в становлении нашей науки, определивший в целом ее прогрессивное развитие.

Что касается метода первобытной археологии, то решающий вклад в правильное понимание этого вопроса был внесен исследователями каменного века в 30-х годах. Открытие палеолитических жилищ и поселений и разработка методики их изучения позволили исследователям палеолита Восточной Европы и Северной Азии на археологических материалах обосновать завершенную и целостную концепцию первобытнообщинного строя. Костенковская экспедиция, руководимая П. П. Ефименко и С. Н. Замятинным, явилась форпостом советской первобытной археологии в борьбе за историческое объяснение памятников эпохи каменного века¹³. П. П. Ефименко и С. Н. Замятин как первооткрыватели палеолитических жилищ и поселений и исследователи произведений палеолитического искусства, столкнувшись с этими фактами, почувствовали влияние не только природных, но и социальных факторов, определяющих развитие первобытной культуры. Именно это обстоятельство оказалось решающим в сближении первобытной археологии с марксистско-ленинской теорией первобытнообщинного строя¹⁴.

Дальнейшее расширение и углубление исследований палеолитических жилищ и поселений привело к выводу о достаточно сложной домашнехозяйственной и социальной жизни первобытных общин в эпоху верхнего палеолита. Аналогичные памятники были исследованы в Центральной Европе, а затем и во Франции. В недавние годы достоверные остатки жилищ эпохи среднего палеолита, мустьерского времени, были открыты на Днестре, а на юге Франции и в Испании были встречены хорошо сохранившиеся остатки жилищ более древнего, ашельского, времени.

Среди развалин жилищ и хозяйственных сооружений, иногда занимающих значительные площади, встречаются обычные остатки и отбросы обитания в виде осколков и целых костей животных, расщепленных кремней, осколков камней, каменных и костяных орудий и их обломков. Чаще всего эти культурные остатки накапливались на местах поселений

и на полу жилищ мустьерского и верхнепалеолитического времени в виде достаточно мощного культурного слоя, в котором были обычны и предметы украшения, и произведения в то время возникающего изобразительного искусства. Вот такие полные комплексы разнообразных остатков деятельности людей позволили характеризовать с разных сторон производственную, домашнехозяйственную, социальную и духовную жизнь людей. На основе исследования многочисленных остатков жилищ и поселений, коллекций каменных и костяных орудий, предметов украшения и произведений первобытного искусства была эмпирически подтверждена теория первобытнообщинного строя. Именно эти обстоятельства явились причиной сложения советской социологической школы исследователей палеолита, выдающимся представителем которой П. П. Ефименко и С. Н. Замятину удалось достигнуть значительных успехов в методическом и методологическом вооружении первобытной археологии¹⁵.

Таким образом, марксистско-ленинская теория первобытнообщинного строя в качестве составной части теории исторического материализма стала методом советской первобытной археологии, и создалась возможность развития первобытной археологии в качестве конкретно-исторической науки.

Исключительная важность вкладов В. А. Городцова, П. П. Ефименко и С. Н. Замятину в разработку теории предмета и метода первобытной археологии как исторической науки не умаляет того факта, что сами они не всегда достаточно ясно представляли стоящую перед ними задачу и не всегда осознавали и правильно понимали роль и значение теории первобытнообщинного строя как метода первобытной археологии. Систематическая критика их ошибочных взглядов и суждений, которых было, к сожалению, не так уж мало, не является задачей данной статьи. Необходимо отметить главное в научном творчестве этих выдающихся исследователей каменного века СССР — они обеспечили достижение понимания первобытной археологии как конкретно-исторической науки путем вооружения ее теорией первобытнообщинного строя. Благодаря правильному пониманию предмета и метода археологии обособились ее исторические разделы и уточнилось понимание их метода. Выделились археология древневосточная, античная и средневековая, естественно, ставшие важными вспомогательными историческими науками и неотъемлемыми частями истории определенных народов и стран.

Предложенное решение вопроса о предмете и методе первобытной археологии способствует дальнейшему развитию и конкретизации многих проблем самой теории первобытнообщинного строя. К правильной постановке этого вопроса, с нашей точки зрения, весьма близок Ю. М. Борадай, рассматривающий «материальное производство, т. е. труд, как основу и движущую пружину исторического образования всех конкретных форм социальности и сознания»¹⁶. Давая по существу верную постановку проблемы возникновения первобытнообщинного строя и отмечая справедливо, что вынесение в глубину времен категорий труда, орудийной деятельности, общества и сознания «ни к чему, кроме недоразумений, не приводит», он все же делает уступку сторонникам этой точки зрения тем, что отождествляет начало процесса антропогенеза с процессом возникновения труда, социума, сознания, т. е. с возникновением разумного общественного существа, производящего орудия труда. Именно эта точка зрения не позволяет правильно соотнести теорию первобытнообщинного строя с гипотезой Ф. Энгельса о первобытностадном состоянии и выделить длительный биологический период развития предметной (манипуляционной) деятельности, начавшийся в миоцене в связи с возникновением прямохождения. Благодаря стадному образу жизни и прямохождению у антропоидов достигли необходимого развития физиологические и психические функции, что и обусловило возникновение труда, социума и сознания, выразившееся в изготовлении каменных орудий.

Из нашего по необходимости краткого обзора проблемы предмета и метода первобытной археологии как конкретно-исторической науки следует, что в интересах дальнейшего успешного ее развития и достижения новых научных знаний в структуре первобытной археологии наряду с историей первобытной техники, первобытного хозяйства, первобытного искусства и другими специальными разделами должное развитие требуется и разделу теоретической экономики, задачей которого является дальнейшая разработка теории первобытнообщинного строя, вокруг которой концентрируются все методологические вопросы этой науки. Только на основе подлинно научной специальной разработки всех разделов первобытной археологии возможен успешный синтез научных знаний, которые позволят создать образ конкретно-исторического развития древнейшей культуры на огромных пространствах нашей страны.

¹ Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1968, с. 4.

² Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973, с. 61.

³ Равдоникас В. И. История первобытного общества. Л., 1939, с. 61.

⁴ Захарук Ю. Н. Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука. — В кн.: Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 9.

⁵ Захарук Ю. Н. Ленинское теоретическое наследие..., с. 11.

⁶ Захарук Ю. Н. Ленинское теоретическое наследие..., с. 10.

⁷ Городцов В. А. Археология. Т. I. Каменный век. М. — Пг., 1923.

⁸ Городцов В. А. Археология, т. I, с. 7.

⁹ Городцов В. А. Археология, т. I, с. 30.

¹⁰ Городцов В. А. Археология, т. I, с. 6, 7.

¹¹ Розачев А. Н. Некоторые вопросы стратиграфии палеолита Восточной Европы. — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, XVIII, 1961, с. 40.

¹² «Искусство, подобно религии, присуще всем живым организмам, населяющим земной шар» (Городцов В. А. Археология, т. I, с. 210).

¹³ Розачев А. Н. П. П. Ефименко и вопросы социологии первобытного общества. — КСИА, 131, 1972, с. 5—10.

¹⁴ Ефименко П. П. Маркс и проблемы древнейшего периода первобытнокоммунистического общества. — ИГАНМ, 9, 1934, с. 91—116.

¹⁵ Всемирная история, т. I. М., 1955, с. 17—128; Розачев А. Н. Раскопки палеолитических стоянок и погребений. — Известия на Археологический институт, кн. XXII. София, 1959, с. 3—13; он же. Палеолитические жилища и поселения. — МИА, № 166, 1970, с. 64—76.

¹⁶ Борадай Ю. М. К вопросу о социально-психологических аспектах происхождения первобытнообщинной общины. — В кн.: Принципы историзма в познании социальных явлений. М., 1972, с. 230.

Ю. Н. ЗАХАРУК

АРХЕОЛОГИЯ ИЛИ ПЕРВОБЫТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ?

(по поводу концепции первобытной археологии А. Н. Розачева)

В апреле 1975 г. на симпозиуме методологического семинара Ленинградского отделения Института археологии АН СССР с обстоятельным докладом на тему «О предмете и методе первобытной археологии» выступил А. Н. Розачев¹. Главная идея доклада состояла в утверждении положения о том, что нет единой «по-городцовски нерасчлененной археологии» и что подлинно самостоятельной исторической наукой является только первобытная археология. По мнению А. Н. Розачева, концепция единой археологической науки «игнорирует различную роль вещей в жизни людей, живущих при разных способах производства»², и в конечном счете и теорию социально-экономических формаций. Он считает, что

археологические источники имеют самостоятельное значение только для изучения первобытнообщинного строя и поэтому античная и средневековая археология, в отличие от первобытной, являются только вспомогательными историческими дисциплинами. Задачей первобытной археологии является «изучение первобытного исторического процесса и культуры», а предметом ее исследования — «историческая действительность, представленная вещественными остатками»³.

Возникает вопрос, в чем же специфика задач и предмета первобытной археологии и ее принципиальное отличие от античной и средневековой археологии? Разве задачи познания исторического процесса и культуры на основании изучения вещественных источников не отражают общие задачи археологии в целом? Однако А. Н. Рогачев видит различное гносеологическое значение археологических источников для разных периодов человеческой истории, их различную роль и значение в изучении доклассового общества и классовых формаций. К сожалению, А. Н. Рогачев не раскрывает суть этого различия. Говоря о задачах первобытной археологии, А. Н. Рогачев указывает на изучение исторического процесса первобытности, на необходимость учета теории социально-экономических формаций и, естественно, прежде всего теории первобытнообщинного строя. Остается не ясным, почему «при исследовании археологических материалов от Олдувея до Мангазеи» непременно будет игнорироваться теория социально-экономических формаций? Почему только первобытная археология обладает привилегией опоры на эту теорию, а античная и средневековая археология непременно ее лишены? Почему учение о социально-экономических формациях не согласуется с концепцией единой археологической науки? Ведь учение о социально-экономических формациях не отрицает концепцию единой исторической науки. Напротив, как известно, в строгом соответствии с учением о социально-экономических формациях история рассматривается как единая наука, изучающая «объективный, единый во всей своей громадной разнообразности и противоречивости процесс развития человеческого общества от его истоков до наших дней»⁴.

Бесспорно, первобытнообщинный строй обладает рядом черт, не присущих последующим классовым формациям. Но разве каждой формации не свойственны свои, особые признаки? Важно, очевидно, другое: отражают ли специфику формаций археологические источники? А. Н. Рогачев сомневается в этом. Почему же античная и средневековая археология не отражает специфику рабовладельческих и раннефеодальных обществ, специфику их экономики, производства, социальной организации, идеологии, искусства и т. п.? Напомним известное, ставшее хрестоматийным положение К. Маркса о важном значении останков средств труда для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций⁵. Именно формаций, а не одной лишь первобытнообщинной формации! Разве археологические источники не дают ответа на вопросы, *что и как* производится, т. е. о способах производства, которыми различаются экономические эпохи, социально-экономические формации? Напомним в связи с этим уточняющую данное положение мысль Ф. Энгельса о том, что «Орудия дикаря обуславливают его общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистическое общество»⁶. Чем же принципиально отличаются по научнопознавательным возможностям археологические источники античной и феодальной формаций от археологических источников первобытного общества? И те и другие в равной мере несут одну и ту же гносеологическую нагрузку, решая одни и те же исторические задачи.

Несомненно, имеются определенные различия в характере, «ассортименте» археологических объектов первобытности и античности, а также средневековья. Имеются определенные особенности в приемах и методах их полевого исследования. Однако эти различия и особенности всегда

остаются таковыми в пределах одного и того же специфического исторического источника, в равной мере отражающего особенности развития различных этапов древнейшей и древней истории. Это различия в пределах единого объекта познания, единых задач исследования, общей методики, единого предмета единой археологической науки. Как и в истории, подразделяющейся на древнюю, средневековую и новую историю, в археологии вполне закономерно подразделение на первобытную, античную и средневековую. Однако это еще не свидетельствует о наличии различных самостоятельных наук с различными предметами и методами исследования.

Бесспорно, первобытная археология, с одной стороны, и античная и средневековая археология — с другой, по-разному соотносятся с письменной историей. Данные античной и средневековой археологии нередко могут быть существенно дополнены данными письменных источников. Но разве наличие или отсутствие письменных источников могут сказаться на содержании и специфике археологических исследований и их возможностях? Разве в условиях отсутствия письменных источников первобытная археология оказывается способной ответить на вопросы, решаемые на основе письменных источников? Конечно, нет. Даже сторонники концепции А. Н. Рогачева признают принципиальное отличие вещественных источников от письменных⁷.

Если письменные источники специально создавались как средство хранения и передачи информации, находящиеся вещи, памятники служили иным целям, и только будучи соответствующим «прочитаны», могут стать важными, а нередко единственными источниками познания прошлого. Различен объем и содержание информации письменных и вещественных источников. Если первые характеризуются заметной субъективностью, вторые предельно объективны. Различное происхождение, условия нахождения письменных и вещественных источников определяют различные методики и приемы их добычи, разыскания и обработки. Одно это уже делает письменные и вещественные источники настолько специфичными, что обуславливает их исследование и интерпретацию различными науками — собственно историей и археологией.

Всячески отстаивая концепцию о самостоятельном значении первобытной археологии, А. Н. Рогачев не столько обосновал специфику предмета первобытной археологии, сколько подтвердил общепризнанную истину о бесспорной специфике первобытнообщинной формации, ее особо важном значении и месте в человеческой истории. При всем бесспорно огромном значении археологии в изучении истории первобытного общества было бы, однако, ошибочно недооценивать значение других наук. Данные этнографии, антропологии и лингвистики имеют, хотя и вспомогательное, но огромное значение в изучении первобытного общества, тем более что они не могут быть компенсированы данными других наук, в том числе и археологии.

Одной из важнейших задач первобытной археологии является ее участие в решении проблемы происхождения человека. «Этим, действительно, определяется ее особое место в исторической науке»⁸. Однако вряд ли кто будет оспаривать большую роль в исследовании этой важной и сложной проблемы, кроме археологии, таких наук, как антропология, палеогеография, историческая геология и др. Наука может иметь или не иметь отношение к изучению того или иного фрагмента объективной исторической действительности. Но если она имеет к нему отношение, она важна, ибо незаменима. История первобытного общества — это далекая, сложная, прошлая историческая действительность, изучение которой осуществляется всеми имеющими к этому отношение науками. Ошибочно поэтому не видеть принципиального различия между историей первобытного общества как этапа человеческой истории, с одной стороны, и первобытной археологией, как одной из наук, ее изучающей, — с другой.

Археология исследует, как и любая общественная наука, множество различных проблем — специальных и общенаучных. Но всегда и везде она остается самостоятельной наукой, решающей свои проблемы и задачи на основе своих специфических исторических источников, своими специфическими методами, в рамках своего специфического предмета.

Рассматривая статус первобытной археологии, А. Н. Рогачев обратил внимание еще на такую важную ее сторону, как метод. Методом первобытной археологии А. Н. Рогачев считает марксистско-ленинскую теорию первобытнообщинного строя как составную часть исторического материализма⁹. А. Н. Рогачев абсолютно прав, утверждая, что советские исследователи палеолита добились выдающихся успехов в изучении и интерпретации палеолитических памятников, разработали специальную методику. Советское палеолитоведение внесло серьезный вклад в обоснование и дальнейшее развитие теории первобытнообщинного строя. Большая заслуга в этом советских археологов П. П. Ефименко, С. Н. Замятина, М. М. Герасимова, А. П. Окладникова и А. Н. Рогачева.

Однако сказать, что методологической основой первобытной археологии является теория первобытнообщинного строя или что методом советской археологии является теория исторического материализма, значит сказать бесспорную, но тем не менее неполную истину. Истину, потому что исторический материализм действительно является всеобщей теорией и методом всех общественных наук, в том числе и археологической науки.

Важное значение исторического материализма как всеобщей теории и метода советской археологии в том, что он составляет ее философскую основу и противостоит различным позитивистским и идеалистическим концепциям зарубежной буржуазной археологии. Теория и метод исторического материализма обуславливают подлинный историзм советской археологии.

Вместе с тем было бы методологически ошибочно отождествлять теорию и метод исторического материализма с частными методами археологической науки. «Всеобщий метод научного познания жизни общества не исключает, а предполагает, что каждая частная наука имеет свои методы, обусловленные особенностями объекта ее исследования. Гармоничное сочетание всеобщего метода познания с частным — необходимое условие развития общественных наук»¹⁰. Специальные методы многообразны. Среди них имеются специальные общенаучные методы, которые применяются различными науками, и специальные частные методы, применяемые в отдельных отраслях знания¹¹. Наличие множества различных методов не снимает вопроса об определении основополагающего, наиболее характерного для данной науки метода познания ее предмета.

В зависимости от различного понимания предмета археологической науки этот вопрос решается по-разному. А. Н. Рогачев основополагающим, «центральным» методом археологической науки считает теорию первобытнообщинного строя, В. С. Бочкарев — типологический метод¹². Однако каждый из указанных методов раскрывает лишь одну из сторон предмета археологии. Теория исторического материализма выступает в качестве методологической основы при решении общепервобытных задач археологической науки, а типологический метод — ее источниковедческих задач. Решение главной задачи археологической науки — воссоздание конкретной истории древних обществ на основании археологических источников — обуславливает применение специальных методов исторической реконструкции, моделирования прошлого, опирающихся, с одной стороны, на данные типологического и других источниковедческих методов, а с другой — на марксистскую теорию исторического и общественного развития.

К настоящему времени уже опубликовано немало исследований, посвященных древнейшей истории различных периодов на территории

нашей страны. Их авторы, каждый по-своему, согласно своему пониманию, решали эту задачу и применяли свою методику. Творческая разработка теоретически обоснованной методики археологического моделирования и реконструкции прошлого представляется в настоящее время важнейшей и актуальнейшей методологической задачей нашей науки. Наверное, не будет ошибкой полагать, что именно методика археологического моделирования и реконструкции является важнейшим основополагающим, «центральным» методом археологии.

Весьма показательны в этом отношении терминология и система понятий археологии, отражающие в полной мере сложную структуру ее предмета и метода познания. Специфика вещественных источников нашла свое отражение в терминологии и понятийной системе археологического источниковедения («культурный слой», «археологический комплекс», «тип памятника», «археологическая культура» и т. п.). Археологическая терминология, однако, не исчерпывается, как полагает В. С. Бочкарев¹³, одной лишь системой понятий эмпирического источниковедческого уровня. Решение исторических задач невозможно без должного использования в археологических исследованиях историко-социальной терминологии и понятий (например, «уровень производства», «идеологические представления», «племя», «миграция» и т. п.). Наличие этой «двойной» терминологии и систем понятий отражает содержание предмета археологии. Это в свою очередь ставит перед археологической наукой сложную задачу соответствующей увязки, «перевода» специфической источниковедческой терминологии и понятий на язык самой истории, историко-социальной действительности. Этим определяется одна из важнейших проблем теории предмета археологической науки, теоретического обоснования методики этого «перевода». Теория археологического источниковедения, с одной стороны, и теория общественного и исторического развития — с другой, должны выступить в органичном единстве в теории предмета археологии, т. е. теории реконструкции, моделирования исторического прошлого на основании специфических исторических (археологических) источников. Таким образом, теория и методика исследования предмета археологической науки определяются его содержанием. Не может быть большей методологической ошибки, чем ограничение теории и методики археологии только теорией и методикой археологического источниковедения или только теорией и методикой общественного и исторического развития. Только на базе органического единства теории и методики археологического источниковедения и теории и методики общественного и исторического развития возможна общая теория и методика советской археологической науки, общая теория и методика ее предмета — реконструкции, моделирования прошлого на основе археологических источников.

В докладе А. Н. Рогачева был также поднят вопрос об историографическом анализе концепций предмета и метода археологии. Вопрос исключительно важный и сложный в связи с тем, что история и историография археологической науки остаются пока наименее исследованными¹⁴. Дать объективную оценку опыта советской археологической науки, ее отдельным деятелям — дело весьма сложное и далеко не легкое. А. Н. Рогачев пытался дать оценку места и роли В. А. Городцова в истории отечественной науки и в частности в решении вопроса о ее предмете и методе. А. Н. Рогачев выступил непримиримым противником «по-городцовски нерасчлененной археологии» и вместе с тем провозгласил В. А. Городцова творцом и основателем первобытной археологии как исторической науки¹⁵.

Из этих противоречивых оценок трудно понять, был ли В. А. Городцов сторонником единой, нерасчлененной археологии или основателем самостоятельной науки — первобытной археологии? В. А. Городцов действительно много внимания уделял вопросам первобытной археологии.

Не случайно одной из первых отечественных работ, посвященных проблемам археологической науки, была его «Первобытная археология» (1908). В работе, опубликованной в 1923 г., В. А. Городцов подразделяет археологию на первобытную и историческую (бытовую)¹⁶. Однако он не противопоставляет их как разные самостоятельные науки. Он считает историческую (бытовую) археологию «прямым продолжением первобытной». И та и другая имеют своим объектом (предметом, по Городцову) археологические памятники. Равным образом общими специальными методами исследования первобытной и бытовой археологии он считал «метод археологических раскопок» и «типологический метод»¹⁷. В. А. Городцов, следовательно, рассматривал археологию как единую, хотя и расчлененную, науку. Об этом свидетельствует работа В. А. Городцова, посвященная итогам археологических исследований в СССР за 10 лет¹⁸. Показательно, что в обзор важнейших полевых исследований в стране вошли памятники, начиная от палеолитических и кончая славяно-русскими, а не только первобытные.

Принципиально важное методологическое значение имеет положение В. А. Городцова об археологических, т. е. «ископаемых» культурах. К числу ископаемых культур В. А. Городцов относил культуры не только «палеометаллической эпохи», т. е. первобытности, но и сарматскую, финскую и славяно-русскую¹⁹. В. А. Городцов, таким образом, действительно был первым отечественным ученым, который предпринял группировку памятников по культурам и пытался теоретически обосновать археологическую культуру как основополагающее понятие единой археологической науки. Большое внимание В. А. Городцов уделял разработке, совершенствованию и теоретическому обоснованию методов археологического исследования. Его перу принадлежат работы, посвященные методике полевых исследований²⁰ и типологическому методу²¹. В. А. Городцов пытался теоретически обосновать типологический метод и при этом справедливо подчеркивал, что метод может научно существовать только при условии, если он имеет свою научную теорию²². Нетрудно заметить, что в центре внимания методологических работ В. А. Городцова были вопросы теории и методики исследования археологических памятников, или, как мы теперь сказали бы, вопросы теории и методики археологического источниковедения. Именно в обосновании и разработке единого археологического источниковедения заключается величайшая заслуга В. А. Городцова перед отечественной археологией.

Отмечая большое научное значение исследований В. А. Городцова, их несомненную близость к пониманию исторических задач археологии, было бы ошибочно, однако, только на этом основании считать их марксистскими. Становление советской археологической науки было связано с внедрением в нее марксизма, с активным творческим овладением ее кадров марксистской теорией и методологией, глубоким освоением богатого теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма, овладением диалектико-материалистической концепцией истории, утверждением, обоснованием и отстаиванием учения о социально-экономических формациях. Особое внимание было уделено советскими археологами проблемам первобытнообщинной формации. Советскими археологами были опубликованы исследования, посвященные изучению теоретического наследия Маркса, Энгельса, Ленина, касающегося первобытнообщинного строя, определению специфического характера этой формации, ее особенностей, закономерностям развития и вопросам периодизации²³. Становление советской археологической науки было связано и с определением главной, генеральной задачи археологии, ее предмета в свете марксистской теории. Это был сложный, противоречивый в своем развитии процесс. Он сопровождался острой борьбой различных мнений, подходов, исходных принципов и толкований марксистских теоретических и методологических основ науки. Неизбежными в этих условиях были и мето-

дологические ошибки. В пылу борьбы с наследием дореволюционной и буржуазной археологии, с ее формалистическим вещеведением, эмпиризмом, всячески подчеркивая важное значение вещей, археологических объектов как исторических источников, недостаточно учитывали специфику археологических источников, а тем самым специфику археологической науки и ее предмета. Археологические источники, равно как и этнографические, привлекались преимущественно для характеристики первобытнообщинного строя как социально-экономической формации. Различные категории археологических материалов, найденных на огромной территории Евразии, использовались в качестве простых иллюстраций к тем или иным общесоциологическим положениям. Ограниченность археологической источниковедческой базы, с одной стороны, и стремление к широкому историко-социологическим обобщениям — с другой, зачастую приводили к схематизму, голому социологизаторству в изучении первобытного общества. Большие территориальные лакуны и хронологические проблемы в археологическом исследовании выдвинули в послевоенные годы на первый план задачи широкого интенсивного полевого исследования археологических памятников СССР во всем их хронологическом и территориальном диапазоне²⁴. Первые послевоенные десятилетия были связаны с решением советскими археологами этой грандиозной задачи. В результате осуществленных экспедиционных исследований быстрым темпом началось накопление огромного и разнообразного археологического материала. Небывалое по масштабам расширение источниковедческой базы исследования было обусловлено, кроме того, теми грандиозными задачами, которые были поставлены перед советской археологической и исторической науками еще в предвоенные годы. Речь шла о создании подлинно научной истории народов СССР. Это в свою очередь потребовало более углубленного изучения археологических источников и предельного раскрытия их научнопознавательных возможностей как источников исторических. В новых условиях развития советской археологической науки, невиданного роста источниковедческой базы исследований, постановки и решения новых, более сложных, исторических задач все большее значение приобретали вопросы археологической теории. Среди теоретических исследований 50-х годов обращают на себя внимание работы А. Я. Брюсова, в которых проявился особый интерес к теоретическим проблемам археологического познания. Примером исследований этого типа может служить работа А. Я. Брюсова «Археологические культуры и этнические общности»²⁵. В ней была предпринята попытка теоретической увязки актуальных проблем археологического источниковедения («археологические культуры») с истматовскими категориями исторических общностей людей («этнические общности»).

Дальнейшие успехи нашей науки в значительной мере будут зависеть от расширения и углубления археологического источниковедения, разработки его теории и методики, постоянного внимания к актуальным проблемам теории исторического и общественного развития и к вопросам общей теории предмета и метода советской археологической науки.

¹ Рогачев А. И. О предмете и методе первобытной археологии. — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы симпозиума ЛОИА АН СССР. Л., 1975, с. 11—14.

² Рогачев А. И. О предмете и методе..., с. 12.

³ Рогачев А. И. О предмете и методе..., с. 11—13.

⁴ Приписнов В. И. О соотношении исторического материализма и исторической науки. — «Вопросы философии», 1969, № 1, с. 105.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 146.

⁷ Аникович М. В. Первобытная археология — конкретная историческая наука. — В кн.: Предмет и объект археологии..., с. 15.

⁸ Аникович М. В. Первобытная археология..., с. 17.

⁹ Рогачев А. И. О предмете и методе..., с. 13.

- ¹⁰ Рожин В. П. Исторический материализм — всеобщая методология общественных наук. — В кн.: Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968, с. 10.
- ¹¹ Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973, с. 85—88.
- ¹² Бочкарев В. С. К вопросу о структуре археологического исследования. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 57.
- ¹³ Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий. — В кн.: Предмет и объект археологии..., с. 34—42.
- ¹⁴ Формозов А. А. Некоторые итоги и задачи исследования в области истории археологии. — СА, 1975, № 4, с. 5—13.
- ¹⁵ Розачев А. Н. О предмете и методе..., с. 12.
- ¹⁶ Городцов В. А. Археология. Т. I. Каменный век. М.-Пг., 1923, с. 6, 7.
- ¹⁷ Городцов В. А. Археология, т. I, с. 14, 15.
- ¹⁸ Городцов В. А. К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет. — ТСА РАНИОН, II, 1928, с. 5—11.
- ¹⁹ Городцов В. А. К итогам..., с. 8.
- ²⁰ Городцов В. А. Руководство для археологических раскопок. М., 1914.
- ²¹ Городцов В. А. Типологический метод в археологии. Рязань, 1927.
- ²² Городцов В. А. Типологический метод..., с. 3.
- ²³ См. опубликованные в 30-е годы монографии и статьи А. Н. Бернштама, Б. А. Богоевского, С. Н. Быковского, П. П. Ефименко, М. П. Жукова, Е. Ю. Кричевского, В. И. Равдоникаса, А. В. Шмидта и других (Известия ГАИМК, Сообщения ГАИМК, Проблемы истории материальной культуры, Проблемы истории докапиталистических обществ и др.).
- ²⁴ См.: Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945, с. 150—180.
- ²⁵ СА, XXVI, 1956.

В. М. МАССОН

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД И ИССЛЕДОВАНИЕ ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Интенсивный процесс накопления информации, столь характерный для археологии, неизбежным образом вызывает постановку вопроса о совершенствовании процедуры археологического исследования, об уточнении и дальнейшей разработке методологических основ археологической науки. Нередко реальная практика приводит к появлению и утверждению методических разработок и приемов еще до того, как предлагаются их теоретическая обоснованность и место в системе данной науки. Так, необходимость комплексного рассмотрения хозяйства древних обществ привела к постановке вопроса о палеоэкономическом анализе в археологии¹, что нашло уже достаточно широкое применение с использованием предложенных конкретных методических приемов².

Несмотря на многочисленные попытки ограничить предмет археологии своего рода подновленным формализованными операциями вещеведением³, методы и приемы палеоэкономического анализа теснейшим образом связаны с разработками, осуществляемыми археологией как особой наукой. Сами по себе дискуссии о предмете археологии не случайны и являются показателем ее теоретического роста и развития. Как известно, приобретение наукой логической структуры предполагает прежде всего более или менее строгое выделение предмета изучения⁴. С точки зрения автора настоящей статьи, предметом археологии является изучение закономерностей развития объектов материальной культуры и различных структур человеческого общества, нашедших отражение в этих объектах. Обе эти стороны находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. Пренебрежение общественными системами, скрывающимися за археологическими объектами, неизбежно приведет к тому, что археология, установив какие-то закономерности в развитии объекта, окажется бессильной их объяснить. С другой стороны, попытки извлечь из

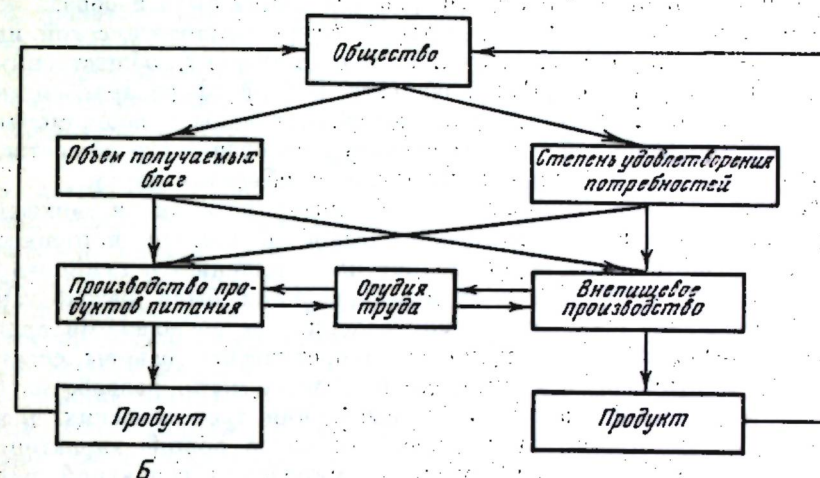
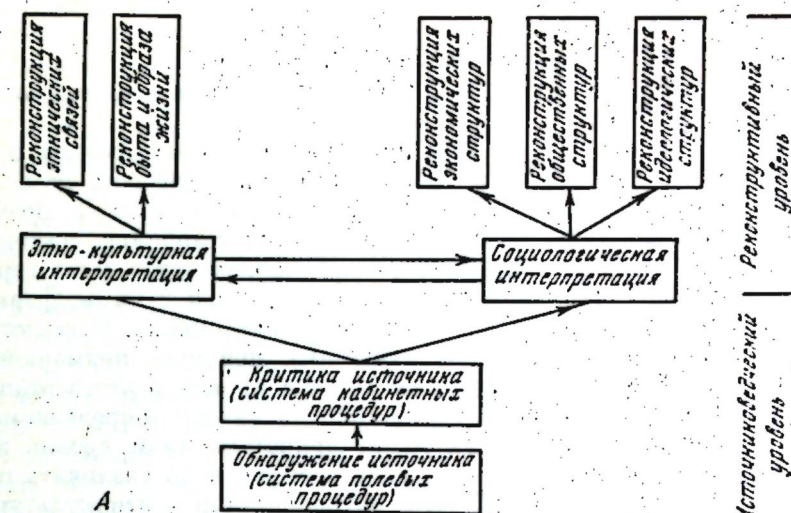

Схема процесса анализа археологических источников (А); схема процессов, отражающихся в археологическом материале (Б)

данных археологии сведения об общественных структурах, не нашедших отражения в собственно археологических материалах, приводят к своего рода перенапряжению этих материалов и возникновению кризисной ситуации, о которой хорошо писал Ю. Н. Захарук⁵.

Сведения о материально-производственной деятельности древних обществ представлены в археологических объектах довольно полно и разнообразно⁶. Нередко, когда формально налицо так называемая письменная история, из-за ограниченного количества документов или отсутствия их дешифровки данные археологии остаются важнейшим, а порой и единственным источником для изучения древних экономических систем. В таком положении, например, находятся харапская Индия и в значительной мере доацтекские цивилизации Мезоамерики.

В настоящее время почти не вызывает сомнений вопрос о выделении в археологии двух уровней разработки — собственно археологического, или археологического источниковедения, и историко-интерпретационного, занимающегося реконструктивными построениями общего порядка. Такое разделение двух уровней в пределах единой науки обусловлено спецификой объекта, поскольку предметы материальной культуры, в отличие от письменных источников, не создавались специально как средства хра-

нения и передачи информации, а были лишь результатом, условием или спутником реконструируемых явлений или процессов⁷. Поэтому критика источника, выработка процедуры, необходимой для его прочтения, приобретает особое значение.

Схематически процесс анализа археологических источников представлен на рисунке (рис., А). На уровне источниковедческого исследования первым этапом является обнаружение источника, включающее серию полевых процедур. Далее следует этап критики источника, состоящий из целого ряда кабинетных процедур. Здесь производится учет структуры объекта, его места среди других объектов и связей с ними; формальная классификация, учет полноты и количественная оценка. Существует ряд схем детальной разработки аналитических приемов, применяемых на этом этапе⁸. Отметим лишь, что целый ряд процедур этого этапа находится в прямой зависимости от постановки задачи, определяемой уже исходя из целей, преследуемых на интерпретационном уровне исследования. На этом уровне, как нам представляется, надо различать по крайней мере две различные области интерпретации — этнокультурную и социологическую. К первой области относятся вопросы этнокультурных связей, этнической принадлежности, реконструкции быта и образа жизни людей, создавших изучаемые объекты. К сфере социологической интерпретации относятся вопросы изучения экономических, общественных и идеологических структур древних обществ. В этой сфере археология исследует те разделы предмета науки, которые связаны с закономерностями развития определенной группы структур человеческого общества, нашедших отражение в материалах, являющихся объектом науки.

Разработка уровня социологической интерпретации в археологии особенно тесно связана с методологической функцией исторического материализма, которую он осуществляет по отношению к гуманитарным наукам. Главные принципы в этом направлении были разработаны в конце 20-х — начале 30-х годов ленинградскими и московскими археологами, когда были заложены исходные теоретические основы советской археологии. Фактически в данном случае имела место разработка оснований археологической науки путем выведения теоретических положений из суждений другой науки, носящих более общий характер, что является достаточно обычным путем формирования оснований науки⁹. К сожалению, изложение этих принципов разбросано по отдельным работам, нередко окрашенным полемическим задором и отягощенным грузом явных ошибок и передержек. Отсутствие систематизированного обзора теоретических взглядов, сложившихся в тот период, — заметная лакуна в нашей историографии. Особенно большое значение имело применение к археологии наряду с постановкой соответствующих задач и выработкой специфической методики таких общих положений, как признание причинной и закономерной связи культуры с базисом, общественного строя — с производительными силами, рассмотрение производительных сил и производственных отношений как движущих сил исторического процесса. Исследование массового археологического материала, функций вещей (а не только их типологических рядов), истории техники, орудий труда, поселений и могильников как комплексов, отражающих социальное состояние древних обществ, было логическим и методическим следствием признания этих общих фундаментальных положений¹⁰.

Представляется, что одним из важных направлений разработки социологических реконструкций на базе археологических материалов явится системный подход, широкое распространение которого в последние годы связано с унификацией научного знания, ориентирующегося на выяснение целостной картины целостных объектов. Исследователи отмечают разный характер направленности системного анализа в технике и естественных науках, с одной стороны, и в гуманитарных областях знания — с другой. В гуманитарии направление поиска идет по линии обнаруже-

ния структурных отличий, позволяющих описать объект как бы изнутри, за счет новой организации эмпирического материала¹¹. Впрочем, в последнее время вообще ставится вопрос о том, что системный подход сам по себе не дает решения проблемы непосредственно, а является прежде всего «орудием определенной организации предметного содержания исследования», направленной на постановку и решение проблем, связанных с выявлением законов функционирования и развития объекта¹². В литературе неоднократно ставились вопросы применения системного подхода в общественных науках, хотя отмечались и значительные сложности, стоящие на пути поставленных задач¹³.

В археологии системный подход особенно важен именно на уровне социологической интерпретации, поскольку в данном случае мы имеем дело с целым комплексом явлений, находящихся в сложной системе взаимных связей и опосредствований. Как известно, важными моментами системного подхода являются понятия целостности и иерархичности. При этом целостность объекта означает принципиальную несводимость его свойств к сумме свойств составляющих элементов, а иерархичность подразумевает, что каждый компонент, составляющий систему, может рассматриваться как своего рода подсистема, тогда как система в свою очередь является лишь компонентом макросистемы¹⁴. В археологии весьма перспективно рассмотрение древнего поселения в его материальном воплощении как своего рода системы, объединяющей в числе прочих элементов и такую подсистему, как жилище. Группа древних поселений, или оазис, будет представлять следующий структурный уровень — макросистему. В полной мере это же относится и к изучению экономики древних обществ, на чем мы несколько подробнее остановимся далее. Разумеется, следует учитывать, что в применении к археологическим материалам в интересующем нас плане системный подход по существу позволяет лишь ставить задачи общего упорядочения и более строгой логической организации материала, что определяется степенью обработки имеющейся информации. Вместе с тем в дальнейшем не исключено и построение достаточно сложных моделей с количественными показателями, разрешающими применение математических процедур.

При социологических реконструкциях, осуществляемых на базе археологических источников, широко используются в качестве аналогии этнографические данные. Философы определяют понятие аналогии как перенос информации от модели к прототипу, причем необходимо предпочтение свойств типичных, характерных для аналогии и прототипа¹⁵. Хотя обычно аналогия рассматривается как заключение, ведущее к гипотезе, в практике мышления аналогия часто применяется и для доказательства¹⁶. Использование материалов о культурно-хозяйственных типах, хорошо освещенных этнографическими данными¹⁷, в качестве модели при характеристике отдельных сторон жизни древних обществ, известных лишь археологически, и представляет собой один из вариантов применения аналогии в археологической науке. При этом для строгого применения аналогии, являющейся по своему характеру аналогией качеств и свойств, особенно необходимо восстановление древней природной среды как одного из важнейших условий формирования сходных культурно-хозяйственных типов.

Можно считать, что палеоэкономический анализ в археологии является одним из возможных вариантов системного подхода. С точки зрения информативных возможностей, палеоэкономический анализ обеспечивает комплексным характером археологических памятников, особенно исследованных в широких масштабах, ослабляющих значение случайных выборок. Сама комплексность, системность обусловлена восхождением к соответствующим системам древних обществ, результатом и условием развития которых были предметы, ныне рассматриваемые как археологические объекты. В этом отношении особую важность приобретают древ-

ные поселения и группы поселений, где наличие, соотношение и различные связи археологических предметов (артефактов) позволяют судить о функционировании древних общественных систем в определенном отношении. Так, последовательность, непрерывность существования поселения, четкая культурная преемственность свидетельствуют о стабильности древней экономической системы, обеспечивавшей такое функционирование. Увеличение размеров поселения, числа поселений, появление новых элементов в быту и производстве указывают на факт прогрессивного развития древней экономической системы, механизм которого может быть изучен через совокупный анализ составляющих элементов — хозяйственных подсистем.

Рассмотрим хозяйственные подсистемы, направленные на получение продуктов питания, — охоту, земледелие и скотоводство. В них могут быть выделены четыре составляющих элемента — объект эксплуатации (те или иные виды растительного и животного мира); орудия труда, с помощью которых осуществляется получение и обработка продуктов питания; природная среда, в которой протекает данный хозяйственный процесс, и, наконец, основа производительных сил, сам человек, центр всей системы, деятельность которого объединяет все остальные элементы, а уровень интеллектуального и профессионального развития во многом определяет сам способ хозяйства. В ходе реконструкции хозяйственных систем древности необходимо опираться на различные виды источников, содержащих информацию о соответствующих составных элементах.

Яркий пример для реконструкции охотничьей деятельности древнего человека дают ашельские стоябища в Испании — Торральба и Амброн¹⁸. Основным объектом охоты был здесь лесной слон (*Elephas antiquus*), доставлявший около 1/3 продуктов питания. Среди добывавшихся животных весьма многочисленны молодые особи и детеныши. Охотничье оружие представлено обломками рогатины, этим основным видом вооружения нижнепалеолитических охотников¹⁹. Ландшафт, в котором разворачивалась деятельность этих охотников за слонами, представлял собой суббореальные леса с открытыми болотистыми низинами²⁰. По культурно-хозяйственному типу обитатели Торральбы и Амброны могут быть отнесены к группе бродячих охотников-собираателей лесов и саванн, что позволяет для реконструкции способов охоты на слонов использовать соответствующие этнографические данные (ловчие ямы, загон молодых особей в болотистые низины).

Достаточно всесторонне может быть изучена система древнего земледелия VII—VI тысячелетий до н. э. на юго-западе Ирана, где раскапывалось поселение Али-Кош²¹. Самые древние поселенцы возделывали пшеницу и ячмень в условиях засушливого климата. Флора свидетельствует о наличии стоячих вод протоков, а орудия представлены серпами для уборки урожая. В дальнейшем среди возделываемых растений появляется шестирядный ячмень — мутант, связанный с развитием поливного земледелия. Болотистая почва исчезает, появляются землекопные орудия — каменные наконечники мотыг. Для земледелия аридной зоны выделяются два этапа — лиманное земледелие, основанное на задержании паводковых вод, и земледелие, связанное с простейшими оросительными каналами²². Сочетание различных видов источников, представленных в материалах Али-Коша, позволяет реконструировать древнейшее земледелие этого района как лиманное (болотистые участки, отсутствие специализированных землекопных орудий), а затем как земледелие простейших оросительных систем, создаваемых при помощи каменных мотыг.

При дальнейшем анализе экономика в целом может быть представлена как функциональная система общества, его питающий блок и преобразователь внешних природных ресурсов²³. Общей целью этой системы является обеспечение существования человеческого общества в пределах не ниже определенного минимума его потребностей. Компоненты

системы достаточно разнообразны, и главные из них — это различные способы получения и производства пищи, а также домашние промыслы или ремесла. Можно наблюдать, как происходит прогрессивная систематизация экономической системы, функционирующей во все больших территориальных масштабах, и как с увеличением сложности составляющих ее элементов-подсистем возникают качественно новые свойства. Например, усложнение домашних промыслов приводит к появлению общинного ремесла, а дальнейшее развитие ремесел тесно связано с новыми формами распределения путем регулярного обмена, затем первобытной торговли и, наконец, торговли в собственном смысле слова²⁴.

Попыткой рассмотрения одной из сторон функционирования древней экономической системы являются приемы палеоэкономического анализа. Общая схема процессов, находящих то или иное отражение в археологическом материале, представлена на рисунке (рис., Б). Важнейшим исходным моментом является определение размеров исследуемого общества, будь то совокупность жителей отдельного поселения (общины) или целая группа племен, отраженная в культуре и в археологической или культурной общности. Здесь решающее значение имеют палеодемографические оценки, разработке которых в настоящее время посвящена обширная литература. Объем получаемых благ может быть частично определен археологами в том случае, когда эти блага имеют материальное воплощение (например, в виде домов или бытового инвентаря). Две основные группы производств — продуктов питания и внепищевое — могут быть изучены по орудиям труда и на основании уже проделанной работы по реконструкции отдельных хозяйственных подсистем, примеры чего уже приводились выше. Получаемый продукт обычно неизвестен в его материальном воплощении, и поэтому для оценки возможностей внепищевого производства используются различные косвенные расчеты. Большую роль при этом играет использование этнографических материалов и письменных источников архаических обществ древнего мира²⁵ при строгом соблюдении правил аналогии, связанных с определением культурно-хозяйственных типов. Развернутые палеоэкономические оценки были предложены в советской литературе для трипольского общества со сложившейся земледельческо-скотоводческой экономикой²⁶ и для архаических земледельцев-скотоводов Джейтуна²⁷. Однако этим оценкам, весьма существенным для определения потенциальных возможностей древних обществ, отнюдь не следует придавать абсолютизирующее значение. Для обществ, представленных одними археологическими материалами, мы можем определять лишь крайние пределы и преимущественно нижнюю границу потребностей, безусловно необходимых для воспроизводства обществ данного культурно-хозяйственного типа.

¹⁸ Бибиков С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. — СА, 1965, № 1; он же. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита. — СА, 1969, № 4; Массон В. М. Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970; он же. Метод палеоэкономического анализа в археологии. — КСИА, 127, 1971.

²² Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И. Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.), с. 122; Нариманов И. Г. О закономерностях развития поселений ранних земледельцев Азербайджана. — В кн.: Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР. Баку, 1972, с. 10, 11; Щегинко А. Я. К изучению экономического базиса древнеиндийской цивилизации. — КСИА, 134, 1973.

²³ См. об этом: Массон В. М. Археология за бортом гуманитарии. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 46—49.

²⁴ Логика научного исследования. М., 1965, с. 292.

²⁵ Захарук Ю. И. Проблемные ситуации в археологии. — СА, 1973, № 4.

- ⁸ *Зазарук Ю. Н.* О методологии археологической науки и ее проблемах.— СА, 1969, № 3, с. 13.
- ⁷ *Ракитов А. И.* К вопросу о структуре исторического исследования.— В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 177.
- ⁸ См., например: *Бочкарев В. С.* К вопросу о структуре археологического исследования.— В кн.: Тезисы докладов..., с. 59.
- ⁹ Логика научного исследования, с. 295.
- ¹⁰ *Массон В. М.* Развитие теоретических основ советской археологии.— В кн.: Теоретические основы советской археологии. Тезисы докладов. Л., 1969.
- ¹¹ Системные исследования. Ежегодник. М., 1972, с. 7.
- ¹² *Юдин Э. Г.* Методологическая природа системного подхода.— В кн.: Системные исследования. Ежегодник. М., 1973, с. 50.
- ¹³ *Блауберг П. В., Юдин Э. Г.* Системный подход в социальных исследованиях.— «Вопросы философии», 1967, № 9; *Маркарян Э. С.* Вопросы системного исследования общества. М., 1972; *Боряз В. Н.* Молодежь.— В кн.: Методологические проблемы, исследования. М., 1973, с. 70 сл.
- ¹⁴ *Садковский В. П.* Парадоксы системного мышления.— В кн.: Системные исследования. Ежегодник. М., 1972, с. 134.
- ¹⁵ *Уемов А. П.* Аналогия в практике научного исследования. М., 1970, с. 25, 256.
- ¹⁶ *Уемов А. П.* Аналогия.— «Философская энциклопедия», т. 1, 1960, с. 57.
- ¹⁷ *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Культурно-хозяйственные типы и историко-этнографические области.— СА, 1955, № 4; *Андрианов В. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования.— СЭ, 1972, № 2.
- ¹⁸ *Howell F. C.* Observations on the Earlier Phases of the European Lower Paleolithic.— «American Anthropologist», v. 62, N 2, 1966.
- ¹⁹ *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, с. 283.
- ²⁰ *Butzer K. W.* Environment and Archaeology. Chicago, 1964, p. 366—372.
- ²¹ *Hole F., Flannery K. V., Neely J. A.* Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1969.
- ²² *Лисицина Г. Н.* Основные этапы истории орошаемого земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке.— КСИА, 122, 1970.
- ²³ *Гутштейн А. И.* Кибернетика в экономическом регулировании производства. М., 1972, с. 9.
- ²⁴ *Массон В. М.* Ремесленное производство в эпоху первобытного строя.— «Вопросы истории», 1972, № 3; он же. Обмен и торговля в первобытную эпоху.— «Вопросы истории», 1973, № 1.
- ²⁵ *Gele I. J.* Ration System in Ancient Mesopotamia.— JNES, v. 24, N 3, 1963; *Козырева Н. В.* Нормы потребления в старовавилонской Месопотамии.— ВДИ, 1972, № 2.
- ²⁶ *Вибиков С. П.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья.
- ²⁷ *Массон В. М.* Поселение Джейтун.— МИА, № 180, 1971, с. 102, 103.

В. М. МАССОН, В. С. БОЧКАРЕВ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК ЗАРУБЕЖНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Последнее десятилетие было периодом особенно большой активности зарубежных археологов в области теоретических разработок. Этой тематике посвящены сейчас буквально сотни статей и десятки книг, причем едва ли не наибольшую активность здесь, во всяком случае по количеству печатной продукции, проявляют английские и американские исследователи. Это явление во многом связано с кризисом буржуазной археологии, ориентирующейся в основном на коллекционное вещеведение и его культурологическую интерпретацию, в связи с чем любые новые идеи сразу объясняются чуть ли не кардинальной революцией¹. Все разговоры о «революции в археологии», активные поиски новых путей и подходов, характеризующие работы английских и американских археологов 60-х годов, во многом связаны, как это ни парадоксально, с кризисной ситуацией в западной археологической науке, с противоречиями между огромным новым материалом и традиционными приемами его обработки и интерпретации.

Советские археологи регулярно выступают с обзорами и оценкой этих теоретических разработок², и, вероятно, настало время создания специальных критических сборников, подобно тому как это имеет место, например, в этнографии³. Не претендуя в краткой статье на полный обзор и анализ всей огромной литературы, остановимся на характеристике имеющихся разработок по двум ответственным проблемам археологической науки: по вопросу о предмете археологии и о разработке процедуры археологического исследования.

Прежде всего следует иметь в виду, что теоретические разработки в области археологии, ведущиеся западными исследователями, не представляют обособленное явление, а теснейшим образом связаны с общим развитием западной философии, особенно с теоретическими разработками в сфере социологии и — в американском понимании этого термина — антропологии. При этом особенно заметно воздействие неопозитивизма и в меньшей мере, но терминологически весьма ощутимо, бихевиоризма. Как известно, неопозитивизм предложил теоретическое обоснование различным видам эмпирических методов исследования⁴, и сам факт широкого использования логико-математических категорий и операций представляет собой положительное и прогрессивное явление⁵. Однако гносеологическим источником неопозитивизма является фетишизация формального аспекта познания, преувеличение познавательных функций формальной логики⁶. Характерно стремление уйти от ответа на основной вопрос философии, провозглашение «нейтралитета» по отношению к нему, причем на деле этот «нейтралитет» оборачивается идеализмом чистейшей воды⁷. При характерной для неопозитивизма абсолютизации логико-математических операций и категорий «исчезает» объективное содержание науки как результата отражения в нашем сознании закономерностей материального мира; «исчезают» объективный смысл и познавательное значение научных законов, понятий, сама связь между которыми формализуется и в конце концов лишается всякого реального смысла⁸. Особенной атаке неопозитивистами была подвергнута причинность явлений, которую предлагалось заменить корреляцией или вероятностью отношений в виде эмпирического обобщения⁹. Вместе с тем благодаря ссылкам на опыт и науку, умению создавать видимость «научности» неопозитивизм оказывает наиболее утонченное и развращающее влияние на естествоиспытателей и вообще на научную интеллигенцию¹⁰.

Неопозитивистские влияния, господствовавшие долгое время в западной социологии, с 60-х годов начали оказывать заметное воздействие и на западную археологию. В положительном смысле это сказалось в постановке серьезных проблем логики и методики научного познания. В отрицательном — в сознательном или бессознательном обращении отдельных исследователей к идеализму, в частности, к признанию такого фундаментального понятия археологии, как тип, одной лишь абстракцией, складывающейся в голове исследователя, а также в чрезмерном увлечении формализованными процедурами, когда нагромождаются аналитические и дескриптивные схемы, не имеющие реального выхода в виде новых выводов и заключений. Стремление к внешней точности и кажущейся «объективности» привело и к ограничению предмета археологии, ярче всего проявившемуся в концепции доистории как особой науки.

Вопрос о выделении доистории как особой области знания рассматривался многими, но наиболее полно и систематично он разработан И. Раузом в его последней книге «Введение в доисторию»¹¹. Обычно в англоязычной литературе термин «доистория» понимается как история дописьменной эпохи¹². Аналогичных временных рамок придерживается и И. Рауз, но при этом он прилагает большие усилия к тому, чтобы разработать понимание доистории как особой науки со своим предметом исследования и понятийным аппаратом. И. Рауз рассматривает археологию как прикладную дисциплину и аналитическую науку, изучающую

объекты материальной культуры, делящую их на категории и исследующую отношения между этими категориями. Доистория же является, по его словам, синтетической дисциплиной, занимающейся на основе археологических материалов реконструкцией прошлого дописьменной эпохи с привлечением данных культурной, физической, социальной и лингвистической антропологии в американском понимании последней — как этнографии в первую очередь. Разработанная научная процедура и системная формализация, добавляет И. Рауз, делает доисторию дисциплиной не гуманитарной, а научной (scientific). Для И. Рауза, как и для многих буржуазных ученых, характерно противопоставление этих областей знания¹³. Это не что иное, как повторение традиционного утверждения неопозитивизма о том, что, например, социология может стать естественной (т. е. «точной») наукой благодаря лишь одному применению статистической процедуры¹⁴. В равной мере мы видим в построениях И. Рауза и такую характерную черту неопозитивистской методики, как утрата формализуемым материалом качественных характеристик¹⁵. Так, в предлагаемой И. Раузом системе социальной структуры общества на равных правах в ряду институтов связи фигурируют как однопорядковые элементы и семья, и род, и политическая партия, и класс, и возрастная группа¹⁶. Определяющее и ведущее положение классов в этой структуре оказывается, таким образом, затушеванным внешне «объективной» формализацией.

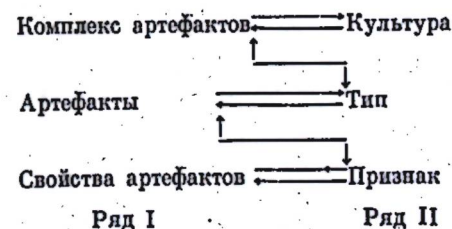
В вопросе о выделении доистории как особой науки, с нашей точки зрения, имеются два аспекта. С одной стороны, во многом сходные цели и задачи стоят перед особым разделом исторической науки — историей первобытного общества, само выделение которой связано с таким важнейшим социально-экономическим явлением, как общественная формация, а не со вторичным, хотя и ярким, признаком — письменностью. С другой стороны, выделение доистории направлено на выхолащивание исторической природы археологической науки, на искусственный разрыв собственно археологического и интерпретационного уровней исследования в археологии. Представляется, что интерпретационный уровень исследования данных археологии с разработкой различных процедур реконструктивных построений целиком лежит в сфере археологической науки и по исходному используемому материалу, и по специфике его методической обработки, учитывая необходимость целевой обусловленности и постановки задачи на всех стадиях, начиная с полевых изысканий. Другое дело, что исторические выводы отнюдь не выводятся прямолинейно из археологических объектов и что получению этих выводов должен предшествовать сложный процесс процедуры исследования, обусловленный спецификой археологической науки. Так внешне «объективное» процедурное разграничение двух наук на деле ведет к преуменьшению значения содержательного анализа, к превращению археологии в формальное вещеведение.

С особым вниманием следует отнестись к взглядам американских археологов «группы Л. Бинфорда», сторонников «новой археологии», с энтузиазмом отстаивающих познавательные возможности археологии. Возникнув как реакция на засилье в американской археологии взглядов, восходящих к так называемой культур-антропологии¹⁷, и будучи близко в своих истоках к прогрессивным взглядам Лесли Уайта¹⁸, учеником которого является Л. Бинфорд, это направление широко применяет гипотезно-дедуктивный метод, активно стремится к изучению сущности происходящих процессов и установлению закономерностей изучаемых явлений¹⁹. В этом отношении, полагают сторонники «новой археологии», археология с ее изменяющимся во времени материалом имеет определенные преимущества по сравнению с антропологией (т. е. с этнографией), ограниченной статикой сохранившихся систем. Л. Бинфорд выступает против ограничения археологии одним лишь статичным знанием мате-

риальной культуры. В археологических объектах-артефактах, отмечает он, имеется различная информация об исчезнувших социокультурных системах, и задача заключается в том, чтобы эту информацию извлечь²⁰. Л. Бинфорд и его последователи указывают на необходимость различения трех видов объектов-артефактов, связанных с технической, или экономической, социальной и идеологической подсистемами²¹.

Одной из задач «новой археологии», становящейся в последнее время все более популярной на Западе, объявляется научная реконструкция истории по культурным остаткам²². К недостаткам этого течения следует отнести известный налет технологического детерминизма, некоторое пренебрежение конкретно-историческим подходом и, самое главное, рассмотрение как равнодействующих величин в структуре древних обществ всех выделяемых подсистем. Особенно заметно это воздействие внешне формализованных неопозитивистских схем подхода проявилось в большой книге К. Ренфрю, посвященной проблеме сложения крито-микенской цивилизации. В его схеме древнего общества фигурируют как равноценные и хозяйство, и социальные отношения, и идеология, и обмен, и торговля, и даже народонаселение²³. В результате рисуется лишь статическая картина взаимных связей равнозначных величин, затушевывающая существенные, системообразующие части и взаимодействия. Это же явление, кстати, характерно и для весьма интересной книги английского археолога Д. Кларка, который, сделав очень много для разработки процедуры исследования археологических источников, при попытке построения более высокого порядка остался в плену подобных неопозитивистских разработок²⁴.

Одним из важнейших условий разработки строгой процедуры исследования является уточнение понятийной сетки науки. Иерархическая модель основных археологических понятий в последние годы детально была развита тем же Д. Кларком. Все основные археологические понятия Д. Кларк организовал в виде одного непрерывного иерархического ряда. Ячейки ряда упорядочивались по возрастающей степени их сложности²⁵. В модели Д. Кларка оказались совмещенными в одном ряду понятия, которые правильнее относить к двум разным, параллельным рядам, к двум разным уровням. Первый ряд — ряд универсалиев, понятий о непосредственно наблюдаемых объектах археологии, эмпирической базы этой науки. Второй ряд — категорий — возникает на основе первого в результате изучения сходств и различий между свойствами, артефактами и их комплексами. Это — ряд генерализаций, абстракций, непосредственно не наблюдаемых. Характеристики первого ряда наследуются вторым. Иерархичность ряда категорий выступает как следствие ряда универсалиев, а иерархическая структура последнего является результатом частного подхода к выделению объекта и предмета археологии. Предложенная схема графически может быть изображена следующим образом:

Д. Кларк не делает различий между этими двумя группами понятий, он их смешивает в одном ряду. Естественно, что ему чрезвычайно трудно обосновать иерархичность «признак — тип — культура», как и всей системы в целом. Он прямо заявляет, что свою конструкцию рассматривает как чисто произвольную, принятую потому, что она: а) кратка;

б) универсальна; в) сообщает максимум информации в минимальном количестве утверждений²⁶. Это действительно важные и общепризнанные достоинства иерархической системы²⁷, но, конечно, сами по себе они не объясняют, почему она может быть принята в археологии. Д. Кларк, правда, неоднократно заявляет о соответствии этой системы природе археологии, но доказывает это только ссылками на эмпирически сложившуюся систему археологических понятий. В результате этих упущений иерархический ряд Д. Кларка выглядит как очень отвлекающая конструкция, что наносит ущерб и всей теории Д. Кларка²⁸, в которой, по его собственному признанию, система археологических понятий играет очень существенную роль²⁹. Смещение двух различных групп понятий приводит к неточностям и неясностям. Так, комплекс занимает в схеме Д. Кларка четвертую ступеньку после признака, артефакта и типа, т. е. он может быть выделен только после этих трех понятий. Очевидно, что это расходится с исследовательской практикой. Остается не уточненным, какой вид комплекса (простой комплекс, комплекс комплексов, мегакомплекс?) лежит в основе культуры, культурной группы и технокомплекса. Кстати, дефиниции двух последних понятий логически не соответствуют дефинициям понятий начальных звеньев ряда. Сам Д. Кларк не удовлетворен своей иерархической системой и рассматривает ее как чисто временное решение. Он предполагает, что в будущем она должна быть заменена многомерной моделью³⁰.

Другой важный аспект процедуры археологического исследования — это вопросы типологии и классификации. Как известно, количество свойств любого объекта практически бесконечно, и перед археологом всегда стоит проблема выбора признаков. Ж. К. Гарден доказывает, что можно работать с ограниченным списком свойств, если предположить, что они каким-то образом организованы. Эту организацию он предлагает выразить через «структурированную дескриптивную систему документального анализа»³¹. Проблема, однако, остается, так как исходный выбор жестко не детерминируется самой структурой объекта. По мнению Д. Кларка, археолог должен прежде всего фиксировать те искусственные признаки, которые составляют скоррелированные пучки. М. Мальмер настаивает на выборе только взаимонезависимых свойств³².

В русле этой проблемы были предприняты попытки классифицировать искусственные свойства артефактов (свойства первого ряда). К. Кульберг различает восемь аспектов изучения артефактов: 1) морфологический; 2) функциональный; 3) материальный; 4) технологический; 5) декоративный; 6) специальный; 7) хронологический; 8) хронологический³³. Перечень явно неполный, и остается не ясным, почему, например, не включены такие аспекты, как эстетический и телеологический. Но помимо этого в схеме К. Кульберга совмещены аспекты разного уровня и разного ранга. Одни из них (морфологический, декоративный) возникают на уровне наблюдения, другие (технологический, социальный) — в результате сложных аналитических операций. Изучение одних аспектов возможно только на базе других. Здесь скорее подошла бы иерархическая схема, чем та, которую принял К. Кульберг.

Более строга классификация М. Мальмера. М. Мальмер различает две большие группы типологических элементов (свойств, по нашему определению): декоративные и технические. Последние разделены еще на четыре группы: элементы материала, пропорций, формы и собственно технические. Под элементами материала имеется в виду вещество артефактов. Элементы пропорций включают различные измерения артефактов. М. Мальмер называет первичные, вторичные и третичные элементы пропорций. Первичные элементы — это измерения длины, ширины, веса и т. д. артефактов. Вторичные элементы — отношения первичных элементов друг к другу. Третичные — отношения вторичных элементов друг к другу или к первичным пропорциональным элементам. Практически

такие комбинации очень многочисленны. Ясно, что они могут изучаться различными математическими методами. Элементы формы охватывают морфологию артефактов. Смысл технических элементов М. Мальмер поясняет конкретными примерами. Сюда относятся следы керамического производства, лития металлических предметов, формы керамических штампов, следы сверления отверстий в каменных топорах и т. д.³⁴

Д. Кларк выделяет пять основных категорий признаков (свойств) артефактов: 1) материал; 2) форма; 3) размер; 4) деталь; 5) местоположение детали³⁵. В основных подразделениях схемы Д. Кларка и М. Мальмера совпадают. Но принципиально возможны иные классификации, так как функции свойств очень многообразны. Есть и другая причина. Отдельные представители групп, категорий частично взаимозаменяемы. Так, форму можно выразить через мерные показатели и т. д. Если, по аналогии с артефактом, группу однофункциональных свойств определить как источник, то М. Мальмер и Д. Кларк фактически дают источниковедческую классификацию свойств артефактов, причем классификацию эмпирическую, так как она основана на наблюдаемых свойствах. Но распределение свойств на категории, группы предполагает внеархеологическое знание, знание функций. Почему, собственно говоря, внешние очертания мы относим к разряду «формы»? Ведь очертания артефактов бесконечно разнообразны. Вероятно, по той причине, что, как бы не варьировали эти очертания, мы предполагаем, что они выполняют в артефактах одну и ту же общую функциональную нагрузку.

Свойства артефактов, если иметь в виду способы их получения, бывают двух видов: непосредственно наблюдаемые и выводимые, которые получены в результате более или менее сложных логических конструкций. Грань между ними очень подвижна. Разграничение на виды должно подчеркнуть всеобщность универсалии «свойство артефактов», она может охватывать не только, например, форму артефакта, но и его время, технологию изготовления и многое другое.

В отличие от взглядов Д. Кларка и М. Мальмера, необходимо проводить строгое разграничение между свойством и признаком. Свойство — непосредственно наблюдаемая черта и состояние артефакта. Признак — категория аналитическая. Допустим, мы возьмем такое свойство, как форму лезвия топоров. Двух одинаковых лезвий нет, их форма всегда в чем-то варьирует. Чтобы выделить признаки лезвия этих топоров, необходимо найти какие-то устойчивые сочетания компонентов свойства. Иными словами, чтобы получить признаки, мы должны изучить связи между компонентами свойства.

Из предложенных в литературе схем процедуры археологического исследования остановимся только на двух. Так, у В. Шварца, автора наиболее обстоятельного исследования³⁶, процедура представлена в виде однолинейного незамкнутого процесса, состоящего из семи последовательных уровней. Процедура В. Шварца подверглась справедливой критике со стороны Фрица и Ф. Плога, которые считают ее узкоэмпирической³⁷. Схеме В. Шварца они противопоставили свою дедуктивную модель археологического объяснения. Она значительно уже по объему схемы В. Шварца и охватывает только область так называемой доистории. Правда, модель очень общая, что затрудняет ее реальное использование. Еще более общий характер носит модель археологической процедуры Д. Кларка. В соответствии со своим определением археологии как науки, которая открывает, систематически описывает и изучает древности, он выделяет три последовательные взаимосвязанные сферы исследования: контекстуального анализа, специфического анализа, синтеза и общей теории. Первая из этих сфер включает открытие материала (раскопки), вторая — его систематическое описание (классификация) и третья — создание синтезирующих моделей, гипотез и теорий. В свою процедуру Д. Кларк ввел механизм обратной связи, что является чрез-

вычайно важным элементом. Но у Д. Кларка отсутствует такая важная ступень исследования, как постановка задачи (проблемы). Это досадное упущение.

В других работах, затрагивающих интересующую нас тему (М. Мальмер, К. Мoberг и т. д.), разрабатывались отдельные блоки процедуры. Особенно много внимания уделялось классификации, которая продолжает оставаться одной из самых острых проблем археологии.

При оценке работ западных археологов необходимо иметь в виду два обстоятельства. Д. Кларк, Л. Бинфорд и М. Мальмер придерживаются различных философских доктрин. Так, Д. Кларк — ярко выраженный неопозитивист, поклонник аналитической философии. Л. Бинфорд отошел от традиционного неопозитивизма и больше ориентируется на постпозитивистские доктрины. В его взглядах весьма ощутимы материалистические тенденции. Но, несмотря на различные философские основы их воззрений, каждый из них очень далек от исторического материализма.

Таким образом, можно видеть, что западные археологи активно разрабатывают аспекты теории археологической науки, как общеметодологические, так и практические-методические. В обоих случаях в этих разработках проявляются недостатки тех исходных идеологических концепций, из которых осознанно или неосознанно исходят сами исследователи. Творческое и критическое освоение опыта, накопленного в этой области, является одной из важных задач нашей науки.

- ¹ См., например: *Martin P. S. Revolution in Archaeology*.— «American Antiquity», v. 36, N 1, 1971.
- ² *Борисковский П. И., Массон В. М.* Критика концепций современной буржуазной археологии.— В кн.: Городская научно-методическая конференция руководителей и актива методологических семинаров. Идеологическая борьба и методология научных исследований. М., 1974; *Башилов В. А.* Принципы построения относительной хронологии в американской археологической науке.— СА, 1969, № 1; *Федоров-Давыдов Г. А.* Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в Аналитической археологии Дэвида Кларка.— СА, 1970, № 3; *Клейн Л. С.* Метаархеология на Западе.— В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973; он же. Рец.: *New Perspectives in Archaeology*.— СА, 1973, № 2; *Массон В. М.* Археология за бортом гуманитарии.— В кн.: Тезисы докладов...; он же. Рец. *C. Renfrew. The Emergence of Civilization*.— «Вопросы истории», 1974, № 7.
- ³ Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. М., 1973.
- ⁴ *Андреева Г. М.* Эволюция методологических основ современной буржуазной социологии.— В кн.: Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970, с. 216.
- ⁵ *Курсанов Г. А.* Филипп Франк и его философия науки.— В кн.: *Франк Ф.* Философия науки. М., 1960, с. 10.
- ⁶ *Нарский Н.* Неопозитивизм.— «Философская энциклопедия», т. 4, 1967, с. 48.
- ⁷ *Кон И. С.* Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки.— «Вопросы истории», 1963, № 9, с. 47.
- ⁸ *Курсанов Г. А.* Филипп Франк..., с. 9.
- ⁹ *Чесноков Д.* Исторический материализм и современная буржуазная социология.— В кн.: *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория. М., 1961, с. 835, 836.
- ¹⁰ *Курсанов Г. А.* Филипп Франк..., с. 7; *Андреева Г. М.* Эволюция методологических основ..., с. 216.
- ¹¹ *Rouse I.* Introduction to Prehistory. London, 1972.
- ¹² *Trigger B. G.* Beyond History: The Methods of Prehistory. London, 1968, p. 3.
- ¹³ *Rouse I.* Introduction..., p. 242.
- ¹⁴ *Маккинни Дж. Ч.* Методология, процедура и техника социологии.— В кн.: *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория, с. 234.
- ¹⁵ *Андреева Г. М.* Эволюция методологических основ..., с. 217.
- ¹⁶ *Rouse I.* Settlement Pattern in Archaeology.— In: *Man, Settlement, Urbanism*. London, 1972, p. 102, tabl. 2.
- ¹⁷ *Харт Ч. У. М.* Культур-антропология и социология.— В кн.: *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория, с. 596—600, 615—617. Соответствующий уровень развития американской археологии хорошо суммирован в книге: *Willey G., Phillips Ph.* Method and Theory in American Archaeology. Chicago, 1958.
- ¹⁸ *Аверкиев Ю. П.* Современные тенденции в развитии этнографии США.— В кн.: Современная американская этнография. М., 1963, с. 34, 35.

- ¹⁹ *Binford L. S.* Archaeological Perspectives.— In: *Man's Imprint from the Past*. Boston, 1971, p. 164—173.
- ²⁰ *Martin P. S.* Revolution in Archaeology, p. 5, 6.
- ²¹ *Binford L. S.* Archaeology as Anthropology.— In: *Man's Imprint...*, p. 251, 252 (эта статья Л. Бинфорда, являющаяся во многом основополагающей, впервые была напечатана в 1962 г.); *Martin P. S.* Revolution in Archaeology, p. 7.
- ²² *Walton R. D.* The «New Archaeology» of 1960 s.— «Antiquity», 1972, N 183, p. 214.
- ²³ *Renfrew C.* The Emergence of Civilization. London, 1972, p. 43.
- ²⁴ *Федоров-Давыдов Г. А.* Понятия «археологический тип» и «археологическая культура»..., с. 270.
- ²⁵ *Clarke D. L.* Analytical Archaeology. London, 1968.
- ²⁶ *Clarke D. L.* Analytical Archaeology, p. 402, 403, 516—519.
- ²⁷ *Любимцев А. А.* Значение и будущее систематики.— «Природа», 1971, № 2, с. 6.
- ²⁸ Л. С. Клейн, например, пишет: «Вся концепция не выросла из закономерностей, открываемых в археологическом материале, а сконструирована как идеальная дедуктивная система, наложенная на археологию извне» (*Клейн Л. С.* Метаархеология на Западе, с. 52).
- ²⁹ Так, сам Д. Кларк пишет: «Значительная часть этой книги была посвящена обсуждению и дефиниции археологических сущностей, или лучше сущностному таксоу, с уверенностью, что будущее археологии зависит от дальнейшего прояснения их концепции» (*Clarke D. L.* Analytical Archaeology, p. 408).
- ³⁰ *Clarke D. L.* Analytical Archaeology.
- ³¹ *Gardin J. C.* Methods for the Descriptive of Analysis of Archaeological Materials.— «American Antiquity», v. 32, N 1, 1967.
- ³² *Malmer M. P.* Metodproblem inom Järnalderns Konsthistoria. Bonn—Lund, 1963.
- ³³ *Cullberg C.* On Artifact Analysis.— «Acta archaeologica Lundensia», 14, N 7, 1968, p. 16—17.
- ³⁴ *Malmer M. P.* Metodproblem...
- ³⁵ *Clarke D. L.* Analytical Archaeology.
- ³⁶ *Swartz H. K.* A Logical Sequence of Archaeological Objectives.— «American Antiquity», v. 32, N 4, 1967, p. 487—495.
- ³⁷ *Fritz J. M., Plog F. T.* The Nature of Archaeological Explanation.— «American Antiquity», v. 35, N 4, 1970, p. 405—412.

С. А. СЕМЕНОВ

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД И «АНАЛИТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» Д. КЛАРКА

Системный подход не представляет откровения XX в., а является одним из насущных требований любой науки, на каком бы уровне она не стояла. Примером применения системного подхода является марксистское учение, посвященное наиболее сложному объекту исследования — обществу. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин не только раскрыли исторические законы образования общественно-экономических формаций, но и установили системную зависимость между материальной и духовной жизнью. Они заложили основы фундаментальной методологии для познания и прошлого, и будущего человечества.

«Если мы хотим верно представить и оценить современный системный подход, — пишет Л. фон Берталанфи, — саму идею системности имеет смысл рассматривать не как порождение переходящей моды, а как явление, развитие которого вплетено в историю человеческой мысли»¹. Повышенный интерес к проблеме систем в наши дни объясняется вполне осознанной необходимостью надежно ориентироваться в неперенасыщенном потоке научной информации, которая многократно возрастает, и неограниченной возможностью счетных операций благодаря ЭСМ.

Однако уже сейчас стало очевидным, что в системных исследованиях разных наук нет искомого единства, целостности с установленной перархией понятий, исследовательских процедур, принципов обобщения. Нали-

до разноречивость даже в понимании самого принципа системности. Наиболее важным и общепризнанным в системном анализе является использование количественных методов, которые заставляют строже выверять нормы наших рассуждений, соблюдать логическую последовательность, избегать недосказанности и расплывчатости формулировок. Системный анализ в археологии избавляет исследователя от биологизации культурно-исторического процесса, чем грешит традиционная типология.

К разряду системных исследований сейчас относят и такие работы, авторы которых не прибегают к помощи специфических языковых средств, решая поставленные задачи на основе существующей богатой терминологии, соблюдая необходимые правила. Сравнительно-исторический (структурный) метод в языкознании уже давно использует системную совокупность исследовательских приемов для выяснения общности, единичности и генезиса группы родственных языков, законов последующего развития как в специфических, так и в интегральных направлениях.

Археология — историческая, социальная наука, хотя по ряду методов исследования занимает промежуточное положение между естественными и общественными дисциплинами. Повествовательный статус, принятый в исторических трудах, имеющий идеологическое, эстетическое и воспитательное значение, не рекомендует археологам превращать текст своих работ в средоточие схем, диаграмм, индексов, цифровых и графических моделей, которые играют вспомогательную роль и поэтому должны оставаться «за сценой» излагаемых результатов исследовательского процесса.

Среди работ зарубежных археологов в области теории археологии большой известностью пользуется исследование Д. Кларка².

Критическое отношение к его теоретической концепции со стороны археолога-марксиста основано на принципиальном несогласии с его исходной философской позицией, следствием которой являются и другие ошибочные положения. Речь идет о том, что Д. Кларк репродуцирует на археологическом материале неопозитивистское учение «чистого познания», не связывая своих исследований с проблемами общественного процесса, отчуждая предметы материального производства от самого человека, создателя своей истории. Д. Кларк абсолютизирует системный подход как единственный перспективный метод, ограничивает задачи и возможности качественного познания исторического процесса. Для него типична характерная для западных неопозитивистов и сциентистов тенденция сводить исследовательский процесс к той абстракции, которая не отражает живой действительности с достаточной полнотой.

Археологию Д. Кларк не считает историей, а данные этой науки в его представлениях не являются историческими данными. По Д. Кларку, археология есть дисциплина в своем собственном праве, занятая археологическими материалами, которые рассеяны вокруг археологических общностей (единств), показывающих определенные археологические процессы. Эти данные изучаются в терминах, концептах и процедурах особого порядка. Единства, процессы и концепты, изучаемые на вещественном материале, были когда-то историческими и социальными единствами. Но природа археологической записи такова, что нет приемлемого способа уравнивать эти археологические понятия с навсегда утраченными действительными событиями³.

Археологическая культура, по Д. Кларку, не является расовой, групповой общностью, историческим племенем или лингвистической единицей. Это — просто археологическая культура. Археологическое единство определить в социально-исторических формулах очень трудно. Можно рассчитывать только на приблизительную идентификацию культурной принадлежности в социальных и исторических терминах при наличии обильного материала первого класса, при осторожной его оценке, строгом использовании и точном определении археологических символов (названий) в тщательно разработанной модели. Но и здесь не исключены ошибки.

Реконструкция исторической или социальной картины «доисторических» культур — ненадежный и случайный аспект археологии. Ее можно считать в такой же мере эфемерной, как и реконструкцию лица по черепу неандертальца⁴.

С таким утверждением мы можем согласиться лишь частично и в том случае, когда речь идет об этнической, а следовательно, и лингвистической идентификации. Характер социального строя в общих чертах, уровень его развития, расовый состав, особенности материальной и духовной культуры, тем более характер производства, техники могут быть установлены на археологическом материале. Техника и хозяйство жизни древнего общества определяются с достаточной степенью достоверности. При этом раскрытие закономерностей является главной задачей. Именно в этом смысле синтезирующие принципы и информативные модели извлекают свои предсказывающие возможности для понимания процесса развития культуры, который протекает по главным линиям во всех странах. Примерами такого закономерного и независимого развития и в Старом, и в Новом свете, может служить не только, как полагает Д. Кларк, появление зернового земледелия, животноводства, гончарного дела, металлургии меди и бронзы, городов-государств, храмов, письма, математики, календаря и т. д. Исторические закономерности, выраженные в качестве межэпохальных тенденций, имеют особое, предсказательное значение, к чему Д. Кларк относится крайне настороженно. Конечно, археолог должен делать попытки разыскивать в материале его исторические и социальные эквиваленты. «Однако не следует обманывать себя относительно простоты этих эквивалентов и нашего успеха в нахождении их», — скептически утверждает Д. Кларк⁵. Трудности познания исторического процесса по вещественным документам и объективность свидетельств на основе таких источников в представлении автора «Аналитической археологии» сливаются и переплетаются в нерасторжимом единстве. Археологию и «доисторию» он считает синонимами. Археология строит свои знания не на письменных источниках, что и закрепило за ней в западной литературе понятие «доистория». Советские археологи, изучающие дописьменный период истории человечества, не пользуются этим понятием, отвергая такое разделение исторического процесса. Они широко вовлекают в исследовательский процесс письменные источники там, где это необходимо.

Классическая, средневековая, древневосточная, индустриальная археология, по Д. Кларку, не связаны с понятием «доистория». Он считает ошибочным и даже опасным называть «доисторией» такие исследования, в которых излагаются сведения, основанные на записанных сообщениях. При таком широком подходе создается, как полагает Д. Кларк, превратное представление о доисториках, якобы занимающихся синтезом добытых археологами информации, что обесценивает археологическую науку, создает дилетантов, процветающих за счет кропотливого труда других, признаваемых неспособными делать исторические обобщения.

Таким образом, археолог, прибегающий к письменным источникам для освещения слабо изученных сторон памятника или эпохи доклассового или раннеклассового общества, по идее Д. Кларка, не принадлежит к высокому рангу «полномочных» исследователей.

Применение различных моделей в графической или цифровой форме для одного и того же процесса (или вопроса) позволяет, по мысли Д. Кларка, сопоставлять их и проверять правильность, вносить исправления в понимание проблем. Правда, Д. Кларк предостерегает исследователя от слишком большого доверия к географическим и цифровым моделям, которые способны сильно упростить исторический процесс. Постоянно совершенствуя и проверяя модели, следует стремиться к максимальному соответствию их с действительностью. Но такая оговорка не меняет существа его взглядов.

Считая фундаментальной основой «аналитической археологии» моделирование, Д. Кларк видит в конструировании, испытании, подтверждении и видоизменении обширных моделей сущность эмпирического и научного метода. Повторением цикла, вопроса, наблюдения экспериментальной модели, ее проверки, испытания, изменения, новых наблюдений и новых информации можно найти пути дисциплинированной процедуры более точного характера. Будет ли это проверка статистической модели на счетной машине, реконструкции, созданной в музее, или же концептной модели в процессе раскопок, — все это приближает нас к более надежному решению вопроса. По этому пути развиваются науки вообще, независимо от того, употребляются модные термины или нет.

Под влиянием критических замечаний и советов со стороны квалифицированных коллег Д. Кларк признал необходимость дополнить артефактную археологию моделями, взятыми из этнологии, антропологии, экологии, экономики, географии, геологии и других наук. Но эти модели могут быть использованы для генерации гипотез о событиях, оцениваемых в археологических терминах. Он их относит к общим, или универсальным, задачам археологии.

Многочисленные модели, заполняющие текст книги Д. Кларка в форме графических, буквенных и цифровых схем, можно уподобить рецептам лекарств, но целебные свойства многих из них остаются неиспытанными. Наиболее важный метод — физическое моделирование (эксперимент) — не значится в списке прогрессивных моделей Д. Кларка.

Слабостью археологии Д. Кларк не без основания считает отсутствие в ней единой общепринятой терминологии, что служит поводом ко многим недоразумениям, порождает лихорадочное состояние науки. Существующую терминологию он характеризует не только как двусмысленную, но и как бедную. Она не охватывает большие потоки информации, хотя в ее словарном составе перемешаны термины из геологии, зоологии, антропологии и других наук. Попытки усовершенствовать терминологию, предпринимавшиеся на международных конгрессах, почти ничего не дали. Существующая терминология на деле не бедна, но она не упорядочена.

Необходимы точные, сжатые, резко и четко определяющие термины, считает Д. Кларк. Подбор адекватных терминов способен круто повернуть археологическую науку в перспективном направлении, так как каждое удачное слово играет роль предсказательной модели, может иметь обобщающее значение. Не идущая в ногу со временем или скороспело, случайно составленная терминология не в состоянии осветить разносторонний материал, информация о котором пропадает без пользы для науки.

Занимая столь радикальную позицию в вопросе о терминологии, Д. Кларк в то же время отводит археологии специфическую роль, рассматривая ее в качестве дисциплины, не сопоставимой с другими науками, располагающей своим собственным путем развития. Он считает ее эмпирической наукой, занимающейся восстановлением, систематическим описанием и изучением древних артефактов. Ее особенность состоит в том, что археология теснейшим образом зависит от того, какой подход к ее целям и задачам избирает тот или другой ученый. Именно в этом, по мнению Д. Кларка, заключается универсальность археологической дисциплины, ее «девственность», если можно так выразиться. Отсюда следует заключить, что археологий столько, сколько археологов, ибо каждый из них рассматривает интересующие его артефакты через цвет по-своему окрашенных очков. Разнообразие целей и подходов, существующих у археологов, является, по мнению Д. Кларка, сильной стороной, положительной особенностью археологической науки, так как этим исключается односторонность, которая могла бы причинить ей вред.

От археологов нельзя требовать одинакового подхода и решения поставленных задач, так как признаки артефактов бесконечны и ученым предоставляется возможность концентрировать свое внимание и интерес

на ограниченном их числе, а в выборе они вполне свободны. Это, конечно, не значит, что археологи в своем субъективизме вольны в процессе работы над ценнейшим материалом, большей частью уникальным, и могут заниматься спекуляцией, предлагая вульгарную занимательную литературу, или любительским накапыванием «редкостей». Чтобы избежать таких крайностей, Д. Кларк предлагает создать строгую систему исследования древностей, которая ограничивает беспорядочную и случайную терминологию следующими основными понятиями: атрибут, артефакт, тип артефакта, коллекция, культура и группа культур. Он замечает, что чем уже ограничения такого рода, тем больше это даст информации предсказательного значения и регулярности в науке.

Д. Кларк поставил перед собой цель заковать археологию в железную решетку абстрактных категорий, чтобы, оперируя ими, выявить единую логическую структуру науки. Из своей «аналитической археологии» он изъясил многие методы анализов, давно и успешно применяемых в нашей дисциплине. Вольный или невольный поборник неопозитивистских философских идей Б. Рассела и Р. Карнапа, он занялся формальным преобразованием археологической науки путем применения принципа «ограничения» в рамках «определенных фактов». При этом он не поспешил обставить свой труд необычайно громоздким аппаратом, завуалированным нарочитой мудростью подробнейшего разъяснения позиций, излагаемых на своем собственном языке.

Из ответа Д. Кларка оппонентам уже по началу можно судить о том, какую «миссию» возложил на себя автор, какова основная цель. Он подчеркивает, что книги, подобные той, которую он предложил квалифицированному читателю («для особой аудитории»), не предназначены разъяснить «все аспекты его мыслей, делать их доступными широкому читателю. Его «Аналитическая археология» принадлежит к разряду тех научных произведений, которые более всего нужны самому автору». Они позволяют строго систематизировать, объединив в одно целое разрозненные представления об изучаемой проблеме, сосредоточив на ней свой внутренний взгляд. Здесь Д. Кларк вступает в противоречие со своей идеей «уникальной археологии», в которой «столько точек зрения, сколько археологов». По тексту книги рассыпано немало вполне приемлемых высказываний, соображений и точек зрения, почерпнутых из большого круга прочитанной литературы. Например, он приводит мысль Ч. Дарвина о том, что хороший наблюдатель, умеющий описывать факты, является и хорошим теоретиком и, наоборот, хороший теоретик не может быть плохим наблюдателем. Все мысли, заимствованные у разных авторов, применимы не только в археологии. Что касается последней, то эти бесспорные идеи далеко не полностью реализуются Д. Кларком. В. Майер-Окс, подчеркивая компилятивный характер основной части теории Д. Кларка, считает, что она не вырастает из самой археологии, примеры из которой минимальны². Д. Кларка не интересует функция артефактов и их комплексов, которую он относит к математическим понятиям. Объяснительная функция науки не стоит в центре его внимания.

Еще с 30-х годов в трудах археологов проявилась тенденция не ограничиваться сравнением и систематикой вещей и культур, а стремиться приподнять завесу над действительной жизнью и самими процессами деятельности древних людей. Советская археология в изучении экономического, социального и технического аспектов древних обществ и культур уже по самому направлению своей работы стояла впереди, так как руководствовалась учением марксизма-ленинизма, создавшим эпоху для всей совокупности наук о человеке.

Все сказанное здесь в адрес «аналитической археологии» Д. Кларка отнюдь не бросает тень на самый принцип системности. Д. Кларк уже в своих ответах критикам вынужден отступить от некоторых теоретических позиций, претендуя лишь на промежуточное положение «аналити-

ческой археологии» между современной и будущей наукой, какой ее желательно иметь⁹.

Археологические системные исследования находятся в стадии становления и несомненно будут совершенствоваться. Более трезвое отношение к возможности их эффективного применения в общественных науках, наметившееся за последнее время, должно углубить эту работу, но не за счет других направлений и методов исследования в археологии.

В число методов входит большая группа естественнонаучных (физических, химических, биологических, геологических, географических), трасологический, экспериментальный (физического моделирования), статистический, этнографических параллелей, сопоставления с письменными источниками и др. Только совокупности разных методов и подходов доступно получение максимума информации из «немного» исторического источника, каким является вещественный археологический материал.

Следует подчеркнуть, что Д. Кларк оставляет вне сферы внимания и анализа, и синтеза многие важнейшие социальные процессы жизни и деятельности общества: производство, обмен, расселение, контакты племен и т. д. Его доисторические общности — безличностные образования, лишенные индивидуальных особенностей.

Исторические закономерности Д. Кларка — конвергентные явления или аналоги. Они не углубляют наши представления о взаимоотношениях человека и окружающей среды, о влиянии других общностей, отраженных в сознании. Д. Кларк отрицает существование общих законов истории. Задачи науки он видит прежде всего в согласовании фактов с терминами и понятиями без диалектического раскрытия внутренних противоречий в изучаемых исторических процессах и в самом познании.

Аксиоматизация предлагаемых понятийных новшеств, претензии автора придать, хотя с оговорками, своему подходу значение всеобщего метода археологических исследований логически отвечают гносеологическим принципам модного на Западе неопозитивизма, а не методологическим установкам, принятым в советской археологии, занимающей позиции исторического материализма.

Таким образом, книга Д. Кларка, при наличии интересных методических разработок и отдельных справедливых суждений, в целом еще раз демонстрирует несостоятельность попыток западных исследователей создать «общую концепцию» археологической науки¹⁰. Археология, тесно связанная со всем комплексом гуманитарных наук, может успешно развивать свою методологическую проблематику лишь на основе марксистско-ленинской философии и теории исторического материализма в первую очередь. Стремление миновать этот подход или замолчать саму постановку вопроса в этом аспекте неизбежно приводят исследователей к краху, несмотря на проявленную ими колоссальную эрудицию и внешнюю фундаментальность предлагаемых построений.

¹ Бергаламфи Л., фон. История и статус общей теории систем. — В кн.: Системные исследования. Ежегодник. М., 1973, с. 7.

² Clarke D. L. Analytical Archaeology. London, 1968.

³ Clarke D. L. Analytical Archaeology, p. 13, 14.

⁴ Clarke D. L. Analytical Archaeology, p. 10—13.

⁵ Clarke D. L. Analytical Archaeology, p. 14.

⁶ Clarke D. L. Reply to the Comments. — «Norwegian Archaeological Review», v. 3, 1970, p. 29.

⁷ Clarke D. L. Reply to the Comments, p. 25—34.

⁸ Mayer-Oakes W. J. Comments on Analytical Archaeology. — «Norwegian Archaeological Review», v. 3, 1970, p. 12.

⁹ Clarke D. L. Reply to the Comments, p. 30.

¹⁰ Это отмечалось уже в первых откликах советских исследователей на книгу Д. Кларка. См.: Федоров-Давыдов Г. А. Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка. — СА, 1970, № 3.

МЕТОДИКА

И. С. КАМЕНЕЦКИЙ

К ПРОВЕРКЕ ГИПОТЕЗ О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЯХ

Памятники с мощным культурным слоем являются ценнейшими объектами для разнообразных хронологических штудий, в основе которых лежит распределение материала по слоям. Не имеет существенного значения, что мы будем вкладывать в понятие «слой». Это могут быть и настоящие слои, отделяющиеся от выше- и нижележащих цветом, структурой и т. д., и условные слои — такие, как штыки, строительные горизонты и пр., при условии, что они отражают определенную хронологическую последовательность. Если памятник позволяет получить такую последовательность, а методика, примененная при раскопках, ее выявляет и надежно фиксирует, мы получаем серию слоев, занимающих определенные места в стратиграфической колонке. Например, при раскопках Нижне-Гниловского городища в 1962—1964 гг. мы выделили в 6-метровой толще напластований 11 условных слоев. На Подазовском городище при уточненной методике было выделено 16 строительных горизонтов при мощности напластований около 5 м.

При членении стратиграфической колонки, т. е. при подготовке ее к хронологическим штудиям, важно иметь в виду, что число выделяемых слоев определяется не столько количеством естественных слоев и мощностей напластований, сколько количеством материала, которое зависит от насыщенности слоя и от площади раскопа. Общая закономерность здесь такова: чем больше материала, тем более дробное деление слоев может быть предложено и, следовательно, тем более тонкие хронологические наблюдения могут быть сделаны. Число естественных слоев на Подазовском городище, получивших отражение в чертежах, превышает 50. С учетом прослоек их должно быть еще больше. Но даже при значительной площади раскопа мы не смогли бы изучать хронологию, опираясь на такое дробное деление, так как на каждый слой приходилось бы слишком мало материала, чтобы получить наглядную картину его распределения. В таких случаях слои укрупняют.

Все количество вещевого материала может служить только для самой общей ориентировки при решении вопроса о числе выделяемых слоев, или, если угодно, для определения максимального числа слоев. Всей массой материала мы оперируем сравнительно редко — например, когда хотим выяснить хронологические изменения в процентном соотношении различных категорий материала, проследить вытеснение лепной керамики керамикой гончарной, возникновение или прекращение импорта определенной категории вещей и т. п. В этом случае мы используем весь материал и соответственно имеем возможность ввести наиболее дробное де-

ление слоев для данного раскопа. Однако основная масса работы по хронологии ведется на уровне отдельных типов, их вариантов и признаков. И тут количество материала резко сокращается. В тех случаях, когда мы имеем дело с наиболее распространенными типами, представленными сотнями или хотя бы многими десятками экземпляров, можно еще сохранить прежнее дробное деление, мпрясь, до известного предела, с «разряженностью» наших таблиц и, следовательно, распределений. Но когда мы сталкиваемся с относительно редкими типами, то объединение слоев представляется уже необходимым.

В идеале следовало бы определять членение слоя для каждого случая отдельно. Статистические методы дают возможность объективного решения этой задачи, что связано с вопросом о достаточности материала для

Таблица 1

Слой	Признаки				Слой	Признаки			
	1	2	3	4		1	2	3	4
10					5				
9				1	4		1		
8		1	1	1	3	1	2	1	
7		1	1	1	2		1		
6		1		3	1	1			

тех или иных выводов, той или иной точности выводов, с выбором меры точности и т. д. Это — самостоятельный вопрос, и о нем следует говорить отдельно. На практике же обычно бывает достаточно двух-трех схем объединения слоев, чтобы получить наглядную картину распределения для всех серий исследуемого материала. Так, при обработке материалов того же Подазовского городища было достаточно двух схем, членивших напластования на 16 и 9 слоев.

Когда каждый из сравниваемых типов (или признаков) представлен несколькими десятками экземпляров, то оценка полученных распределений обычно не вызывает затруднений. Допустим, если 30 экземпляров типа А встречено в нижних слоях раскопа, а 40 экземпляров типа Б — в верхних, то ни один археолог не усомнится, что тип А относится к более раннему времени, чем тип Б. Мы интуитивно понимаем, что такое различие в распределении не может быть случайным. По мере увеличения материала наша уверенность возрастает, даже если где-то в средних слоях оба типа встречаются совместно. Конечно, и здесь нужна статистическая проверка, но до определенного предела все же можно мириться и с интуитивной оценкой.

Но если количество материала невелико, то уверенность наша начинает подвергаться испытаниям и с уменьшением материала постепенно тает. Здесь уже совершенно необходимо использовать какие-то объективные критерии. В табл. 1 показано распределение четырех признаков по слоям памятника¹. Надо решить, можем ли мы говорить о хронологической их последовательности. На глаз видно некоторое смещение «вверх», т. е. во времени, каждого последующего признака.

Можно даже как-то обосновать различие в распределении по слоям между вариантами 2 и 3, например, указать, что у варианта 2 намечается некоторое «сгущение», в нижних слоях, а у варианта 3 «подавляющее большинство» приходится на верхние слои. После ряда таких рассуждений можно объявить, что представленные признаки отражают некую хронологическую схему. Однако полной уверенности у нас при этом

не будет, и крайне желательно провести проверку, которая опиралась бы на что-то более объективное, чем наше впечатление.

Ни в одном руководстве по математической статистике или биометрии мы не найдем прямого указания на то, как провести такую проверку, т. е. как оценить имеющиеся различия в распределениях наших вариантов: эти дисциплины никогда не занимались специально вопросами, волнующими археологов. Наша задача состоит в том, чтобы представить материал в таком виде, который дал бы возможность применить один из известных уже в статистике приемов. Для этого придется преодолеть некий психологический барьер.

Обычно археолог воспринимает нумерацию штыков как нечто отвлеченное, крайне условное. Для него это не признак изучаемого предмета, а нечто второстепенное, характеризующее условия находки, по значению своему почти равно инвентарному номеру. Если это и рассматривается как признак, то наряду с другими признаками, входящими в «паспортную» группу. Мне не известно ни одной работы, где бы номера штыков рассматривались как параметр (мерный признак), если не наравне с другими параметрами — такими, как диаметр или высота сосуда, то хотя бы одинаково, в плане приемов обработки. Однако это все же параметр. Действительно, если мы понимаем наложение памятника как «законсервированное» время, где отдельные слои отражают определенные, последовательно сменяющие друг друга отрезки времени, то нумерация этих слоев есть не что иное, как условные единицы, которыми это время отмеряется.

Отличие данных единиц измерения от таких, как метр, литр и т. п., состоит только в том, что последние имеют общее значение, а первые действительны только для данного памятника. Принципиального отличия нет — это просто два способа выражения одного явления. При известных условиях мы можем перевести относительную хронологию (наши номера штыков) в абсолютную шкалу. С другой стороны, мы часто говорим о крупных, средних и мелких сосудах, т. е. заменяем общую шкалу измерений относительной, действительной только для исследуемого круга памятников. Таким образом, нумерацию слоев (штыков) можно рассматривать как параметр.

Конечно, тут имеется ряд существенных отличий от других параметров, так как диаметр или высота прямо свойственны сосуду, а наш временной параметр не связан с ним столь однозначно. Кроме различия во времени производства и времени бытования², следует учитывать и такое обстоятельство, как возможная перемешанность слоев. Поэтому параметр «время» имеет для каждого отдельного предмета вероятностный характер. Называя штык, в котором найден предмет, мы указываем не точную дату выхода предмета из обращения (прекращение периода бытования), а лишь наиболее вероятную дату этого события. Понятно, что степень достоверности определяется характером памятника вообще, характером конкретного комплекса, методикой раскопок, фиксации и т. п. Мне представляется, что вероятностный характер признака не может служить препятствием для его использования в наших целях.

Следует оговорить еще один момент. Даже в тех случаях, когда мы можем говорить о равномерном накоплении слоя для памятника в целом, мы знаем, что на отдельных участках скорость его образования колеблется. Даже идеально выдержав толщину слоев (а практически это бывает редко), мы не можем быть уверены, что они соответствуют равным отрезкам времени. Таким образом, наши единицы измерения оказываются разноразмерными, колеблющимися около некой средней величины, причем ни эта средняя, ни размах колебаний нам практически не известны. При хронологических штудиях мы вынуждены с этим мириться. Более того, мы можем этим пренебрегать до тех пор, пока речь не идет об абсолютных датах, ибо при относительной датировке для нас важно выяс-

нить, что «раньше» и что «позже», и менее существенно — «на сколько раньше».

Вернемся теперь к нашему примеру (табл. 1). Если мы рассматриваем время (нумерацию слоев) как параметр, то сравнение двух распределений представляет элементарную задачу статистики, где эта операция именуется сравнением двух выборок по средней арифметической. Процедура решения этой задачи не представляет ничего оригинального, ее изложение имеется в большинстве пособий по математической статистике или биометрии³. Основывается она на критерии Стьюдента и употребляется, когда хотя бы одна из выборок представлена числом экземпляров менее 20 ($n < 20$). Предполагается также, что тип распределения является «хотя бы приблизительно нормальным». Как показывает практика изучения распределений типов по слоям, они удовлетворяют этому требованию.

Сопоставим для примера распределение признаков 1 и 2 из табл. 1. Мы имеем два ряда значений: 1, 3 — для первого признака и 2, 3, 3, 4, 6, 7, 8 — для второго. Для использования критерия нам надо знать объемы сравниваемых выборок ($n_1=2$; $n_2=7$), их средние арифметические ($\bar{x}$) и дисперсии (σ^2 , т. е. среднее квадратическое отклонение, или «сигма», возведенное в квадрат).

Среднее арифметическое вычисляется по формуле

$$\bar{x} = \frac{\sum x}{n}, \quad (1)$$

где x — член выборки (или ряда); Σ — знак суммы, означающий, что следует сложить все значения данного ряда; n — объем выборки, или число значений (членов), в ряду. Легко подсчитать, что $\bar{x}_1=2$, а $\bar{x}_2=4,71$. Дисперсия, характеризующая разброс (колебания) значений вокруг средней арифметической, вычисляется по формуле

$$\sigma^2 = \frac{\sum (x - \bar{x})^2}{n - 1}. \quad (2)$$

Схема вычисления дисперсии σ^2 выглядит так:

x	$ x - \bar{x} $	$(x - \bar{x})^2$
2	2,71	7,34
3	1,71	2,92
3	1,71	2,92
4	0,71	0,50
6	1,29	1,66
7	2,29	5,24
8	3,29	10,82

$$\sum (x - \bar{x})^2 = 31,4$$

$$\sigma_2^2 = \frac{31,4}{7-1} = 5,23$$

Аналогичным образом получаем $\sigma_1^2=2$. Таким образом, мы получили все нужные нам характеристики. Теперь надо выяснить, равны или не равны дисперсии сравниваемых рядов. Это осуществляется следующим образом:

$$F = \frac{\sigma_2^2}{\sigma_1^2} = \frac{5,23}{2} = 2,61. \quad (3)$$

В качестве числителя здесь берется всегда дисперсия, имеющая большее значение. Для оценки полученного результата надо сравнить его с табличным⁴. Для нахождения же нужного значения в таблице надо вы-

числить число «степеней свободы» (ν) для каждой дисперсии по формуле

$$\nu = n - 1. \quad (4)$$

В нашем случае будем иметь $\nu_1=2-1=1$ и $\nu_2=7-1=6$. На пересечении значений ν_1 и ν_2 находим $F^1=234,0$, что больше значения $F(F_1>F)$, и, следовательно, дисперсии наших выборок достоверно не отличаются (противоположный случай будет рассмотрен ниже). Теперь производим сравнение средних арифметических по формуле

$$|t| = (x_1 - x_2) \sqrt{\frac{1 - \frac{2}{n_1 + n_2}}{\frac{\sigma_1^2}{n_1} + \frac{\sigma_2^2}{n_2}}}, \quad (5)$$

где все символы нам знакомы, а прямые скобки, в которые поставлено значение критерия t , означают, что оно берется «по модулю». Формула кажется сложной, но вычисления по ней проводятся легко, особенно при использовании простейшей вычислительной техники. В нашем случае получаем $t=1,41$. Для оценки мы опять должны сравнить полученный результат с табличным (значения критерия Стьюдента — t'). Для этого вновь вычисляем число «степеней свободы» по формуле

$$\nu = n_1 + n_2 - 2 = 2 + 7 - 2 = 7 \quad (6)$$

и находим значение $t'=2,365$. Так как $t'>t$, то у нас нет оснований для утверждения о различии сравниваемых распределений. На языке археологии это означает, что мы не можем говорить о хронологическом различии сравниваемых признаков 1 и 2. Это не следует понимать как доказательство их синхронности. В действительности они могут быть и синхронными, и хронологически различными. Но для доказательства последнего утверждения данных, которыми мы располагаем, недостаточно.

Если мы сравним последовательно распределение признаков 2 и 3, 3 и 4, 1 и 3, то получим тот же результат. При сравнении же распределения признаков 1 и 4, 2 и 4 выводы будут иными. В обоих случаях сравнение дисперсий указывает на отсутствие различий между ними, т. е. $F^1 > F$. Применяя формулу (5), получаем результаты $t_{14}=6,135$ и $t_{24}=2,45$ (при табличном значении соответственно $t'_{14}=2,447$ и $t'_{24}=2,201$), т. е. в обоих случаях $t'<t$ и, следовательно, указанные распределения достоверно различаются между собой. Для археолога это означает, что варианты 1 и 2 предшествуют варианту 4. Наших данных оказывается достаточно для такого утверждения.

Рассматривая основную формулу сравнения (5), легко убедиться, что результаты зависят от двух факторов: характера распределений по слоям и количества экземпляров сравниваемых типов или признаков. Поэтому мы не можем указать то минимальное в любом случае число экземпляров, которое необходимо для установления факта различия. Ясно только, что каждый из сравниваемых типов должен включать не менее двух экземпляров ($n>1$): если хотя бы один из них имеет $n=1$, то мы по формуле (2) получаем $\sigma^2=0$, по формуле (3) получаем $F=0$ и т. д. В табл. 2 показаны два примера, когда различия оказываются значимыми при минимальном числе экземпляров и незначимыми — при сравнительно большом.

Для признака A_1 имеем $n_1=2$; $\bar{x}_1=2,5$; $\sigma_1^2=0,5$; для признака A_2 имеем $n_2=2$; $\bar{x}_2=7,5$; $\sigma_2^2=0,5$. Далее получаем $F=1$, а $F^1=1,61$, т. е. $F^1>F$. По формуле (5) получаем $t=5$ при $t'=4,303$. Следовательно, $t'<t$, и различие достоверно.

Для признака B_1 имеем $n_1=6$; $\bar{x}_1=6,67$; $\sigma_1^2=2,67$; для B_2 $n_2=8$; $\bar{x}_2=8,5$; $\sigma_2^2=2$. По формуле (3) получаем $F=1,335$ при $F^1=3,97$, т. е.

Таблица 2

Слой	Признак А		Признак Б		Слой	Признак А		Признак Б	
	1	2	1	2		1	2	1	2
11				1	5			1	
10				1	4				
9			1	1	3	1			
8		1		3	2	1			
7		1	3	2	1				
6			1						

$F' > F$. По формуле (5) имеем $t = 2,09$ при $t' = 2,179$. Следовательно, $t' > t$, и сравниваемые распределения не различаются достоверно.

Нам предстоит еще рассмотреть случай, когда дисперсии сравниваемых распределений оказываются существенно неравными, т. е. $F' < F$. В моей практике пока такого примера не встретилось, из чего я заключаю, что он сравнительно редок. Однако теоретически легко представить такую ситуацию. Всем известно, что одни типы (варианты) вещей бытуют длительный период, а другие — сравнительно короткий. В этом случае мы будем иметь дело с различием дисперсий, т. е. с различием в отклонениях от средней. Это значит, что один тип будет концентрироваться, например, в пределах двух-трех слоев, а другой — в пределах десяти слоев. Ход вычислений сохраняется прежний, но вместо формулы (5) используется формула

$$|t| = \frac{x_1 - x_2}{\sqrt{\frac{\sigma_1^2}{n_1} + \frac{\sigma_2^2}{n_2}}}, \quad (7)$$

а вместо формулы (6) — более сложная

$$v = (n_1 + n_2 - 2) \left(\frac{1}{2} + \frac{1}{\frac{\sigma_1^2}{\sigma_2^2} + \frac{\sigma_2^2}{\sigma_1^2}} \right), \quad (8)$$

Все остальное остается прежним.

Предложенный способ оценки объективен и позволяет сравнительно просто проверить наши выводы, основанные на интуиции. Такой способ проверки наших гипотез в столь ответственной области, как датировки, представляется необходимым.

¹ Этот и другие примеры получены при обработке краснолаковой керамики с Нижне-Гниловского и Подозовского городищ, т. е. являются вполне реальными.

² Каменецкий И. С. К теории слоя. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 93 сл.

³ Автор пользовался книгой: Зайцев Г. Н. Методика биометрических расчетов. Математическая статистика в экспериментальной ботанике. М., 1973, с. 155 сл.

⁴ Зайцев Г. Н. Методика биометрических расчетов, табл. 9II. Эту же таблицу можно найти и в других пособиях: Смирнов Н. В., Душин-Барковский И. В. Курс теории вероятностей и математической статистики для технических приложений. М., 1969, табл. VI; Лакин Г. Ф. Биометрия. М., 1973, табл. VII.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ЕГО МЕСТО В МЕТОДИКЕ И ТЕОРИИ АРХЕОЛОГИИ*

В последние годы экспериментальный метод прочно вошел в археологию и занял важное место в системе археологических исследований. Было даже предложено назвать эту область исследований экспериментальной археологией¹. Хотя вопрос о значении экспериментов в археологии ставился значительно раньше², тем не менее только сейчас экспериментальный метод получает научное обоснование и занимает соответствующее место в археологии среди других вспомогательных методов³.

Исследования, выполненные на эмпирическом уровне и посвященные экспериментальному изучению отдельных орудий труда в целях исследования способов их изготовления, эффективности, возможности их использования, появлялись уже давно⁴. Опытным путем воспроизводились некоторые древние производства или производственные процессы: обработка дерева⁵, изготовление керамики⁶, плетение корзин⁷, срезание злаков⁸ и др. Основным недостатком этих исследований является ограниченный характер опытов, связанных главным образом с изучением отдельных орудий или отдельных производств. Кроме того, экспериментируемые орудия крайне редко подвергались микроанализу, что обедняло теоретический выход эксперимента. Зачастую исследователь задавался целью установить, как сделана та или иная вещь, и не пытался выяснить, чем она могла служить⁹. Только отдельные археологи пытались соединить данные экспериментального исследования с трасологией¹⁰.

Значительный интерес представляет работа Р. Ашера о процессуальной стороне экспериментального исследования. Ему принадлежит разработка логической схемы постановки задач при эксперименте. Таких задач выделено пять: 1) превращение рабочих гипотез в форму, могущую быть проверенной; 2) отбор экспериментальных материалов; 3) операции (или опыты) с предметами и эффективными материалами; 4) наблюдения результатов эксперимента; 5) перевод результатов эксперимента в вывод¹¹.

Нам представляется, что эта схема нуждается в уточнении. Постановка задач эксперимента должна быть тесно связана с археологией и вытекать из задач археологии. Экспериментальные исследования не могут быть формальной схемой абстрактной логической модели, а должны находиться в тесной связи с историческими задачами и проблемами, которые они призваны решать, дополнять и уточнять. Кроме того, при изучении орудий труда и трудовых процессов схема Р. Ашера выглядит не совсем завершенной, поскольку поставленные им задачи не увязаны с трасологическими исследованиями, лежащими в начале эксперимента и его конце. Здесь особенно следует подчеркнуть тесную взаимосвязь экспериментального и трасологического методов. Правильное сочетание этих двух методов при изучении орудий труда обеспечивает конкретно-историческую привязку экспериментов к реальным общностям древности. Например, при решении вопросов реконструкции хозяйственных комплексов большое значение имеют данные трасологического анализа каменных индустрий и экспериментальные работы, поставленные на основе этих исследований и направленные на изготовление соответствующих орудий труда, получение и обработку продуктов питания, сферу производств, связанных с бытовыми потребностями.

Значение эксперимента еще более увеличивается в связи с разработкой основ методологии в археологической науке¹². В печати появились четко сформулированные положения о целях, задачах, методологических аспектах и эвристическом значении эксперимента¹³. В то же время

понятие «экспериментальный метод» в археологической литературе отсутствует.

Итак, попробуем сформулировать определение экспериментального метода в археологии.

Экспериментальный метод в археологии может быть определен как изучение археологических предметов, отдельных явлений или суммы явлений с помощью научно поставленных опытов и наблюдений, проводимых в строго учитываемых условиях, максимально приближенных к условиям функционирования археологических объектов в древности. Это изучение предполагает использование максимально близких средств труда, фиксирует моделируемые явления и процессы как на отдельных стадиях исследования, так и в целом, и направлено на получение новой информации о моделируемом предмете или явлении и проверку достоверности существующих теоретических построений о последних. Одна из положительных сторон экспериментального метода состоит в том, что анализ, синтез и обобщение предмета изучения можно проводить изолированно или в совокупности с другими факторами, останавливая и углубляя их на любой стадии и повторяя множество раз. Это позволяет углублять наши представления о сущности предмета или явления и повышает доказательность выводов, полученных в ходе эксперимента и на его основании.

Общезвестно, что эксперимент является источником теоретических знаний и представлений, а сам метод может быть использован как средство верификации путем физического моделирования и как способ получения новых фактов об объекте. Понятие же факта трактуется широко и разнообразно. Фактом называют «явления, вещи или события, ощущения и восприятия вещей и их свойств... неопровержимые теоретические положения, которыми хотят что-то доказать или опровергнуть»¹⁴. Факт является одним из аргументов любого научного исследования, в том числе и экспериментального. Любая научная теория проверяется фактами. Вместе с тем «факт всегда сохраняет свое содержание, но сам по себе, ни с чем не связанный, он лишен смысла в решении поставленной проблемы»¹⁵. Таким образом, факты «сами по себе» еще не составляют научного исследования. Это прежде всего результат того или иного действия, процесса или явления. Лишь факты, связанные между собой и приведенные в соответствие с поставленной перед экспериментом задачей, становятся надежным источником теоретических знаний, после чего они превращаются в средство решения поставленных задач. Одни факты нужны для выражения научной гипотезы, другие — для ее обоснования, третьи — для доказательства¹⁶. И только «факты, отражающие действительность во всем многообразии случайного и необходимого, существенного и несущественного, и связанные тесно с процессом практики, являются достоверным основанием теории»¹⁷. Эта достоверность подтверждается или определяется практикой. Последняя выступает не только как критерий истины той или иной теории, но и как эмпирический базис основания теоретического знания¹⁸.

Процедурная сущность экспериментального метода лежит, с одной стороны, в накоплении эмпирического знания, полученного в ходе проведения эксперимента, толчком которому послужила научная гипотеза. Она могла возникнуть на базе обобщения уже имеющихся знаний и далее активно воздействовать на процесс исследования. С другой стороны, сущность экспериментального метода состоит в получении новых фактов и постановке новых гипотез, стимулирующих процесс дальнейших исследований и обеспечивающих переход к выделению закономерностей, интерпретации и обобщению полученных в ходе эксперимента знаний. Некоторые исследователи подчеркивают ограниченность единичного эксперимента. Однако любой научный эксперимент, тщательно проведенный, является достоверным доказательством. «Взятый же вместе со всей об-

щественно-исторической практикой в процессе ее развития он служит критерием доказательства достоверности теоретического построения»¹⁹.

Основная цель археологических экспериментов заключается в установлении с помощью большого фактологического материала внутренних закономерностей между орудиями труда и деятельностью человека, функцией и формой орудия, производственными процессами и производствами, производствами и отраслями хозяйства, хозяйством и экономикой. Главной задачей эксперимента является выработка рабочей гипотезы на основе известных уже археологических, этнографических или трасологических данных. С накоплением фактов, их интерпретацией и обобщением гипотеза перерастает в научное познание. Даже факты с отрицательным содержанием могут служить проверкой относительной истинности общих высказываний, т. е. верификацией²⁰.

В качестве примера можно привести древнее производство по обработке шкур. Широко распространена точка зрения, что позднелепестчатые орудия вообще и скребки, в частности, по времени, затраченному на обработку эталонного участка, были эффективнее и производительнее мустьерских. При проверке этой гипотезы путем физического моделирования накопилось множество фактов, свидетельствующих о равной производительности во временном отношении на эталонную единицу позднелепестчатых и мустьерских скребков. Полученные факты заключали в себе отрицательное содержание, но тем не менее помогли проверить истинность высказанного положения. Кроме того, в ходе опытов и наблюдений появились новые факты, говорящие о том, что между названными скребками все же наблюдалась разница, но она заключалась в качественной стороне произведенной работы. На основании накопленных в опытах эмпирических знаний можно заключить, что мустьерские скребки при обработке шкуры могли производить в большинстве случаев одну операцию — мездрение, тогда как позднелепестчатые — и мездрение, и пушение бахтармы²¹. В данном отношении эксперимент явился эмпирическим базисом для основания теоретического представления о характере кожевенного производства в мустьерскую и позднелепестчатую эпохи.

Верификационная сторона эксперимента хорошо проступает при проверке причины появления блеска на вкладышах серпов. Существовала гипотеза, что глянec на серпах появился в результате использования их при срезании зерновых культур, в стеблях которых содержался кремний²². Трасологические исследования поверхности серпов, проведенные С. А. Семеновым, показали, что помимо глянца или зеркального блеска эти орудия сохраняют линейные следы²³. Эксперименты, связанные с жатвой зерновых, травы и тростника, позволили выявить сумму фактов и вскрыть истинную причину появления признаков сработанности на серпах. Оказалось, что глянec присущ всем жатвенным орудиям, использованным при срезании не только зерновых, но и травы, и веток растений, и тростника. Линейные же признаки появились только от жатвы злаковых растений и вызваны были не содержащимися в стеблях кремнеземом, а наличием абразивных частиц, покрывавших эти стебли снаружи от распаханной почвы²⁴. Таким образом, вывод, сделанный Ф. Спареллом и К. Карвенем относительно появления признаков сработанности на серпах, оказался неверным.

Совершенно новую информацию несут экспериментальные исследования, связанные с задачами установления производительности орудий труда, реконструкции отдельных производств и хозяйственных комплексов²⁵. До эксперимента нам было известно лишь, что то или иное орудие выполняло такие-то функции и могло использоваться в том или ином производственном процессе. Достоверность новых фактов, полученных в ходе испытания рассматриваемых орудий, во многом будет зависеть от четко сформулированных задач и соблюдения тех условий, которые отмечены

нами при определении экспериментального метода. И в этом случае результаты анализа, синтеза и обобщения последнего тесно переплетаются с трасологическими данными.

За рубежом трасологический, или функциональный, метод в ряде случаев подменяется типологическим. Вариабельность комплексов, по мнению некоторых исследователей (С. Бинфорд), может отражать не только местные традиции, эволюцию, но и функциональные различия²⁶. Однако для выявления функциональных различий они опираются не на данные трасологического исследования, точно устанавливающего функциональное назначение орудий, а на традиционный типологический анализ, с помощью которого выделены отдельные типологические группы орудий, почему-то названные функциональными группами. Конечно, технические традиции устойчиво сохраняются в индустрии и четко проявляются при технико-морфологическом анализе каменных изделий. Различия между индустриями могут носить культурный, локальный или хронологический характер. Различия же в функциональном наборе групп изделий указывают на общекультурную или локальную вариабельность хозяйственных или производственных комплексов.

Учитывая реконструктивные задачи археологии, можно различить следующие типы экспериментального исследования: 1) изучение техники расщепления и изготовления орудий определенной эпохи; 2) изучение отдельных орудий с целью установления их функции, эффективности и производительности; 3) изучение функций и продуктивности группы орудий, связанных с отдельной отраслью техники или производства; 4) комплексное изучение целой технико-хозяйственной системы, объединяющей отдельные отрасли и производства.

С методической точки зрения, при решении этих задач в организации экспериментов по изучению орудий труда можно выделить следующие направления: создание эталонов для развития трасологического метода, изучение процесса производства и производительности древних орудий труда путем физического моделирования, реконструкция хозяйственных типов.

В нашей стране больше систематические работы по экспериментальной археологии проводились и проводятся как в полевых, так и в лабораторных условиях экспериментально-трасологической лабораторией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством С. А. Семенова. Насущными задачами этих исследований являются изучение техники расщепления камня, установление закономерностей в технике изготовления орудий, определение эффективности целой серии изделий, связанных с тем или иным производством или отраслью хозяйства, изучение технологии керамики, процесса добывания огня древнейшими способами и др.²⁷ Проблемами изучения древнейшей галечной техники расщепления камня и галечных орудий труда путем физического моделирования и трасологического исследования успешно занимается А. Е. Матюхин. Интересные выводы и наблюдения сделаны В. Е. Щелинским в ходе экспериментального и трасологического изучения процессов производства мустьерских орудий труда на всех стадиях их изготовления и функционального назначения²⁸. Исключительно важному разделу — технике обработки бивня, рога и кости и изготовлению соответствующих орудий труда позднелепестчатого времени с учетом закономерностей, выявленных в процессе анализа и наблюдений моделируемого производства, — посвящены работы А. К. Филиппова. Во всех перечисленных выше исследованиях основное внимание уделено установлению связей между формой орудия, его функцией и деятельностью мастера, изготовившего его, без чего невозможно понять ни один производственный процесс.

Наши экспериментально-трасологические работы в Молдавской экспедиции в 1973—1974 гг. ставили задачу изучения целой технико-хозяй-

ственной системы трипольского общества с фиксацией хронометража всех видов работ и контроля экспериментируемых эталонных образцов трасологическим методом.

Эксперименты осуществлялись в максимально близких трипольским поселениям условиях и теми орудиями, которые были сделаны по образцу трипольских²⁹.

Тематически проводившиеся исследования были связаны с тремя направлениями: с изготовлением орудий труда; с циклом производств, ориентированных на получение и обработку продуктов питания; с домашними промыслами и производствами, обслуживающими бытовые потребности.

Цикл производств, организованных для получения и обработки продуктов питания, предусматривал обработку различных по структуре и характеру почв роговыми мотыгами и палками-копалками с фиксацией времени и эффективности разнообразных типов орудий; жатву пшеницы, овса, ячменя, травы и тростника на заранее вымеренных участках, осуществлявшуюся жатвенными ножами и серпами всех изготовленных видов; обмолот сжатой пшеницы; растрепание зерна на каменных зернотерках; свеживание туши полудикого барана пластинами; разделывание рыбы кремневыми и обсидиановыми ножами и др.

В сферу производств, обслуживающих бытовые потребности, были включены: обработка шкур и выделка кож; раскраивание выделанных шкур и кож; шитье одежды; строительство оборонительного рва, полуземлянки и землянки роговыми мотыгами. В целях изучения эффективности и производительности трипольских орудий труда в систему экспериментов были введены орудия доземледельческой эпохи и современные металлические инструменты типа серпов, ножей, скребков. Эксперименты позволили проследить эволюцию в производительности земледельческих и скребковых орудий; определить длительность существования того или иного инструмента без подправки; вычислить приблизительные размеры посевных участков ранних земледельцев; сделать демографические расчеты по строительству жилищ земляночного и полуземляночного типа; определить орудийный потенциал трипольского общества и сравнить его с потенциалом других ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. В ходе опытов рождались новые гипотезы и новые факты, заставляющие углубить и конкретнее историзировать наши представления о трипольском обществе, уточнить или отвергнуть существующие научные положения и гипотезы. Например, на основе имеющихся данных о характере земледелия в Триполье была сформулирована гипотеза о пашенном земледелии³⁰, отрицающая возможность обработки земли в широких масштабах каменными и роговыми мотыгами. В ходе экспериментов по обработке земли, осуществлявшихся роговыми и каменными мотыгами, а также палками-копалками на разных по структуре почвах Молдавии, была установлена довольно высокая производительность этого способа. По продуктивности роговые мотыги в 1,5—2 раза превосходят палки-копалки, которые были эффективны на плотной, трудной для обработки почве (например, черноземе с мощным травяным покровом) и мало пригодны для мягких почв. Так, производительность палки-копалки на мягкой почве — 30 кв. м в час, роговой мотыги — 60 кв. м. Это обстоятельство свидетельствует в пользу того, что в трипольском обществе, видимо, существовала мотыжная обработка земли, поскольку данные орудия труда могли производить на мягких почвах достаточно масштабные работы. Кроме того, в процессе проверки родились новые гипотезы — в частности, о функциональной дифференциации роговых мотыг с разным расположением рабочих лезвий. Эта проверка показала, что дифференциация связана с узкой специализацией исследуемых мотыг, бывших весьма эффективными орудиями для одного вида землепашных работ и непригодными для других.

Сумма накопленных в процессе опытов эмпирических знаний уже сейчас позволяет подойти к интерпретации и обобщению как отдельных явлений трипольского общества, так и реконструкции целой технико-хозяйственной системы.

Этот пример свидетельствует о тесной связи экспериментально-трассологического исследования с историческими задачами и проблемами изучения трипольской культурной общности. Кроме того, методологическая функция такого исследования проявляется в анализе, синтезе и обобщении исследуемых вещей, отдельных производственных процессов или целой технико-хозяйственной системы.

- * Экспериментальный анализ касается только эпохи камня.
- ¹ Asher R. Experimental Archaeology.— «American Anthropologist», v. 63, N 4, 1961, p. 793—816.
 - ² Городцов В. А. К истории развития техники первобытных каменных орудий.— СЭ, 1935, № 2.
 - ³ Семенов С. А. Первобытная техника.— МИА, № 54, 1957, с. 6; он же. Изучение первобытной техники методом эксперимента.— В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.— Л., 1963, с. 191—214; он же. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, с. 6, 7; Asher R. Experimental Archaeology; Hole F., Heizer R. F. An Introduction to Prehistoric Archaeology. N. Y.—London, 1965, p. 214—216; Матюхин А. Е. Структура, функции и цели археологического эксперимента при изучении на древнейших орудий.— В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 78—80; Tringham R., Cooper G., Odell G., Voytek B., Whitman A. Experimentation in the Formation of Edge Damages: A New Approach to Lithic Analysis.— «Journal of Field Archaeology», v. 1, 1974, p. 171—196.
 - ⁴ Например, см.: Evans J. Ancient Stone Implements of Great Britain. London, 1897, p. 162.
 - ⁵ Mc. Ewen J. M. An Experiment with Primitive Maori Carving Tools.— «Journal of the Polynesian Society», v. 55, 1946, p. 111—116.
 - ⁶ Griffin J. B., Angell C. W. An Experimental Study of the Techniques of Pottery Making.— «Papers of the Michigan Academy of Science, Arts and Letters», v. 20, 1935, p. 1, 2.
 - ⁷ Hole F., Heizer R. F. An Introduction..., p. 216.
 - ⁸ Curwen E. C. Prehistoric Flint Sickness.— «Antiquity», v. 4, 1930, p. 179—186; Steensberg A. Ancient harvesting Implements. A Study in Archaeology and Human Geography. Copenhagen, 1943, part III, ch. II, p. 133—178; Ashbee P., Cornwall J. W. An Experiment in Field Archaeology.— «Antiquity», v. 35, 1961, p. 129—134; Harlan J. R. A Wild Wheat Harvesting Turkey.— «Archaeology», 1967, N 3.
 - ⁹ Hole F., Heizer R. F. An Introduction..., p. 214.
 - ¹⁰ Steensberg A. Mit Braggender Flamme. Kuml, 1955, p. 63; Iversen J. Forest Cessation in the Stone Age.— «Scientific American», N 194, 1956, p. 36; Nielsen E. Eksperiment Skalk.— «Archaeology», 1966, N 3, p. 13; Bowen H. C. Corn Storage in Antiquity.— «Antiquity», v. 41, 1967, p. 214; Coles J. M. Experimental Archaeology.— In: Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. Edinburgh, 1968, p. 1—20.
 - ¹¹ Asher R. Experimental Archaeology, p. 802—812.
 - ¹² Зазарук Ю. Н. О методологии археологической науки и ее проблемах.— СА, 1969, № 3, с. 17.
 - ¹³ Матюхин А. Е. Структура, функции и цели археологического эксперимента..., с. 78—80.
 - ¹⁴ Копнин П. В. Введение. Задачи и основные понятия логики научного познания.— В кн.: Логика научного исследования. М., 1965, с. 16.
 - ¹⁵ Копнин П. В. Введение. Задачи и основные понятия..., с. 16.
 - ¹⁶ Копнин П. В. Введение. Задачи и основные понятия..., с. 16.
 - ¹⁷ Косолапов В. В. Факт как основание научного знания.— В кн.: Логика научного исследования, с. 67.
 - ¹⁸ Косолапов В. В. Факт как основание..., с. 67.
 - ¹⁹ Копнин П. В. Переход от вероятного знания к достоверному.— В кн.: Логика научного исследования, с. 194.
 - ²⁰ Попович М. В. Проверка истинности теории.— В кн.: Логика научного исследования, с. 174.
 - ²¹ Коробкова Г. Ф. Экспериментально-трассологическое изучение производств трипольского общества.— АО 1974 г. М., 1975, с. 440.
 - ²² Spurrell F. C. Notes on Early Sickness.— «Archaeologia», N XLIX, 1892; Curwen E. Agriculture and the Flint Sickle in Palestine.— «Antiquity», v. 9, 1935, p. 62.
 - ²³ Семенов С. А. Древнейшие каменные серпы.— СА, XXI, 1954, с. 366, 367; он же. Первобытная техника, с. 142—150; он же. Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 245—253.

- ²⁴ Коробкова Г. Ф. Работы экспериментальной группы Молдавской археологической экспедиции.— АО 1969 г. М., 1970, с. 351.
- ²⁵ Коробкова Г. Ф. Экспериментальное изучение орудий труда трипольской культуры.— АО 1973 г. М., 1974, с. 420, 421; она же. Экспериментально-трассологическое изучение..., с. 439, 440.
- ²⁶ Binford S. R. Variability and Change in the Near Eastern Mousterian of Levallois Facies.— In: New Perspectives in Archaeology. Chicago, 1968.
- ²⁷ Семенов С. А. Первобытная техника; он же. Экспериментальные исследования первобытной техники.— СА, 1959, № 2; он же. Изучение первобытной техники..., он же. Экспериментальный метод изучения первобытной техники.— В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965; он же. Развитие техники в каменном веке; он же. Производство и функции каменных орудий.— В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970; он же. Происхождение земледелия.
- ²⁸ Щелинский В. Е. Производство и функции мустьерских орудий (по данным экспериментального и трассологического изучения). Автореф. канд. дисс. Л., 1974.
- ²⁹ Коробкова Г. Ф. Экспериментальное изучение орудий труда трипольской культуры; она же. Экспериментально-трассологическое изучение...
- ³⁰ Бибииков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре.— МИА, № 38, 1953, с. 176, 282; он же. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (опыт изучения первобытной экономики).— СА, 1965, № 1, с. 52.

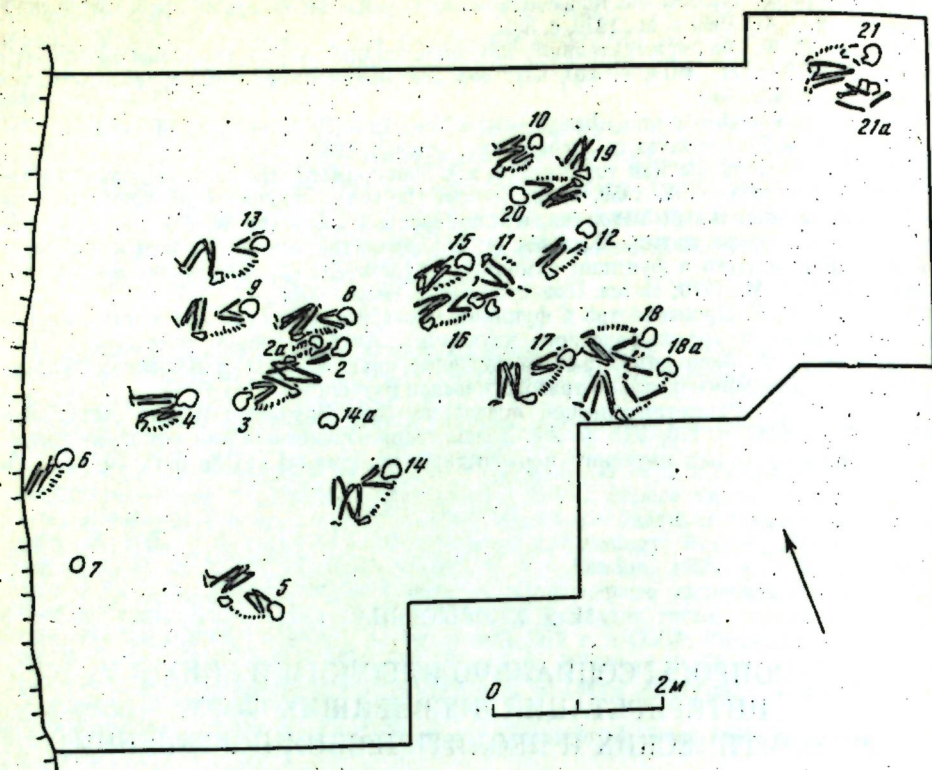
М. Д. ХЛОБЫСТИНА

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ДРЕВНЕЙШИХ ФОРМ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ И НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

Воспроизведение архаичных структурных форм первобытных коллективов представляется одной из наиболее существенных по своей историко-культурной значимости задач в общей цепи проблем, стоящих перед первобытной археологией как исторической наукой. Существует настоятельная необходимость выработки определенных методических критериев для изучения археологических данных в плане палеосоциологических и палеодемографических интерпретаций на основе марксистских диалектических методов. По отношению к погребальным памятникам это должно выразиться в комплексном исследовании их путем детального коррелирования данных погребального ритуала и антропологии.

Показательными объектами для изучения социально-идеологической структуры древнейших обществ рыболовов и охотников являются материалы позднемезолитических и неолитических могильников европейской территории СССР¹. Остановимся прежде всего на некоторых вариантах реконструкции общественного уклада сообществ, оставивших древнейшие позднемезолитические могильники Нижнего Поднепровья² — Васильевский 1 и 3³. Васильевка 1 — это кладбище с захоронением мужчин в возрасте от 25—30 до 55—60 лет (рис.). Три погребения (11, 20, 21) определены Т. С. Кондукторовой как предположительно женские, одно (7) — череп ребенка, засыпанный охрой (возможно, ритуальное захоронение). Подавляющее большинство умерших погребены в последовательно совершенных групповых захоронениях, от двух до четырех человек в каждом, и только три внутригрупповых (2—2а, 18—18а, 15—16) захоронения совершены одновременно. Пятеро мужчин (4—6, 14, 14а; последнее, впрочем, также, возможно, являлось ритуальным захоронением черепа, засыпанным охрой) погребены индивидуально.

Создание коллективной усыпальницы по принципу половозрастной дифференциации (что позволяет предполагать наличие и соответствующего женского некрополя, оставшегося недоступным для исследования) может, очевидно, свидетельствовать о том, что регулятором семейно-брач-

Схематический план могильника Васильевка 1

2—6, 8—10, 12—19, 21a — погребения мужчин; 11, 20, 21 — погребения женщин (предположительно); 7 — череп ребенка; 14a — череп мужчины (по Т. С. Кондукторовой)

ных норм и определяющих их производственно-бытовых отношений внутри коллектива, оставившего могильник, была система половозрастных группировок, которые относительно соответствующих возрастных категорий могли являться и брачными разрядами. Принцип половозрастной дифференциации первобытного коллектива, сложившийся, очевидно, в недрах древнейших, архаичных родовых сообществ с «дуальной» структурой (по Ю. И. Семенову)⁴, продолжал, по-видимому, сохранять свои устои в обществах позднемезолитической эпохи, являясь конструктивной подосновой и одним из стимуляторов сложения экзогамных, собственно родовых систем.

Не менее показательной чертой Васильевки 1 представляется группировка погребенных как близко соотносящихся по возрасту индивидов. Это касается возраста мужчин, погребенных одновременно (2—2a (45—55 и 40—45 лет), 18—18a (оба примерно по 50—60 лет), 15—16 (35—50 и 35—45 лет), и мужчин, погребенных последовательно. Учитывая эту последовательность, можно заключить, что они близко стояли друг к другу по реальному сроку рождения, а также, возможно, и по сроку инициации.

Подобный обряд может отражать, как представляется, состояние коллектива типа допредковой, «кровоной» общины (по Н. А. Бутинову)⁵, где общинное ядро рассматривается как сообщество «братьев» и «сестер», связанных горизонтальной системой родства, что предполагает стратификацию по возрастным категориям. Группировка «гнездами» (термин Д. Я. Телегина) может свидетельствовать о принадлежности погребенных к тому или иному поколению малых семей, являющихся минимальными структурными единицами общины, поскольку и древнейшие формы последней отнюдь не исключали разбивки коллектива на парные (а также

и «тройные») ⁶ брачные молекулы. Не следует забывать при поисках причин подобной группировки и моменты ритуального «кровничества», побратимства, корневые истоки которого, как можно предположить, лежат именно в архаичных дуальных структурах. Поскольку перед нами именно погребальный комплекс, надо учитывать и вероятность того, что на едином могильном поле могли быть погребены представители одного или нескольких близких тотемических родов, чья локальная (обычно мужская) часть и могла являться кровным и производственным ядром подобных общин⁷.

Если действительно в захоронениях 11, 20, 21 были погребены женщины, то мы получаем свидетельство своего рода первоначальной «завязи» обычая совместного разнополого захоронения; в захоронениях 21—21a имелось бы и собственно парное разнополое разновременное погребение. Возможно, именно групповое тройное погребение двух однополых субъектов и одного — противоположного пола явилось той древнейшей структурной основой, от которой начиналась дальнейшая эволюция обряда парного разнополого погребения как погребения рядовых членов общинно-родового коллектива, связанных брачными узами. Сам факт сложения обряда парного разнополого погребения, т. е. погребения лиц, находящихся не в отношениях кровного, горизонтального или вертикального родства, но в отношениях свойства, что усугублялось различной тотемно-родовой принадлежностью, должен был означать значительный шаг относительно внутренней прогрессивной трансформации, эволюции внутриобщинных отношений в направлении их биосоциального упорядочения. Развитие обряда парного разнополого погребения означало дальнейшее развитие тенденции по преодолению своего рода диалектического противоречия, существовавшего между общиной и семьей как двумя наиболее универсальными социальными институтами первобытности.

Принцип дифференцированного погребения полов нашел свое развитие в хронологически, очевидно, следующем за Васильевским 1 поздне-мезолитическом могильнике Васильевка 3, культура которого непосредственно соприкасается с культурой ранних днепро-донецких памятников⁸. В Васильевке 3 мужчины, женщины и дети погребены на едином могильном поле сепаратными группами, и мы вновь сталкиваемся с сочетанием групповых однополых и индивидуальных погребений. Однако появляется многозначительная деталь: при некоторых мужских и женских групповых однополых захоронениях обнаруживаются одиночные младенческие подхоронения. Присутствие своего рода символических детских погребений при групповых захоронениях взрослых фиксирует, возможно, возникновение счета родства по вертикальной линии⁹.

Можно предположить, что обрядовый принцип группового захоронения, как однополого, так и эволюционирующего из этой формы разнополого, был достаточно универсален в позднемезолитических и раннеэнеолитических культурах. В ранних днепро-донецких памятниках такая форма сочетается, как в древнейших Васильевских могильниках, с индивидуальной формой погребения, а также парными разнополыми захоронениями (могильники Васильевка 2, Собачки, наиболее архаичный — Марьевка, левобережные Вовниги). На развитом этапе днепро-донецкой культуры при сложении крупных коллективов, базировавшихся, по-видимому, в отличие от более ранних мезо-неолитических, не на рыболовстве, а на пастушеском скотоводстве, эта форма сосуществует с доминирующим обрядом коллективного последовательного погребения в обширных (большесемейных?) могилах¹⁰.

В северных памятниках европейской территории СССР групповые и парные однополые захоронения известны в Южном и в более позднем Северном Оленеостровских некрополях, где они сочетаются с древнейшими парными разнополыми погребениями, могилами мужчины и ребенка, причем основная масса детей погребена на стороне¹¹. В «лесном неолитическом» погребении

те» известны и малые погребальные комплексы — так называемые погребения на стоянках.

К группе древнейших погребений принадлежит кубенинский комплекс, относимый, согласно новейшим изысканиям, к поздне-мезолитическому периоду и, следовательно, возникший до образования на этом месте стоянки каргопольской культуры¹². Комплекс включает три индивидуальные могилы, составляющие компактную группу: 2 — взрослый, очевидно, женщина (рост 1,5 м, в погребении найдены шилья) с выразительным культовым инвентарем, включающим антропо-зооморфные фигурки; 3 — мужчина (рост около 2 м, с обильным охотничьим инвентарем и костяными подвесками); 1 — взрослый, также, возможно, женщина или юноша, судя по полутораметровой длине костяка, без инвентаря. Все погребены в позе на животе; 2 и 3 — ориентированы на юг, 1 — на север, «по антитезе»¹³. Судя по обряду и инвентарю, комплекс принадлежал не рядовым общинникам: если мужчина, бывший, очевидно, выдающимся охотником, мог занимать высокое общественное положение, то культовая роль принадлежала именно женщине с оригинальным набором сакральных предметов, а безынвентарная и противоположно ориентированная могила 1 была, согласно принятой терминологии, «сопровождающей». Комплекс в целом представляет собой групповое тройное захоронение.

Близок к кубенинскому древнейший погребальный комплекс Черной Горы, относящийся, очевидно, к первому этапу развития рязанской культуры, сближаемому с древнейшим кубенинским комплексом и хронологически (рубеж IV—III тысячелетий до н. э.)¹⁴. Комплекс включал три погребения: 24 — женщина 20—25 лет (в инвентаре подвески из зубов и костей животных, в головах — кострище с камнями со следами огня); 25 — взрослый (без инвентаря); 19 — взрослый (без инвентаря). Все лежат в позе на животе, причем у женщины руки подняты к голове. Вновь отметим культовый характер погребения женщины, усугубляемый присутствием очага, а также «тройной» состав захоронения.

К кубенинским и черноторским примыкает и одно из древнейших погребений Караваихи: женщина около 20 лет, в позе на животе, придавлена валунами, над погребенной очаг и три кости (медведя, лося и бобра)¹⁵. К сожалению, не вполне ясно соотношение погребения женщины под валунами с прочими древнейшими могилами, среди которых оно — самое глубокое; не исключено, что некоторые из этих пяти могил, например безынвентарная могила молодой женщины, составляли с этим несомненно культовым захоронением единый комплекс¹⁶.

Таким образом, перед нами не рядовые могильники эпохи позднего мезолита — раннего неолита, но особые погребальные комплексы, включающие могилы людей, связанных со сферой культа, и поэтому сами представляющие собой, вероятно, культовые объекты, т. е. места, почитаемые соплеменниками. Поскольку выбор места под первобытное поселение мог предопределяться не только рациональными обстоятельствами (промышленными моментами, удобствами обороны и быта), но также и иррациональными моментами, связанными с верованиями и обрядами, то, учитывая чрезвычайную традиционность идеи «священных мест» в истории религий, не исключено, что местоположение некоторых из таких древнейших культовых комплексов могло предопределять места основания стоянок.

Показательны, далее, связь таких погребений с животными (тотемными) культами, частично, вероятно, трансформирующимися в охотничью магию, а также связь животного и огневого культов и антропоморфизация звериных тотемных образов. Поскольку антропоморфизация как одно из древнейших художественно-идеологических явлений известна и по образцам верхнепалеолитического творчества, и по памятникам неолита и бронзового века — трем векам в истории первобытного искусства и идеологии, то, очевидно, возникает необходимость изучения данного процесса

в плане не столько его преемственной традиционности, сколько его специфичности как внутриэпохального явления. Собственно культовые погребения этих архаичных комплексов принадлежали женщинам, что представляет весьма показательную особенность и еще раз позволяет поставить вопрос о доминантной роли женщин именно в сферах культовой жизни первобытных коллективов. Не менее выразительной особенностью является и присутствие специальных «очагов», связанных, очевидно, с почитанием не огня как такового, но «домашнего» огня, очага, средоточия внутриобщинного быта, тесно связанного и с областью приложения женского труда, и, вероятно, магическими отправлениями, совершаемыми женщинами. Отметим, наконец, групповой тип погребений, ассоциирующийся с весьма архаичными социальными нормативами, а также безынвентарность «сопровождающих» захоронений.

Погребения, совершенные непосредственно в культурном слое стоянок культур ямочно-гребенчатой керамики и относящиеся к развитой поре их существования, свидетельствуют о консервации некоторых древнейших принципов погребальной обрядности. Так, на стоянке Черная Гора на участке с керамикой преимущественно первого этапа рязанской культуры имеется погребение 1 (стратиграфически более позднее, чем рассмотренный комплекс), содержащее захоронение трех взрослых; в инвентаре — привески из зубов лося и костяная фигурка женщины¹⁷. На расстоянии 2,5 м от него встречено одиночное безынвентарное погребение взрослого. Таких погребений известно около 20, они синхронны основному этапу жизни поселения¹⁸. Обратим внимание на индивидуальность и безынвентарность рядовых погребений, на групповой характер тройного захоронения с ритуальной подвеской.

На Федоровской стоянке (существовавшей, по В. М. Раушенбах, с конца среднего этапа льяловской культуры)¹⁹ в нижней части культурного слоя был открыт комплекс из трех могил взрослых, две из которых одновременны, а третья (расчлененное труположение) — несколько старше; в инвентаре — костяные подвески, в том числе из челюсти бобра. В окружающем слое встречены явные следы антропофагии, найден и череп с окрашенной внутренней поверхностью²⁰. Поскольку погребений на обширной территории стоянки нет, можно считать, что собственно общинное кладбище находилось вне территории поселения и групповой комплекс имел не ординарный характер.

Наконец, оригинальна топография погребений на Гавриловской балахнинской стоянке: вытянутые костяки располагались на материковом песке, у внешних (северной и южной) стен землянок, а одно, самое глубокое, погребение совершено внутри жилища, в 0,4 м от очага²¹. Инвентарь отсутствовал. Возможно, что это были известные из этнографии жертвенные «подкладные» захоронения, совершаемые при постройках, а причажная могила связана с культом домашнего очага. Погребения недалеко от очагов жилищ известны в Верхнем Веретье, каргопольском Кубенине и, наиболее выразительное, в волосовском Панфилове (мужчина в позе на животе). Отметим, что гавриловские могилы представляют собой парные земляночные комплексы (только могила 2 одиночная); регулярность расположения их относительно стран света наводит на мысль об их связи с какой-то формой небесного культа. Антропологически они все очень своеобразны (в могиле 2 — женщина). Перед нами, таким образом, вновь не рядовые захоронения.

Обращаясь к погребениям волосовской культуры, отметим прежде всего выразительный культовый комплекс на стоянке Сахтыш II, в ранневолосовском слое которой рядом с жилищем 1 располагалась групповая могила 4: погребены женщина в позе на животе, с костяным острием в поднятой к голове руке, двое взрослых в вытянутом положении на спине, без черепов и некоторых костей конечностей, и взрослый в позе на животе, без черепа, застрелен дротиком. Рядом находились скопление

костей медведей, ориентированное, подобно женскому погребению, на северо-восток, и роговая «колотушка». Здесь же обнаружены и пять индивидуальных рядовых могил взрослых²².

Весьма традиционные особенности и поздневолозовских могил на стоянке Володары: у жилища 2 располагалась групповая могила 2 с тремя параллельно положенными взрослыми. Инвентарь — астрагал лося, сланцевая подвеска, сосуд, а у ног одного костяка (пол неизвестен) — кучка кремня, густо засыпанная охрой. У края могилы имелось кострище с рыбными костями. О культовом характере могилы говорят как групповой, традиционный для не рядовых погребений, характер захоронения, так и имитация очага. Соседнее парное одновременное погребение 1 совершенно чуть раньше. Оно содержало захоронение женщины и мужчины. Женщина около 40 лет убита ударом в лоб, на спине, с рукой, поднятой к голове (уже встречавшийся нам ритуальный, очевидно, жест). В инвентаре — астрагал лося, сланцевая подвеска, сосуд, а у ног — очаг с пережженными костяными и каменными изделиями. Мужчина 40—43-х лет, без инвентаря. У края могилы также находилось кострище с рыбными костями²³. Перед нами, таким образом, насильственное погребение женщины, совершенное с элементами традиционного ритуала (кострище), и мужчины-иноплеменика (выходца из южных степей).

Если антропологически о связи с Поднепровьем можно судить по упомянутым панфиловскому и володарскому погребениям, то близость обряда прослеживается как в могиле с кабаньими клыками на Ибердусе I, так и, возможно, по пятиярусной коллективной могиле 6 Черной Горы, ассоциирующейся с днепро-донецкими²⁴.

Володарское погребение входит в серию волозовских парных разнополых захоронений, для которых типична выразительная комбинация половозрастного состава (мужчина, женщина, иногда и дети, т. е. собственно малосемейное погребение), характерного для ритуала культур эпохи энеолита — ранней бронзы, с древнейшими обрядовыми реминисценциями типа тотемного культа медведя и культа огня. В последних отразился, как нам представляется, неолитический характер культуры Волосова, а, возможно, и ее органическая связь (согласно гипотезе Д. А. Крайнова) с местной этнокультурной подосновой.

В названную группу можно включить и разнополое погребение на Сахтыше I, совершенное «по антитезе» (под углом друг к другу, с перерубленными костями ног) и сопровождаемое, помимо ножа и сосуда, костями медведя²⁵. Далее, это могилы на Языковской стоянке с ярусным расположением костяков взрослых (нижний костяк — женщина), перекрещивающих друг друга под углом и образующих, вместе с двумя погребениями детей, своеобразный треугольник с кострищем посередине²⁶. На Языковской стоянке открыт также оригинальный комплекс, включающий могилу с костями мужчины и женщины (оба без черепов) и четырех детей и расположенную рядом могилу взрослого (без черепа и верхней части туловища). Обе могилы безынвентарны²⁷. Перед нами, очевидно, семейные захоронения, совершенные со всей сложностью традиционного культового обряда, притом, возможно, погребения семьи не рядовых общинников. Следует также подчеркнуть сочетание парных разнополых и детских захоронений в едином погребальном комплексе.

Существовал, по-видимому, и весьма архаичный культ черепов: именно так могут быть объяснены захоронения обезглавленных костяков (Сахтыш I, Языково, Черная Гора, могила 50 — погребение 14-ти человек с отделенными черепами, вперемежку с медвежьими костями, следы огня, в особенности на черепах) и постанова черепа женщины на коле у жилища на Модлоне. С этим же могут быть связаны и свидетельства культовой антропофагии, как можно судить по состоянию костных остатков, обнаруженных на Сахтыше I и II и в раскопках В. А. Городцова в Панфилове. Ритуальные костры, раскладывавшиеся на некоторых волозов-

ских поселениях при погребениях, совершаемых недалеко от жилищ (Сахтыш VIII), возможно объяснить, исходя из представленных соображений.

Таким образом может быть намечена линия обрядового развития для «погребений на стоянках» лесной полосы. Однако отметим всю условность этого наименования, поскольку на ранних этапах на месте поселения располагались, очевидно, лишь специальные культовые захоронения, для которых типичен групповой, комплексный обряд погребения, несомненно ассоциирующийся с весьма архаичными чертами древнейших социальных раннеродовых структур. Последние, по-видимому, были достаточно характерны и распространены в эпоху позднего мезолита — раннего неолита в коллективах рыболовов и охотников европейской территории СССР вне зависимости от их этнокультурной принадлежности. Они обуславливались формой общественно-хозяйственного объединения, предполагавшей относительно прочную оседлость и крупный численный состав. Если сначала мы обнаруживаем сочетание групповых и индивидуальных погребений (очевидно, рядовых), то затем, следуя прогрессу семейно-общинной структуры, обряд эволюционировал в сторону сочетания индивидуальных и парных разнополых погребений. Особенно много свидетельств сочетания архаичных и новых ритуальных норм дают обряды волозовских племен.

- ¹ См. кн.: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита (МИА, № 172). М.—Л., 1973.
- ² Станко В. И. Типы памятников и локальные культуры в мезолите Северного Причерноморья.— МИА, № 185, 1972, с. 259, 261.
- ³ Столяр А. Д. 1-й Васильевский мезолитический могильник.— АС, I, 1959, с. 89—111, рис. 3, 12, 25, 28; Телегин Д. Я. Третий Васильевский могильник.— КСИА АН УССР, 7, 1957, рис. 1.
- ⁴ Семенов Ю. И. Проблема начального этапа родового общества.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, I. М., 1968.
- ⁵ Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты).— В кн.: Проблемы истории..., I, с. 115—117, 126—134.
- ⁶ Кабо В. Р. Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам).— В кн.: Проблемы истории..., I, с. 235, 254, 256.
- ⁷ Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй, с. 117; Кабо В. Р. Первобытная община..., с. 257—261.
- ⁸ Телегин Д. Я. Третий Васильевский могильник, рис. 1; он же. Васильевский третий некрополь в Надпорожжьи.— «Археология», XIII, 1961, рис. 1.
- ⁹ Хлобыстина М. Д. Древнейшие коллективные погребения Днепровского Надпорожья (вопросы социологической интерпретации).— В кн.: Проблемы археологии Европы и Северной Америки. М., 1977.
- ¹⁰ Телегин Д. Я. Новые раскопки неолитических могильников в Надпорожье.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968.
- ¹¹ Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе.— «Кольский сборник», вып. 23. Л., 1930; Гурина Н. И. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова.— МИА, № 39, 1953; она же. Оленеостровский могильник.— МИА, № 47, 1956.
- ¹² Козырева Р. В. Неолитические племена бассейнов озер Белого, Воже и Лаче.— МИА, № 172, 1973, с. 76.
- ¹³ Фосс М. Е. Древнейшая история севера европейской части СССР.— МИА, № 29, 1952, с. 215, 216, рис. 108.
- ¹⁴ Цветкова И. К. Племена рязанской культуры.— В кн.: Окский бассейн в эпоху камня и бронзы (Труды ГИМ, 44). М., 1970, с. 127, 130, 131, рис. 25; она же. Неолитические племена рязанского течения р. Оки.— МИА, № 172, 1973, с. 139, 140.
- ¹⁵ Брюсов А. Я. Караваевская стоянка.— В кн.: Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961, с. 75, 150.
- ¹⁶ Козырева Р. В. Неолитические племена..., с. 80; Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. М., 1955, с. 346—352, рис. 140.
- ¹⁷ Цветкова И. К. Стоянка Черная Гора.— КСИА, 75, 1959, с. 114.
- ¹⁸ Цветкова И. К. Племена..., с. 127, 128; она же. Неолитические племена..., с. 143.
- ¹⁹ Раушенбах В. М. Племена льяловской культуры.— В кн.: Окский бассейн..., с. 67, 68.
- ²⁰ Казаринов Л. Н. Прошлое Чухломского края.— «Труды Чухломского отдела Костромского научного областного и Чухломского музея», IV. Солигалич, 1929; Гасилова И. В. Неолитические племена Костромского Поволжья.— МИА, № 172, 1973.

- 21 Цветкова И. К. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником.— КСИИМК, XVII, 1947, с. 73, 74, рис. 28; Герасимов М. М. Восстановление лица..., с. 390, 392.
 22 Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья.— КСИА, 100, 1965, с. 38.
 23 Цветкова И. К. Стоянка Володары.— КСИИМК, XX, 1948, с. 4—6, рис. 1; Герасимов М. М. Восстановление лица..., с. 371, 372, 378—381.
 24 Цветкова И. К. Неолитическое погребение на стоянке Ибердус I.— «Труды ГИМ», 40, 1966, с. 11—14; она же. Племена..., с. 128.
 25 Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А. Новые исследования..., с. 38.
 26 Портнягин И. Г., Урбан Ю. Н. Работы Калининского отряда.— АО 1971 г. М., 1972, с. 52, 53, рис. на с. 52.
 27 Урбан Ю. Н. Исследование неолитических памятников в Калининской области.— АО 1970 г. М., 1971, с. 39.

В. В. ГЛАЗУНОВ

ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ ДЕТАЛЬНОГО ПЛАНА ПОСТРОЙКИ МЕТОДОМ ЭЛЕКТРОРАЗВЕДКИ *

Для изучения культурного слоя античных поселений с помощью геофизических методов съемку необходимо проводить на больших площадях. Чем большая часть поселения охватывается геофизической съемкой, тем достовернее и полнее археологическое истолкование геофизических данных. Увеличение площади исследований обуславливает рост затрат, поэтому выгодно применять предельно экономичную и производительную методику съемки. Из геофизических методов, привившихся в археологии, этим требованиям более всего соответствует магниторазведка, но многие и типичные археологические задачи нельзя решить с ее помощью.

Для выяснения плана застройки античных поселений приходится прибегать к электропрофилированию (ЭП), так как намагниченность остатков стен близка к намагниченности вмещающих напластований. Возможности магниторазведки в этом случае, как показали исследования Р. Линингтона, неудовлетворительны¹. Симметричное электропрофилирование (СП), даже с наиболее мобильной и чаще всего используемой установкой Веннера, требует в три-четыре раза больше затрат, чем магниторазведка. Поэтому выявление детальной планировки отдельных зданий и тем более поселений с помощью ЭП проводится редко, и в литературе, посвященной этому вопросу, подобные примеры почти не упоминаются. Перспектива применения этого метода зависит от выбора более экономичной методики ЭП. Одна из таких методик была опробована геофизическим отрядом Тарханкутской экспедиции на поселении Панское 1². Результатом работ явился детальный план крупной эллиптической усадьбы, достоверность которого проверена раскопками.

Поселение Панское 1 следует отнести к кругу памятников, на которых наиболее полно могут быть раскрыты возможности геофизических методов³. Прежде всего, это — закрытый археологический комплекс. Цоколи сырцовых стен, сложенные из известняковых плит (далее — стены), не разрушены и заключены в лёссовидном суглинке. Дерновый покров не нарушен. Контуры некоторых построек контролируются валобразными возвышенностями до 0,5 м. Мощность культурного слоя достигает 1,5 м, верхняя кромка стен находится на глубине 0,2—0,3 м, толщина стен 0,5 м. Резкий контраст в электрических свойствах стен ($\rho=500 \div 700$ ом. м) и лёссовидного суглинка ($\rho=20 \div 60$ ом. м) в совокупности с перечисленными характеристиками создают благоприятные условия для ЭП. Предшествующие исследования Тарханкутской экспедиции по вы-

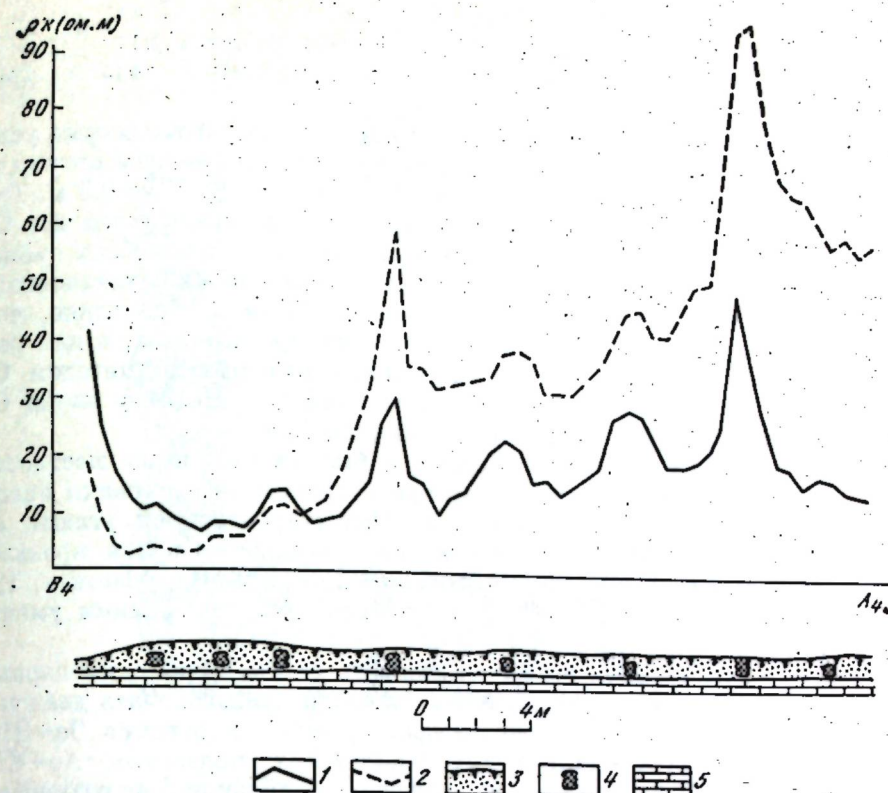

Рис. 1. Графики электропрофилирования и схематический разрез усадьбы
 1 — график ρ_x симметричного электропрофилирования; 2 — график ρ_x среднего градиента;
 3 — дневная поверхность и отложения культурного слоя; 4 — цоколи стен усадьбы; 5 — материк (известняк)

явлению стен подобной усадьбы у бухты Ветреной посредством СП подтверждают этот вывод⁴.

Метод СП утвердился в археологии не случайно. Его реализация на практике и интерпретация результатов просты. Вместе с тем применение СП позволяет решить многие археологические задачи. В арсенале ЭП наиболее близким по характеру получаемой информации является метод среднего градиента (СГ), который, как показала практика решения геологических задач, обеспечивает большую производительность, особенно при крупномасштабном площадном картировании⁵. Однако в рамках этого метода трудно регулировать глубинность изучения геоэлектрического разреза. Этот недостаток способен ограничить возможности метода в приложениях к археологическим задачам⁶. Но окончательный вывод о его применимости мог появиться в результате эксперимента.

Для изучения на поселении Панском 1 выбрана усадьба 6, одна сторона которой была раскрыта до начала геофизических работ⁷. Первый этап исследований сводился к сравнению возможностей СП и СГ. Постановка обоих методов осуществлялась в рамках методики, разработанной для решения геологических и археологических задач⁸. Наблюдения производились с помощью комплекта серийной электроразведочной аппаратуры АНЧ-1⁹.

Геоэлектрический разрез в пределах поселения, установленный по данным симметричных электрических зондирований, представлен следующей последовательностью горизонтов сверху вниз:

1) Дерновый покров и культурный слой поселения ($\rho_1=50$ ом. м; $h_1=0,6$ м);

- 2) Необходимый известняк ($\rho_2=400\div600$ ом. м; $h_2=1,7$ м);
- 3) Известняк, насыщенный водами ($\rho_3=40$ ом м; $h_3=2,3$ м);
- 4) Известняк, насыщенный сильно минеральными водами ($\rho_4=4$ ом м; $h_4=\infty$).

Низкоомный подстилающий горизонт создавал неблагоприятные условия для проведения СГ. Однако опытным путем были найдены оптимальные разности измерительной установки СГ — АВ = 60 м; MN = 0,5 м. Требуемую глубину и наилучшие результаты обеспечивала установка СП размерами АВ = 6 м; MN = 0,5 м. Сопоставление результатов обеих съемок показало подобие графиков, полученных с выбранными установками (рис. 1). При этом производительность метода СГ оказалась выше, чем СП. Для съемки методом СП потребовались четыре человека, а для реализации СГ — всего два. Скорость проведения наблюдений методом СГ вдвое превышала скорость съемки с установкой СП. Поэтому метод СГ был избран основным для выявления плана усадьбы 6.

Планшет съемки размерами 32×45 м был размещен на местности так, чтобы расстояние от его края до предполагаемого положения внешних стен усадьбы было не менее 4 м. Ориентировался он углами по странам света, в соответствии с положением усадьбы. Съемка производилась по прямоугольной сети наблюдений 2×0,5 м. На участках, где требовалась большая детальность, расстояние между профилями уменьшалось до 1 м.

В связи с тем, что ЭП позволяет выявить стены, перпендикулярные линии профиля, съемка на исследуемой площади производилась дважды: сначала по системе профилей одного простирания с индексами Э0÷Э16, потом по линии перпендикулярных профилей с индексами А0÷С11 (рис. 2). Наблюдения велись в пределах подпланшетов размерами 16×22 м и 14×32 м, так как при одной расстановке питающих электродов невозможно отснять всю площадь планшета. Для наблюдений по профилям Э0÷Э16 понадобилось три подпланшета, а по профилям А0÷С11 — четыре. В северо-восточном углу планшета съемка не проводилась, так как здесь находился отвал раскопок (рис. 2). Качество наблюдений оценивалось ежедневно по графикам ΔU . Для выполнения необходимого объема наблюдений (3200 пикетов) понадобилась неделя.

Полученная информация была вынесена в виде графиков на план сети наблюдений. Значения $\Delta U/J$ в ρ_k не пересчитывались, что позволило сократить время, требуемое для обработки данных СГ. Исключение пересчета не внесло возможного ущерба в связи с выбором оптимальных разностей и размеров подпланшетов, а также последующей обработкой данных съемки.

Анализ графиков $\Delta U/J$ показал, что они отражают влияние нескольких факторов: нормальное поле, рельеф поверхности материка, рельеф местности, структуру культурного слоя.

Для построения плана усадьбы из исходной информации следовало выделить аномалии, связанные с влиянием стен. Возможность подобного преобразования основывалась на том, что радиусы автокорреляции (r) аномалий первой группы втрое превосходили этот параметр аномалий, определяемых последним фактором (аномалии над стенами характеризуются $r=1,3$ м)¹⁰. Трансформация осуществлялась одним из двух способов в зависимости от степени влияния первой группы факторов. На участках с большими градиентами исключаемых аномалий использовался метод вариаций (радиус палатки 1,5 м)¹¹.

В случае малых градиентов аномалии, связанные с первой группой факторов, выделялись путем осреднения их значений по серии соседних профилей и далее вычитались из исходных графиков¹². На основании преобразованной таким образом информации были построены две карты равных значений $\Delta U/J$: первая — для продольных, вторая — для поперечных профилей. Путем совмещения обеих карт была получена сводная

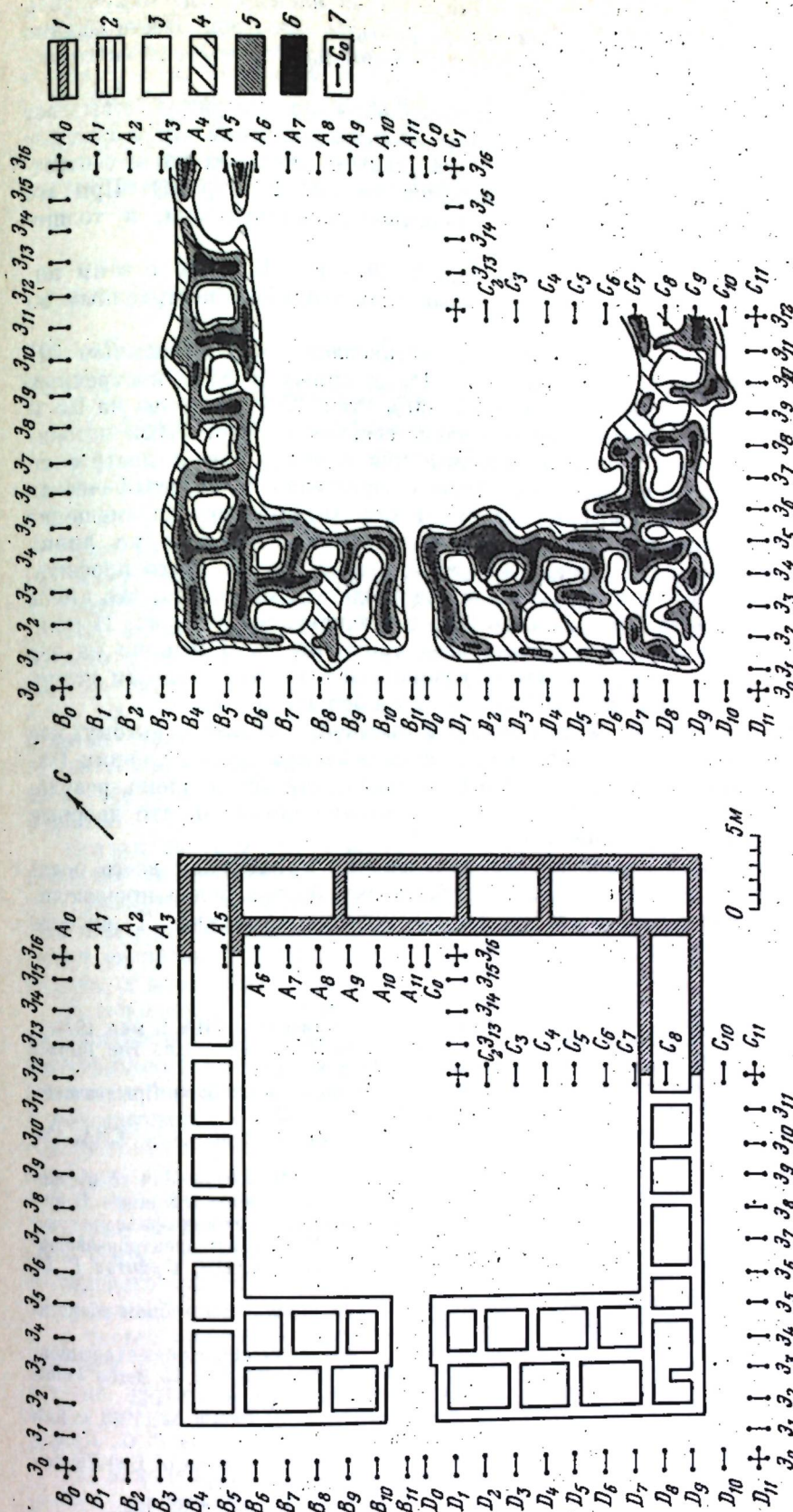

Рис. 2. Результаты электропрофилеирования методом средних границ

1 — стены усадьбы, открытые раскопками 1969—1970 гг.; 2 — стены усадьбы, установленные по данным электропрофилеирования; 3—6 — интервалы изменения значений остаточных аномалий $\Delta U/J$; 3 — 10—3 ом и ниже, 4 — 10—3 — 2·10—3 ом, 5 — 2·10—3 — 4·10—3 ом, 6 — 4·10—3 ом и выше; 7 — индекс профилей электропрофилеирования

карта изолиний остаточных аномалий $\Delta U/J$ на площадь, где намечались стены усадьбы (рис. 2). В итоге результаты электропрофилирования были представлены в виде, наиболее удобном для археологического толкования.

Выявление детального плана усадьбы 6 на основании рис. 2 не вызовет затруднений, если учесть, что области высоких значений $\Delta U/J$ соответствуют местоположению ее стен. План усадьбы, построенный в соответствии с полученной картой, приводится на рис. 2 (справа). При его построении считалось, что стены взаимноперпендикулярны, и толщина их постоянна (0,5 м).

Раскопки усадьбы были закончены в 1974 г.¹³ В связи с этим появилась возможность сравнить реальный план усадьбы с построенным по геофизическим данным.

В результате сопоставления было установлено, что по данным ЭП удалось выявить 91,5% помещений, 91% длинных и 89% поперечных стен. Полностью совместились в плане 60% стен, 25% смещены на 0,5 м и 5% — на 1,75 м. Несовпадения в плане связаны с некоторыми методическими просчетами, сопровождавшими как съемку, так и построение плана. В частности, недостаточно строго осуществлялась топографическая привязка пикетов наблюдения на местности. Циркулярное перемещение приемных электродов, закрепленных в деревянном каркасе по линии наблюдений, вызывало погрешность $\pm 0,5$ м на 15 м отснятого профиля. Не совсем правомерным оказалось также представление о том, что стены должны быть строго ортогональны. При детальном анализе (рис. 2) можно отметить неперпендикулярность осей аномалий $\Delta U/J$ именно на тех участках, где, как оказалось, стены сочленяются не под прямым углом. В данном случае результаты ЭП заслуживали большего доверия.

Некоторые стены не были выявлены съемкой, возможно, потому, что работа производилась в крайне неблагоприятных погодных условиях (заморозки, проливные дожди). В таких условиях, как установлено, результаты ЭП могут быть искажены¹⁴. Сопоставление показало, что дверные проемы не фиксируются аномалиями $\Delta U/J$.

К настоящему времени ЭП осуществлено на $1/2$ площади всего поселения. С учетом опыта работ 1970 г. была выработана более производительная и приспособленная к условиям памятника методика СГ, свободная от недостатков указанных выше.

* Доклад, прочитанный на заседании Методической комиссии ЛОИА 2 мая 1974 г.
¹ *Linington R. E. Techniques Used in Archaeological Field Surveys.*— In: *The Impact of the Natural Sciences of Archaeology.* London, 1970, p. 89—108.

² *Щеглов А. Н., Саверкина И. И., Глазунов В. В.* Исследования близ Ярылгачской бухты в Северо-Западном Крыму.— АО 1970 г. М., 1971, с. 251.

³ *Щеглов А. Н.* Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху.— КСИИ, 124, 1970, с. 19.

⁴ *Щеглов А. Н., Шилик К. К.* Опыт электроразведки методом симметричного профилирования на эллиптической сельской усадьбе в округе Калос Лимена.— В кн.: *Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР.* Баку, 1965, с. 122; *Шилик К. К.* Опыт электроразведки методом симметричного профилирования.— СА, 1967, № 3, с. 205; *Франтов Г. С., Пинкевич А. А.* Геофизика в археологии. Л., 1966, с. 68 сл.

⁵ *Семенов А. С.* и др. Метод среднего градиента при крупномасштабном геологическом картировании.— «Труды ВИРГ», 2, 1961, с. 13—35.

⁶ *Petre A., Apostol A.* Prospections geophysiques-magnetiques et electriques-experimentales appliquees clans le perimetre archeologique du castrum antique de Berce (Piatra Frecatei).— «Studii și cercetari de istorie veche», 21, 1970, N 1, p. 165—182.

⁷ *Щеглов А. Н.* Раскопки на территории хоры Херсонеса.— АО 1969 г. М., 1970, с. 257.

⁸ *Семенов А. С.* и др. Метод среднего градиента..., с. 15; *Франтов Г. С., Пинкевич А. А.* Геофизика в археологии, с. 69; *Al-Chalabi M.* Applications of Geo-Electrical Methods in Archaeology.— «Summer», 21, 1967, N 1-2, p. 135—199.

⁹ *Вишняков А. Э.* Типовая электроразведочная аппаратура. Л., 1967, с. 84, 122.

¹⁰ *Андреев Б. А., Клушин И. Г.* Геологическое истолкование гравитационных аномалий. Л., 1965, с. 120.

¹¹ *Андреев Б. А., Клушин И. Г.* Геологическое истолкование..., с. 132, 137.

¹² *Dunk A. I.* An Electrical Resistance Survey over a Romano-British Villa Site.— «Bonner Jahrbücher», 162, 1960, S. 266—271.

¹³ *Щеглов А. Н., Глазунов В. В., Кац В. И., Подольский Н. Л.* Исследования Тарханкутской экспедиции.— АО 1973 г. М., 1974, с. 366.

¹⁴ *Al-Chalabi N. M., Rees A. I.* An Experiment on the Effect of Rain-fall on Electrical Resistivity Anomalies in the Near Surface.— «Bonner Jahrbücher», 162, S. 266—271; *Hesse A.* The Importance of Climatologic Observations in Archaeological Prospecting.— «Prospezioni Archeologiche», 1, 1966, p. 11.

И. Р. ПИЧКИАН

К МЕТОДИКЕ РЕКОНСТРУКЦИЙ АНТИЧНЫХ ОРДЕРНЫХ ФАСАДОВ ПО АРХИТЕКТУРНЫМ ФРАГМЕНТАМ

Эллиническое архитектурное творчество еще в период ранней архаики при сооружении общественно-культовых построек выработало ордер — художественную систему наиболее соразмерных пропорций стоечно-балочных конструкций. Эти пропорции, изменяясь на протяжении тысячелетнего развития античной архитектуры, сохраняли приверженность к канону, характерную для всех видов античного монументального искусства. Благодаря системе архитектурного построения, заключавшейся в строгом соблюдении отношений вертикальных частей и соразмерных им горизонтальных перекрытий, возможно по отдельным деталям представить ордер, а в некоторых случаях воспроизвести ордерную постройку в целом¹.

Исходя из твердой убежденности в существовании внутренних закономерностей построения ордерных фасадов, но не пытаясь концентрировать внимание на идеальных нормативах чисто геометрического построения или кратко-метрологического анализа, мы предлагаем комплексный метод расчетов в порядке изложения опыта реконструкций конкретных античных памятников Северного Причерноморья.

Установление геометрических пропорций являлось первым принципом реконструкций (для изображения любого объекта необходимо соблюдать пропорциональные отношения длины к высоте). Изучение пропорций античных памятников средиземноморского бассейна привело к выводам о константности отношений в определенные хронологические периоды и о возможности геометрических решений в построении основных, наиболее жестких рамок реконструируемых фасадов. Общий принцип подобного построения был абсолютизирован Э. Месселем² и успешно применен для проверки построения дорических фасадов Б. П. Михайловым³. В настоящей статье сделана попытка выявления геометрических основ фасада ионийского ордера и дорических храмов в антах.

Вторым методическим принципом реконструкций был анализ отдельных частей ордера, основанный на изучении сохранившихся близких по времени памятников архитектуры. Он заключался в сопоставлении структурных частей ордера: высоты антаблемента к целому ордеру, антаблемента к высоте и диаметру колонн, антаблемента к интерколумнию и т. д.

И, наконец, последним проверочным принципом реконструкций был расчет ордерной композиции по модульным отношениям Витрувия.

Метрический расчет, произведенный в современной системе мер, переносился в древние метрологические системы⁴.

Учет существовавшей максимальной нагрузки на архитрав производился по принятым формулам сопротивления материалов на изгиб архитектором В. П. Ломакиным. Приспособленная нами тригонометрическая формула позволяла по длине фронтона для каждого типа памятников определять его высоту.

Абсолютная величина фрагментов предопределяла композиционное решение, так как самый большой храм в антах по таблице абсолютных размеров В. Б. Динсмура никогда не приближался по величине к самому малому из периптеров.

При реконструкции ордерных фасадов монументальных сооружений Северного Причерноморья основная трудность состояла в расчете высоты колонн, так как антаблемента, дошедшие в хорошей сохранности, определяя пролеты интерколумниев, являлись отправной точкой реконструкций. Высота колонн вычислялась несколькими способами:

1) соотносительным пропорциональным анализом с сохранившимися во всю высоту колоннами архитектурных памятников Средиземноморья;

2) сопоставлением отношений высот антаблемента с высотой колонн синхронных по времени и близких по размерам сооружений;

3) путем установления геометрической композиции фасада и последующим вычетом величины сохранившегося антаблемента из высоты всего ордера;

4) путем проверки по модульным отношениям Витрувия, достаточно надежным для определения высоты колонн по их диаметрам ионического и коринфского ордера;

5) проверкой расчетов, выраженных в таблицах, и установлением минимальной, максимальной и средней арифметической величины высоты колонн.

Помимо перечисленных принципов, реконструкции производились с учетом общих оценок строительных остатков, открытых археологическими раскопками в Северном Причерноморье, а также памятников изобразительного искусства, отражающих монументальную архитектуру изучаемых античных городов.

Довольно часто при первичной обработке материала удавалось представить фрагменты по шву скола в контакте или составить одинаковые детали на чертеже, когда соединение разрозненных деталей одного и того же памятника было невозможным. Этого было достаточно для того, чтобы выяснить ширину сооружения или пролета в интерколумниях — отправных точек в вычислении общих размеров памятников. В этом смысле очень продуктивной оказалась локализация места находки фрагментов по архивным данным, позволявшая подобрать идентичные по материалу, размерам, характеру декорирующего орнамента недостающие детали ордерной структуры.

Каждый определенный случай реконструкции памятника требовал индивидуального подхода при соблюдении этих основных методов реконструкций. В зависимости от количества дошедших до нас фрагментов, предполагаемой композиции, состояния синхронных по времени и пропорциям средиземноморских сооружений и многих других специфических особенностей один из перечисленных принципов становился определяющим.

Для истории античной архитектуры архаического и классического времени интерес представляют реконструкции ионического периптера и дорического храма в антах в Пантикапее, сделанные на основании ордерных деталей, найденных археологической экспедицией В. Д. Блаватского на акрополе города.

В первой реконструкции периптериального храма Аполлона сохранившиеся базы (три спира, два торуса), капитель, архитрав, подкарнизные блоки с иониками и консоль дверного проема, родственные по размерам аналогичным деталям периптериальных храмов в Милете, Локрах Эпизе-

фирийских и портиков Эрехтейона, позволили реконструировать шестиколонный фасад храма по схеме, предложенной В. Д. Блаватским⁶. Высота колонн 6—6,2 м была вычислена на основании сопоставления с пропорциями отношения диаметров к высоте колонн портиков Эрехтейона, репутем проверки по модульным отношениям Витрувия⁷. Выбор систилий для интерколумниев был обусловлен размерами оснований пантикапейских колонн, аналогиями с сохранившимися фундаментами в Милете⁸ и Локрах Эпизефирийских⁹. Длина реконструированного фасада храма Аполлона 14 м. Высота ордера 7 м. Полученное геометрическое построение, кратное 2:1, по-видимому, не случайно. Это обстоятельство навело на мысль о необходимости тщательной проверки геометрических пропорций составных частей композиции всех реконструируемых фасадов (рис. 1).

Хотя в первой реконструкции поиск геометрических закономерностей в построении фасада и координаций отдельных членений был начат после графического воспроизведения усредненных расчетов, анализ внутренних основ построения позволил связать все основные конструктивные точки предложенной реконструкции путем проведения через них большого круга. Линия круга пересекла вершину фронтона, нижние осевые центральных колонн и верхние осевые соседних (четвертой и второй) колонн. Малые круги, вписанные между внешними линиями двух любых соседних колонн, выявили малые, близкие к прямоугольникам, трапеции с кратностью суммы противоположных сторон 2:1. Выяснилось, что полная высота постройки на линии осей крайних колонн близка трем интерколумниям. Подобные закономерности геометричности построения неоднократно отмечались зарубежными археологами при публикации средиземноморских памятников, дошедших в хорошей сохранности до наших дней.

Перевод метрических данных реконструируемого храма подтвердил вероятность применения милетско-самосского большого фута (0,35 м), бывшего в употреблении во всех ионийских памятниках малоазийской архитектурной школы¹⁰. Ионийские переселенцы в городах Северного Причерноморья, применяя современные им малоазийские архитектурные стандарты в конструкциях и декоре монументального строительства, пользовались принятой в то время на их родине малоазийской метрологией. Ордерный фасад реконструированного храма Аполлона в Пантикапее, выраженный метрологически, является точным соотношением 40 к 20 самосским футам. Храм Аполлона Дельфиния в Ольвии так же, как и его прототип на Калабек-Тепе — акрополе Милета, с шириной сохранившихся фасадов 7 м в точности соответствует 20 самосским футам¹¹.

Геометрическое построение сыграло решающую роль в другой реконструкции архаического антового храма дорического ордера в Пантикапее. Сохранился только фрагмент архитрава. Высота архитрава 0,295 м (ровно 1 ионический фут), аналогии в Аттике (храм на Рампунте) и сокровищница, построенная афинянами в Дельфах, свидетельствуют о появлении на рубеже VI—V вв. до н. э. в Северном Причерноморье архитекторов аттической школы. В результате анализа пропорций аттических храмов в антах дорического ордера было выяснено, что геометрической основой построения композиции является круг, т. е. высота от стилобата до конька фронтона равна максимальной ширине храма по внешним сторонам ант (рис. 2). Судя по размерам пантикапейского архитрава, ровно вдвое меньшего по высоте, чем архитрав сокровищницы афинян в Дельфах, диаметр круга не превышал 3,5 м. Следует отметить, что предложенные нами результаты геометрического построения дорического антового фасада, дополненные пропорциональным анализом, расширяют возможности реконструкций подобного типа сооружений архаического периода. Исследованные Ю. Фоминым планы сокровищниц типа храма

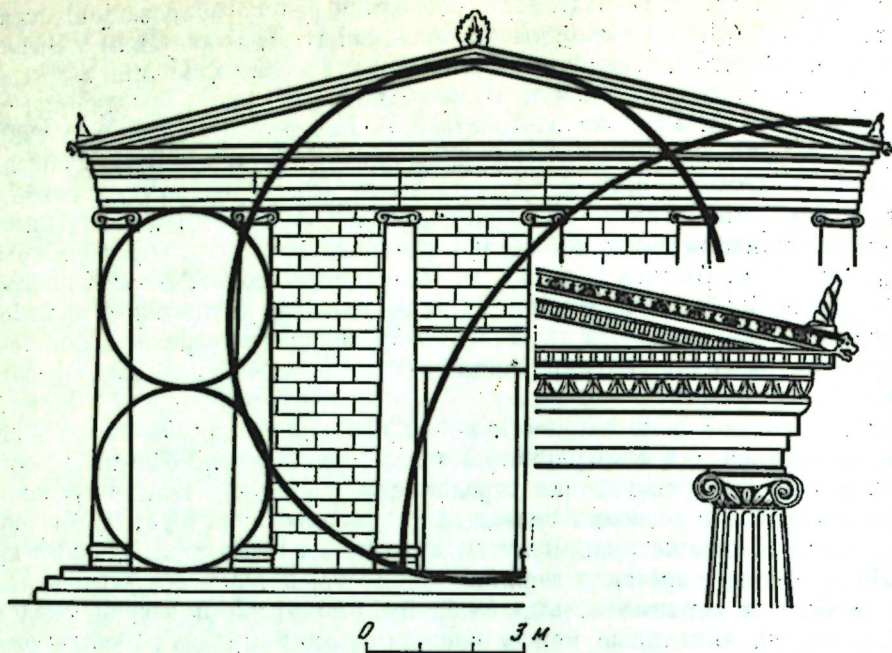

Рис. 1. Фасад храма Аполлона V в. до н. э. Пантикапей. Реконструкция автора

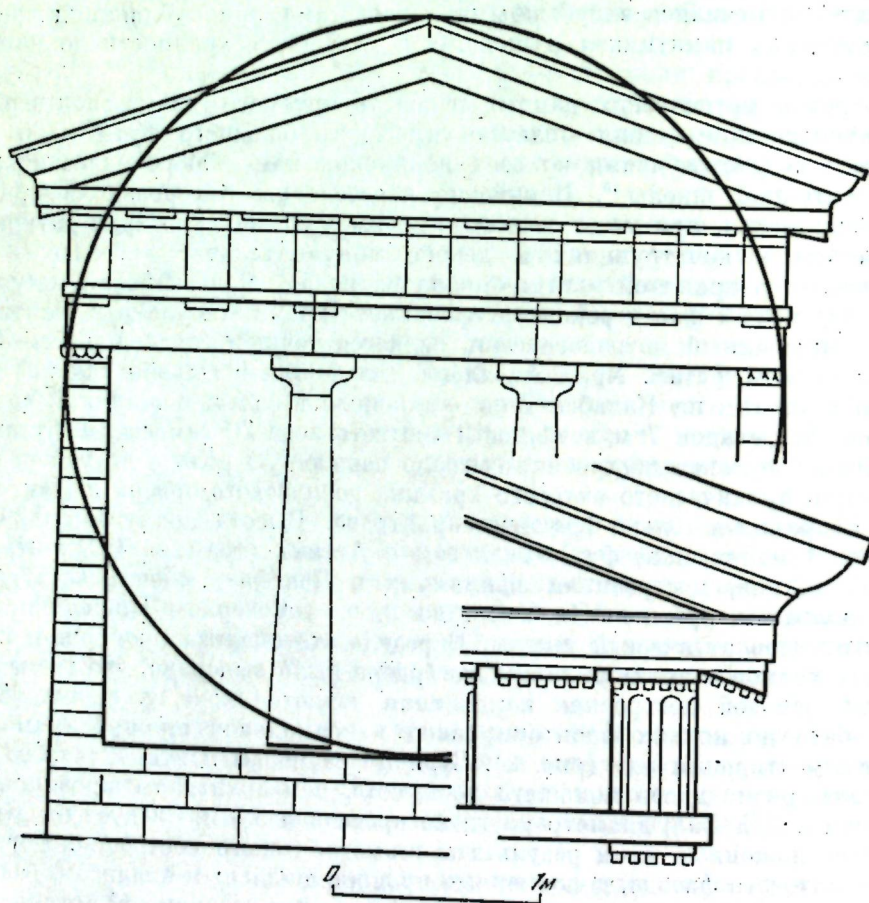

Рис. 2. Фасад дорического храма в антах архаического периода. Пантикапей. Реконструкция автора

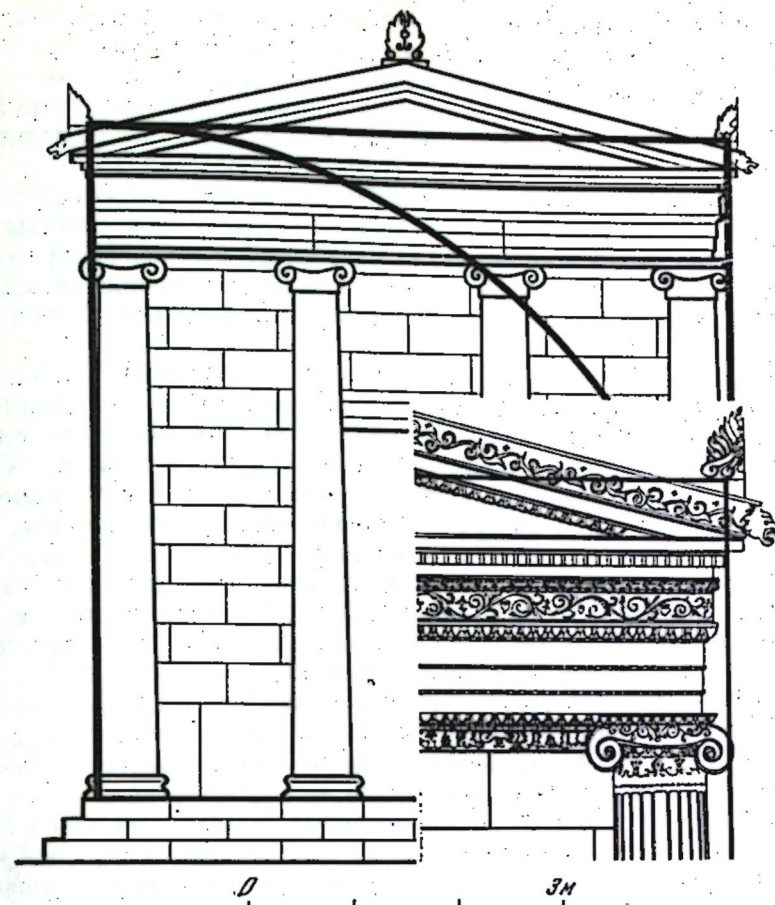

Рис. 3. Фасад ионического простиля. Херсонес. Реконструкция автора

в антах убедительно свидетельствуют, что в планировке этого типа зданий заложена геометрическая основа построения¹².

Не менее результативным оказался метод пропорционального анализа в применении к средиземноморским простильным фасадам V—III вв. до н. э. для реконструкции нарядного простильного фасада в Херсонесе. Ионийский храм в Херсонесе был реконструирован на основании найденных В. В. Борисовой в обкладке башни XVI древнего города 25 ордерных деталей, составляющих полный ордер — от баз вплоть до каменной симы (рис. 3)¹³.

Размеры простильных фасадов храма Ники Аптерос в Афинах, храма Афины на Илассосе, напскаса в Дидимейоне и храма Зевса Сосиполия в Магнезии на Меандре свидетельствуют, что геометрической основой построения их четырехколонных фасадов мог служить прямоугольник с равными сторонами, т. е. квадрат. Расчет высоты колонн за вычетом сохранившихся членений антаблемента по их диаметру и по соотносительному пропорциональному анализу с сохранившимися памятниками Средиземноморья дает одинаковую высоту 4,8 м, т. е. 9,2 модуля, что наиболее приемлемо. Эта величина является промежуточной: в колоннах простильных фасадов классического времени она соответствует 8 и 8,3, а в эллинистическом храме Зевса Сосиполия — 9,3 модуля. Из этого сопоставления явствует, что чем позже строился памятник, тем более вытянутые пропорции приобретали колонны. Соответственно этому и уменьшается

высота антаблемента, а общие пропорции фасадов, т. е. точное соответствие высоты ордера максимальной ширине, оставались неколебимыми с середины V до конца III в. до н. э. Одновременно с этим анализ пропорций фасадов ионийских простильных храмов классического и эллинистического времени при сопоставлении с рекомендациями Витрувия показывает, что последние очень близки к реально существовавшим памятникам.

Реконструкции памятников первых веков нашей эры в методическом отношении представляют меньший интерес — размеры полностью сохранившихся антаблементов определяют интерколумнии. Основная трудность в реконструкциях, ограниченных вычислением высоты колонн комплексным методом, заключалась в определении композиционного типа памятника.

Простильный фасад храма в Пантикапее реконструирован на основе известняковых фрагментов (архитрав с фризом, выбитые в одном блоке, карниз и капитель ионийского ордера), найденных вместе на северном склоне горы Митридат и зарисованных А. Гроссом в 1882 г.¹⁴ Они составили почти полный ордер. Интерколумний 2,8 м, как в храме Сераписа в Милете¹⁵, с идентичными пропорциями антаблемента, приводит к заключению, что пантикапейский памятник имел также четыре колонны по фасаду, т. е. являлся простилом в римском варианте (рис. 4). При ширине по архитравам 8,1 м (27 римских футов) и высоте колонн 4,9 м общая высота памятника была равна 7,8 м, а вместе с подием — около 9 м (около 30 римских футов).

Анализ конструкций показывает полное соответствие общей композиции и стилистическим особенностям декоративного орнамента, а также характеру рельефных изображений, сохранивших черты, свидетельствующие о силе эллинистических традиций.

В реконструкции другого боспорского памятника — храма из Горгиппии — значительную роль в определении высоты колонн играли хронологически наиболее близкие расчеты Витрувия. От этого храма дошли пять мраморных деталей (хранятся в разных музеях): два блока антаблемента, две плиты плафона потолка с Горгонами Медузами в кассетах¹⁶ и коринфская капитель. Необычное украшение кассет горгойейоном вместо традиционной розетты проясняет композицию сооружения. Поскольку лица Медуз должны быть обращены к фасаду храма, одна из них служила перекрытием пронаоса, другая — птерона. Следовательно, храм был периптеральным. Сохранившиеся целиком два блока с выбитыми на них архитравом и фризом не только определяют размеры интерколумния — 2,7 м, но и подтверждают вывод о периптеральной композиции храма, так как оба блока центральные, а при антовом или простильном решении мог быть только один центральный блок архитрава. Длина шестиколонного портика фасада с пятью интерколумниями ($5 \times 2,7$ м) равна по архитравам 13,5 м (45 римских футов). Нижний диаметр колонн равен высоте коринфской капители — 0,65 м (Vitruv., IV, I, 1—2). Высота колонн может быть определена в 10—10,5 нижнего диаметра, т. е. от 6,50 до 7 м. Сохранившийся фриз с архитравом, выбитый в одном блоке длиной 0,60 м (2 римских фута), требовал и высоту карниза в 0,30 м. Высота фронтового поля равна девятой части своего основания для памятников этого времени, а вместе с карнизами — около 2 м (Vitruv., III, V, 12). Высота постройки от стилобата до конька фронтона 9 м (30 римских футов) при ширине 13,5 м (45 римских футов). Общие пропорции римского периптера из Горгиппии выражаются в кратном отношении длины фасада к высоте, равном 3 : 2 (рис. 5).

Наибольший интерес представляет реконструкция ионийского простиля в римском варианте, осуществленная нами на основании семи мраморных деталей (ионийской капители, пяти обломанных колонн и блока антаблемента), найденных при раскопках Уваровской базилики в древнем

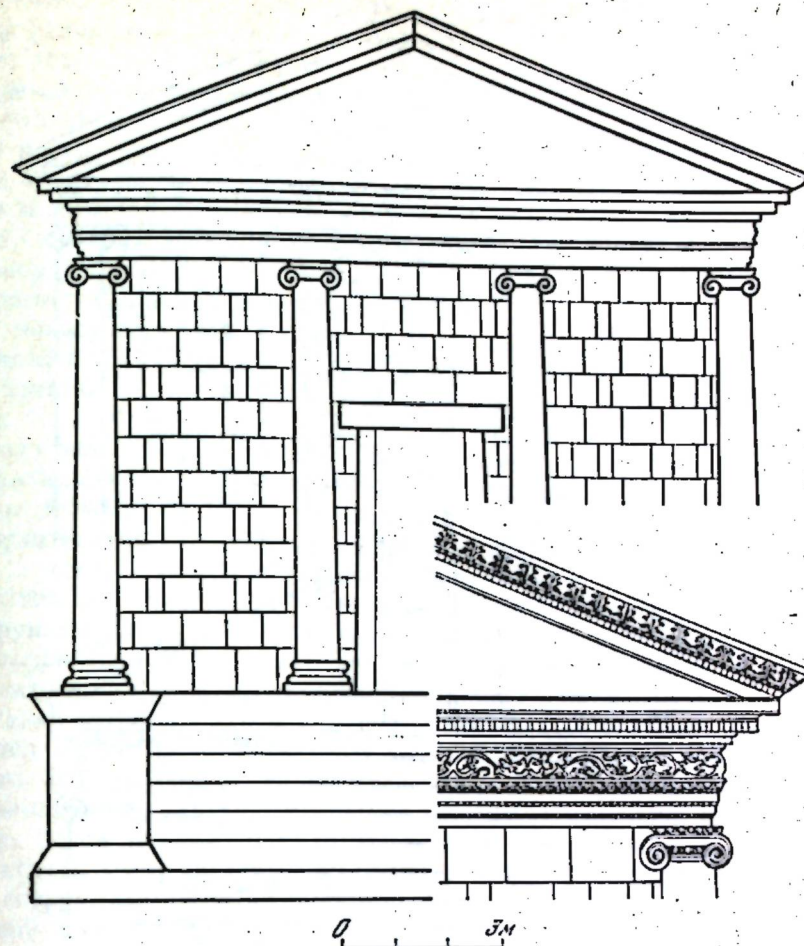

Рис. 4. Фасад четырехколонного портика с масками. Пантикапей. Реконструкция автора

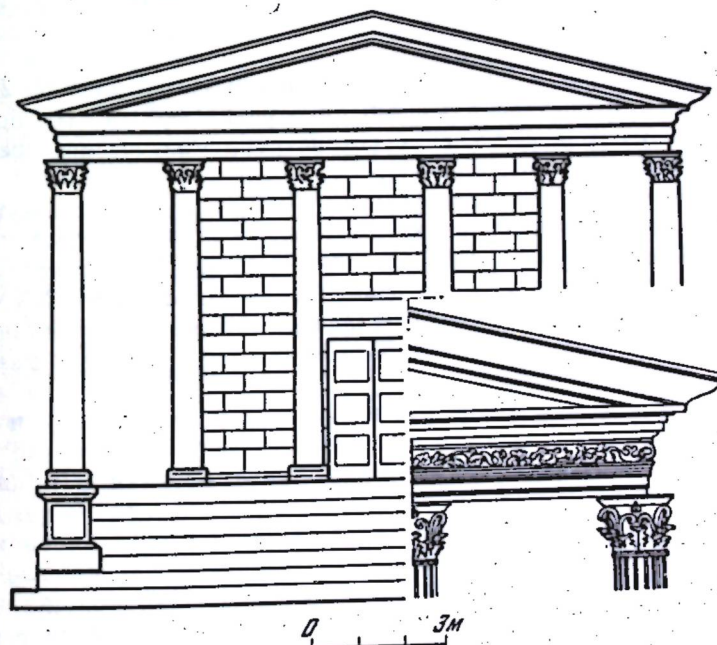

Рис. 5. Фасад коринфского периптера. Горгиппия. Реконструкция автора

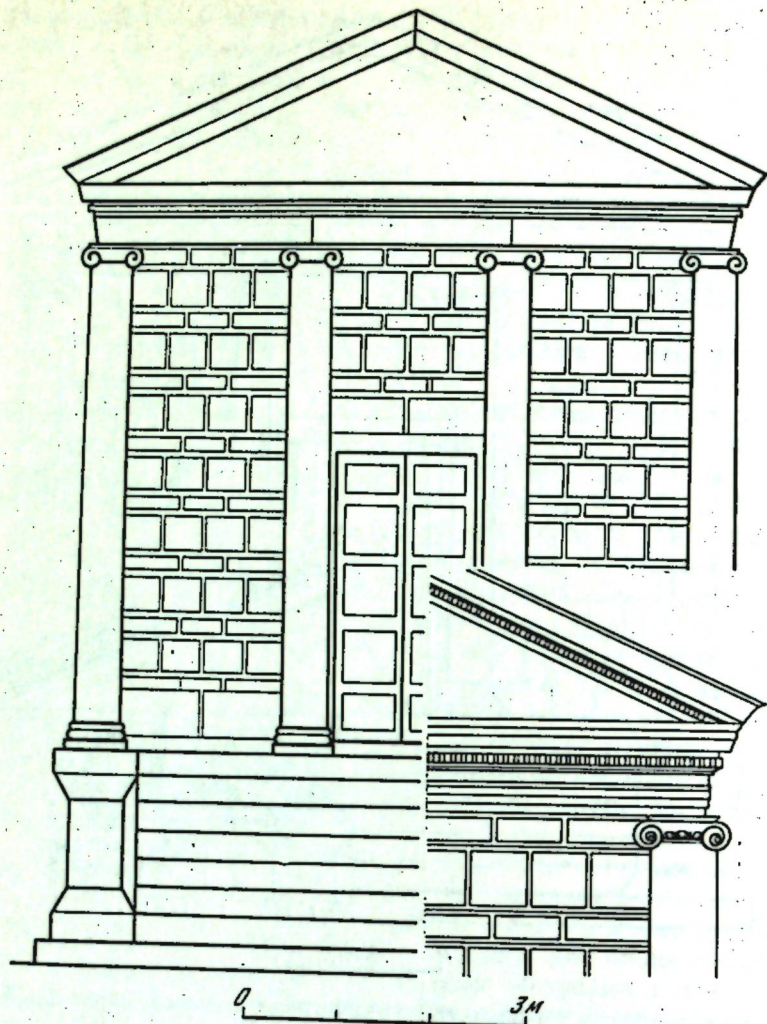

Рис. 6. Фасад храма Афродиты. Херсонес. Реконструкция автора

Херсонесе. Архитрав и фриз выбиты в одном блоке длиной 2,1 м. При четырехколонном портике длина по архитравам 6,60 м. На основе простых арифметических вычислений реконструируется высота постройки от стилобата до конька фронтона — 7 м.

Отношение высоты к длине фасада — 7 : 6,60 м — превышает единицу. Еще более вытянутые пропорции придавал сооружению высокий подий, свойственный памятникам того времени, об употреблении которого в Северном Причерноморье говорит Дион Хрисостом в своей XXXVI борисфенитской речи. Вместе с высоким подием общая высота реконструируемого фасада храма Афродиты в Херсонесе представляется нам близкой 9,3 м (3,1 римского фута).

Из надписи на архитраве этого храма (IOSPE, I², 440) и колоннах (IOSPE, I², 441—446) следует, что общая сумма, затраченная на сооружение храма, была не менее 5 тыс. денариев. Эта сумма принята нами за минимальную стоимость постройки, возведенной в мраморе. Простильные римско-ионийские храмы в антах, возведенные в местном, а не в привозном материале, стоили, может быть, несколько дешевле (рис. 6).

Изученный материал и графическое исполнение возможных вариантов приводят к заключению, что расчеты, положенные в основу реконструкций, целесообразно проверять всеми доступными методами с тем, чтобы

графическое воспроизведение было результатом не только визуального, но и научно-комплексного метода анализа.

Мы отдаем себе отчет в том, что реконструкции по сути своей не могут претендовать на абсолютность воссоздаваемых соотношений. В определенном смысле реконструкции являются умозрительно-гипотетическим нашим знаниям.

Не вызывает сомнения, что в основе античных монументальных сооружений, так же как и в вазовых рисунках, лежат и геометрические, и пропорциональные вычисления, до сих пор до конца так и не понятые. Однако это лишь предварительная разметка для последующих отступлений в пользу гармонии и красоты. Иначе произведения античного зодчества казались бы сухими, вялыми и симметрично скучными, а не вдохновляющими и артистичными, какими они представляются и в настоящее время.

Наша задача — приблизиться к пониманию внутренних закономерностей античной творческой практики. Потому реконструкции и необходимы, что каждая из них не только приближает нас к пониманию античной архитектуры, но и стимулирует к новым способам объяснения, являясь в свою очередь обобщением фактического материала. Критерии реконструкции не должны вступать в противоречие ни с имеющимися материальными данными, ни с аналогичными по времени и пропорциям архитектурными памятниками средиземноморского бассейна.

Анализируемый материал показал, что монументальная архитектура является одним из существенных видов информации о степени материального благосостояния и, следовательно, об экономических возможностях исследуемых античных полисов, так как в античный период значительная часть прибавочного продукта обращалась «на непроемительные затраты — на произведения искусства, на религиозные и общественные сооружения»¹⁷. Реконструируемые памятники, доминируя над основной массой скромных частных жилищ, определяли лицо городов Причерноморья античного времени.

¹ В отечественной и зарубежной археологии существует практика реконструкций ордерных памятников различной сохранности. В этой статье речь идет о методе предварительных реконструкций по сохранившимся деталям ордера, примененном В. Д. Блаватским для графического воспроизведения фасадов храма Аполлона и пятиколонного портика Аспурга в Пантикапее. Существует другой способ реконструкций — на основании фундаментов и сохранившихся ордерных деталей (Б. В. Фармаковский, А. Н. Карасев, С. Д. Крыжичкий, Н. И. Соколовский). Еще один способ — анастилозис — практическая реставрация руинированных памятников, вплоть до полного восстановления ордера (А. А. Санин, И. Д. Марченко, А. А. Воронцов).

² Мессель Э. Пропорции в античности и в средние века. М., 1936, с. 11—67.

³ Михайлов Б. П. Греческая дорика и закон Поликлета. — В кн.: Витрувий и Эллада. М., 1967, с. 236—266, рис. 110—132.

⁴ Dinsmoor W. B. The Basis of Greek Temple Design: Asia Minor, Greece, Italy. — «Atti del settimo Congresso internazionale di archeologia classica», v. I. Roma, 1961, p. 355—368. По данным обмеров В. Б. Динсмора — автора монументальной монографии «Архитектура древней Греции», — в метрологии архитектурных памятников Малой Азии (12 памятников), континентальной Греции (49), Южной Италии (11) и Сицилии (18) существует кратность в размерах, приводящая к выводу об употреблении ионийского фута — 0,2939 м (Малая Азия, Южная Италия) и дорического фута — 0,3265 м (Греция, Сицилия). Одновременно с ними в Малой Азии применялся с архаического периода вплоть до Птолемея самосский фут — 0,35 м, о котором говорит Геродот.

⁵ Vitruv., IV, 1, 5—8 и М., 1—5; Plin., NH, XXXVI, 56; Мишулин А. В. Источники трактата Витрувия «Об архитектуре». — ВДИ, 1946, № 4, с. 78, 85; Михайлов Б. П. Витрувий и Эллада, с. 180—184, 191, 192, 227. Р. Карпентер проиллюстрировал надежность пропорций Витрувия, сопоставив их с сохранившимися памятниками ионийского ордера эпохи эллинизма (Carpenter R. Vitruvius and the Ionic Order. — AJA, XXX, 1926, p. 259, fig. 1).

- ⁶ Блаватский В. Д. Строительное дело Пантиканея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. — МИА, № 56, 1957, с. 29 сл.
- ⁷ Пичикян И. Р. Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э. — ВДИ, 1975, № 1, с. 120, сл., рис. 3.
- ⁸ Gerkan A., von. Kalabaktepe, Athenatempel und Umgebung. — «Milet», I, 8. Berlin, 1925, S. 67, ff., Taf. X, Beil. IV.
- ⁹ Petersen E. Tempel in Locri. — RM, V, 1890, S. 176—199, Abb. 4, 6, 7.
- ¹⁰ Gerkan A., von. Kalabaktepe...; Petersen E. Tempel in Locri; Krischen T. Der Aufbau des Nereidenmonumentes in Xanthos. — AM, XLVIII, 1923, S. 69—92, Taf. VIII.
- ¹¹ Gerkan A., von. Kalabaktepe..., S. 19—21, Abb. 11, 12; Карасев А. И. Монументальные памятники ольвийского темениса. — В кн.: Ольвия. М. — Л., 1964, с. 51—69; Пичикян И. Р. Ордерная архитектура..., с. 133, рис. 7.
- ¹² Fomine Y. Architecture archaïque et géométrique. — BCH, XC, 1966, 1, p. 32 ff., fig. 1—20.
- ¹³ Пичикян И. Р. Храм ионийского ордера в Херсонесе (попытка реконструкции). — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977. В статье дана таблица абсолютных размеров сохранившихся простильных фасадов (с. 169—176, табл. 1).
- ¹⁴ Гросс А. Планы и чертежи, относящиеся к археологическим раскопкам 1882 и 1883 г. Архив ЛОИА, д. 569, Р-1, л. 11. об.; Пичикян И. Р. Боспорские антаблемнты. — СА, 1975, № 1, с. 176—180, рис. 1—5.
- ¹⁵ Wiegand Th. Siebenter vorläufiger Bericht über die von der königlichen Museen in Milet unternommenen Ausgrabungen. Berlin, 1911, S. 20 ff.
- ¹⁶ Веселовский Н. И. Кубанская область. Окрестности города Анапы. — ОАК за 1903 г., с. 76—78, рис. 162; Сорокина Н. П. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. — ВИА, т. 2. М., 1973, с. 377, рис. 22; Кругликова И. Т. Синдская гавань, Горгиппия, Анапа. М., 1975, с. 37, рис. на с. 36; Пичикян И. Р. Боспорские антаблемнты, с. 183—186, рис. 9, 10.
- ¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 587.

В. В. ГЛАЗУНОВ, К. М. ПЛОТКИН

АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДИЩА КАМНО

Городище Камно расположено неподалеку от Пскова, на высоком мысе при слиянии двух истоков р. Каменка. Узкая вытянутая площадка городища была защищена с напольной стороны валом и рвом (рис. 1). В 1948—1952 гг. были проведены частичные раскопки городища под руководством С. А. Таракановой¹. Основная часть культурного слоя, содержащая остатки застройки и вещевого материал, датируется VIII—IX вв. В верхних напластованиях встречаются древнерусская керамика и отдельные предметы XII—XIV вв.² О характере застройки приходится судить по остаткам очагов и глинобитных печей, которые являются основными сохранившимися элементами построек.

Для реконструкции поселения требовалось уточнить стратиграфию культурного слоя и установить количество, назначение и размещение построек в пределах городища. Результаты магнитной съемки в сочетании с раскопками части городища позволили решить эту задачу.

Магниторазведка. Изучение культурного слоя городища с помощью магниторазведки оказалось возможным потому, что сохранившиеся элементы построек, в отличие от вмещающего их слоя гумуса и подстилающих коренных пород, содержат материал, испытавший сильный и многократный нагрев, т. е. характеризуются индивидуальным и устойчивым комплексом магнитных свойств. Благоприятствовали также небольшая глубина залегания и характерная форма археологических объектов.

Магнитная съемка. Съемка проводилась по сети 1×1 м с помощью оптико-механического Z-магнитометра М-27³, чувствительный элемент которого в ходе съемки фиксировался на высоте 0,65±0,05 м. Средняя квадратичная погрешность съемки составила ±2,5 гаммы (оценка основа-

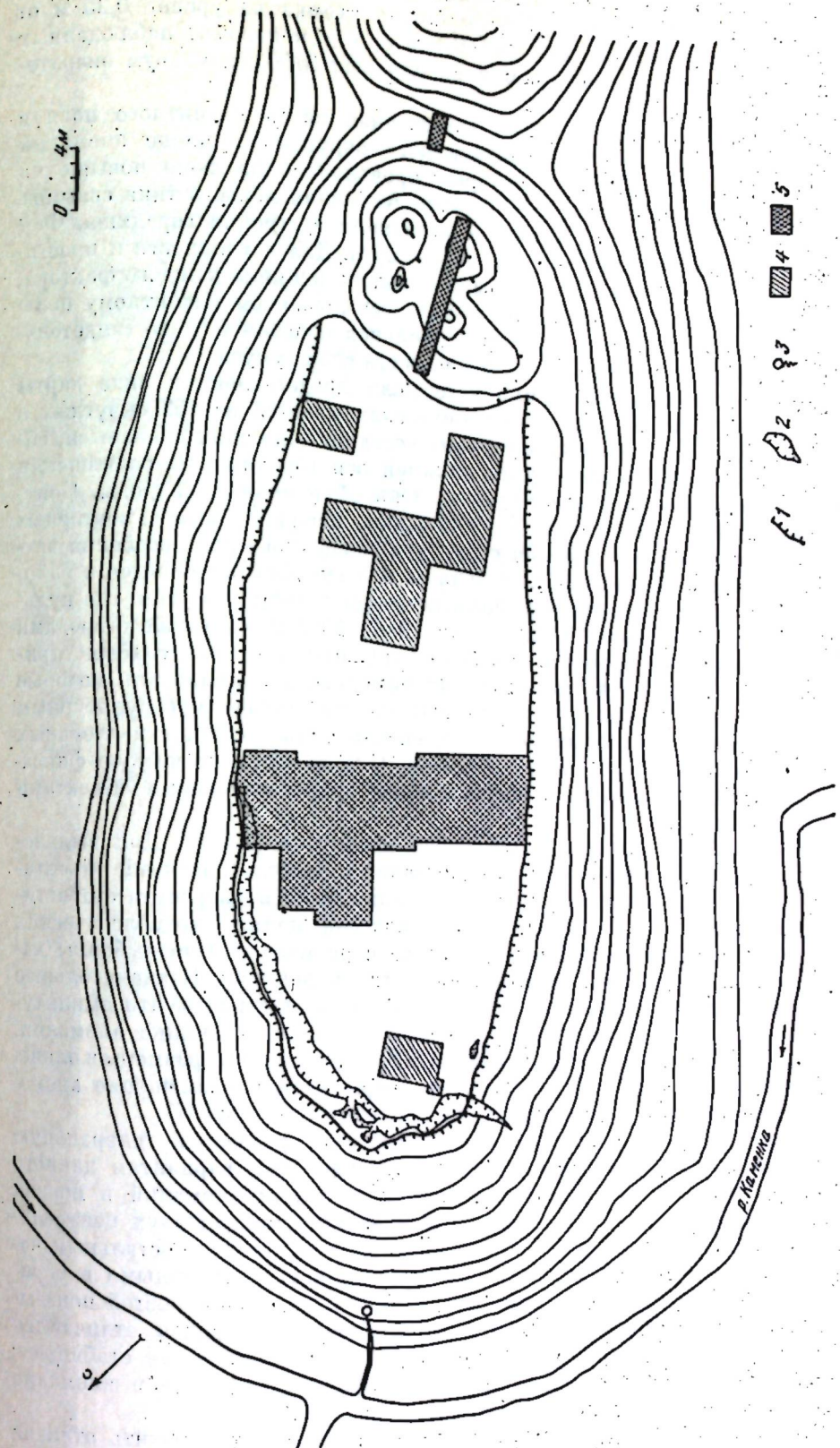

Рис. 1. План городища Камно

1 — граница и яма; 2 — траншея и яма; 3 — траншея; 4 — траншея; 5 — траншея

на на 10% контроле). На нескольких участках, выбор которых комментируется ниже, осуществлялась детальная съемка на уровне 0,25 м от дневной поверхности по сети $0,5 \times 0,5$ м с 20% контролем наблюдаемых значений. Для проведения съемки на площади 3100 кв. м двум операторам потребовалось три недели.

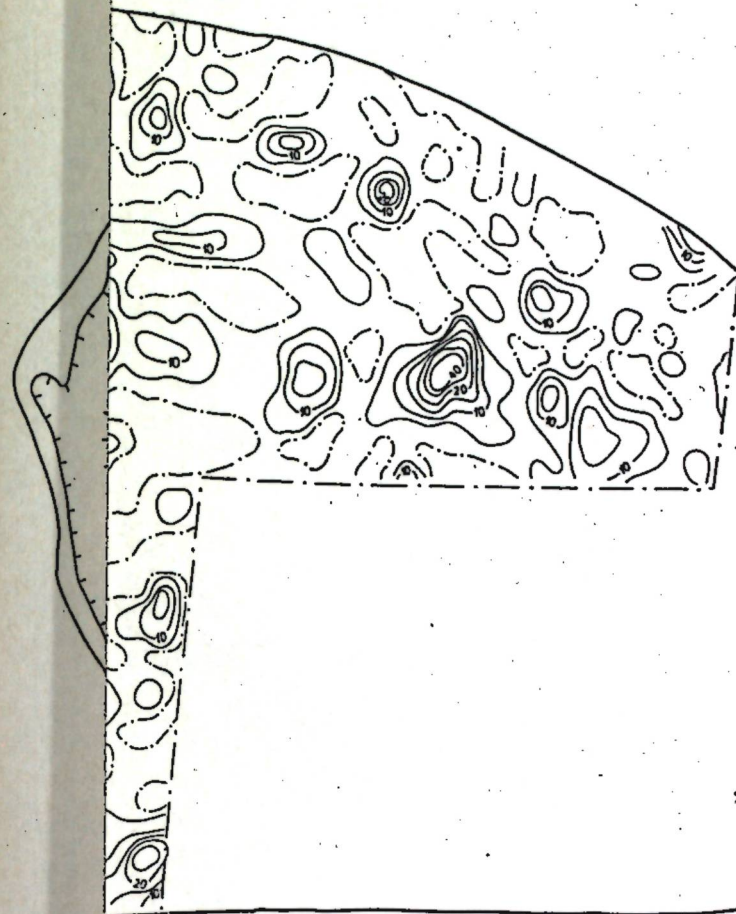
Аномальное магнитное поле. Полученная карта магнитного поля в изолиниях ΔZ состояла из совокупности округлых в плане аномалий интенсивностью 7–40 гамм, которые проявлялись на фоне повышения поля к краям городища до 20–30 гамм. Аномалии первого типа связаны, как показал дальнейший анализ, с остатками застройки городища. Фон отражал влияние вмещающего их слоя гумуса. Для наглядности и простоты анализа из суммарного поля было выделено влияние каждого фактора. Изменение фоновой составляющей оказалось подобным магнитному полю над однородно намагниченной горизонтальной пластиной⁴, что свидетельствовало о неизменности состава и мощности слоя гумуса.

Вторая составляющая суммарного поля представлена в виде карты изолиний Z_a (рис. 2). Магнитное поле складывается из 152 округлых в плане аномалий. В некоторых случаях соседние аномалии сливаются, образуя цепочки, вытянутые вдоль длинной оси городища. В размещении аномалий намечается закономерность. Они объединяются в ряды. Центральные ряды параллельны оси площадки, периферийные — повторяют изгибы ее краев. Закономерная структура магнитного поля особенно четко проступает в средней части городища и несколько нарушается в районе стрелки мыса и на участке, примыкающем к валу, т. е. там, где культурный слой был нарушен раскопами 1948–1952 гг., а также огородами и окопом военного времени. Раскопы отражаются в виде слабых отрицательных полей с отдельными незакономерными аномалиями, которые появились в результате засыпки раскопов перемешанным культурным слоем. Искажения в магнитное поле внесли также части строительных остатков, выброшенные на поверхность. Они затруднили четкую фиксацию аномалий, связанных с погребенными археологическими объектами на этих участках.

Статистическая модель аномального магнитного поля⁵. Для выявления возможных связей магнитных аномалий с археологическими объектами разных типов вся совокупность аномалий была подвергнута статистическому анализу. Учитывая, что классификация археологических объектов опирается на отличия в составе и размерах, были выбраны характеристики аномалий, отражающие эти изменения. Незначительные колебания глубины залегания объектов позволяют считать, что амплитуда аномалий (Z_{max}) характеризует состав и объем источника аномалии, а площадь, ограниченная изолинией $0,5 Z_{max}$ ($S_{0,5}$), — его размеры в плане. В анализ был также введен параметр, отражающий размещение аномалий, — расстояние между их центрами вдоль оси городища (l).

Двувершинность распределения l позволяет разделить генеральную совокупность на две группы, соответствующие двум вариантам данного признака (рис. 3, а). Расстояние между центрами аномалий в первой из них соответствует в среднем 5,5 м и характерно для двух центральных и периферийных рядов; во второй — 2,5 м и присуще остальным четырём рядам, которые заключены попарно между центральными и периферийными (рис. 2). Сравнение этих выборочных совокупностей показывает, что аномалии центральных и периферийных рядов отличаются более выдержанной амплитудой, размеры их в плане более стабильны, и появляются они в рядах в среднем в два раза реже, чем аномалии второй совокупности (рис. 3, б, в).

Статистическая модель магнитного поля позволяет наметить отличия источников аномалий первой и второй совокупностей. Объекты, приуроченные к центральным и периферийным рядам, в сравнении с объектами остальных рядов характеризуются более устойчивыми размерами в плане,

Сечение изолиний Z_a 5 гамм.

ица планшета магнитной съемки

00

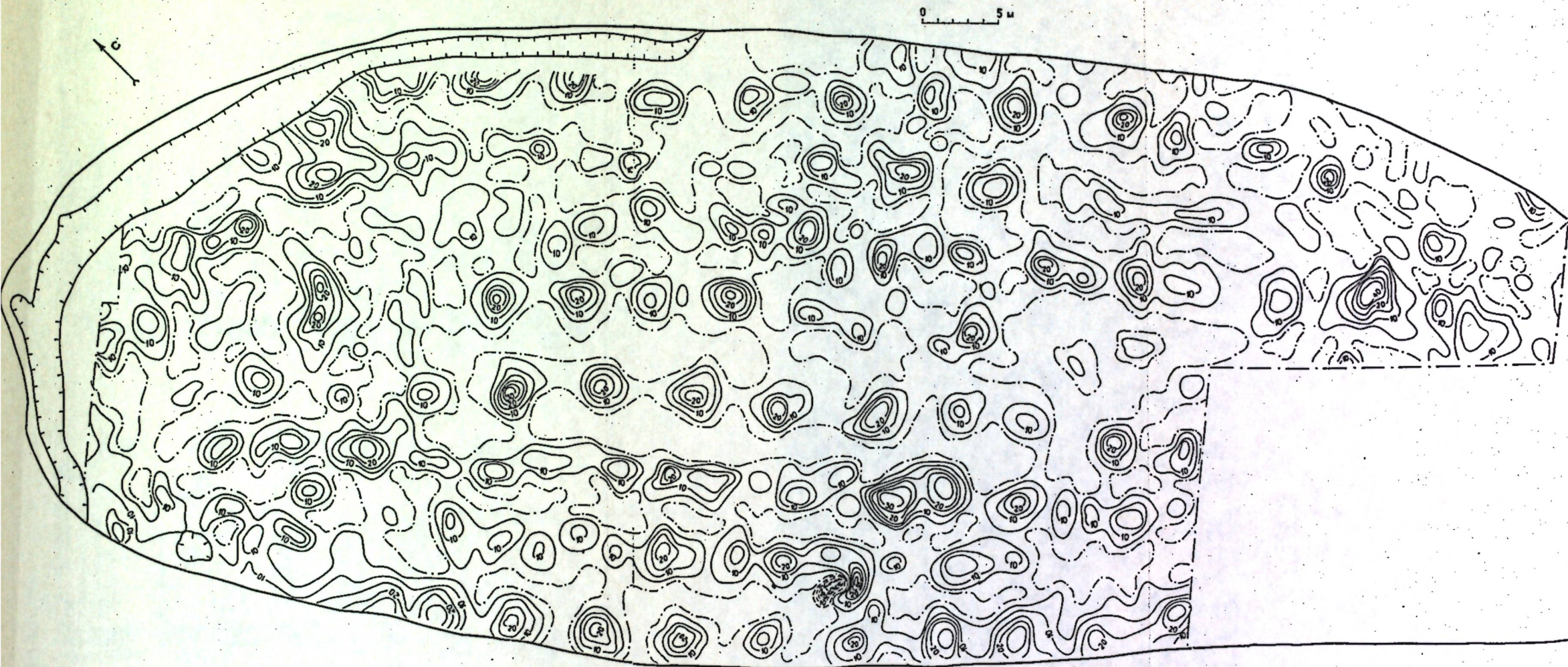
00
10
10

240
10

8

10
10
10

10
10
10

Сечение изолиний Z_a 5 гамм.

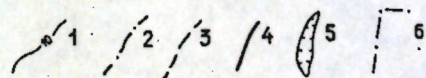

Рис. 2. Карта аномального магнитного поля

1—3 — изолинии Z_a гамм: 1 — положительные, 2 — нулевые, 3 — отрицательные; 4 — край площадки городища; 5 — траншеи и ямы; 6 — граница планшета магнитной съемки

на на-
тирует
дневной
значени
рам по
Ано
изолин
интенс
поля к
как по
отража
ты ана
Измене
над оди
ствова
Вто
изолин
плане
разуя
аномал
ральны
изгибы
ко про
не стр
турный
и окол
цатель
появил
слоем.
остатк
цию ал
на эти
Ста
ния во
ми раз
ческом
объект
рактер
колеба
да анс
а площ
В ана
лий,—
Дв
совоку
призн
из нис
ных и
тырем
ферий
вает,
более
и по
второй
Ст
источн
ные к
осталь

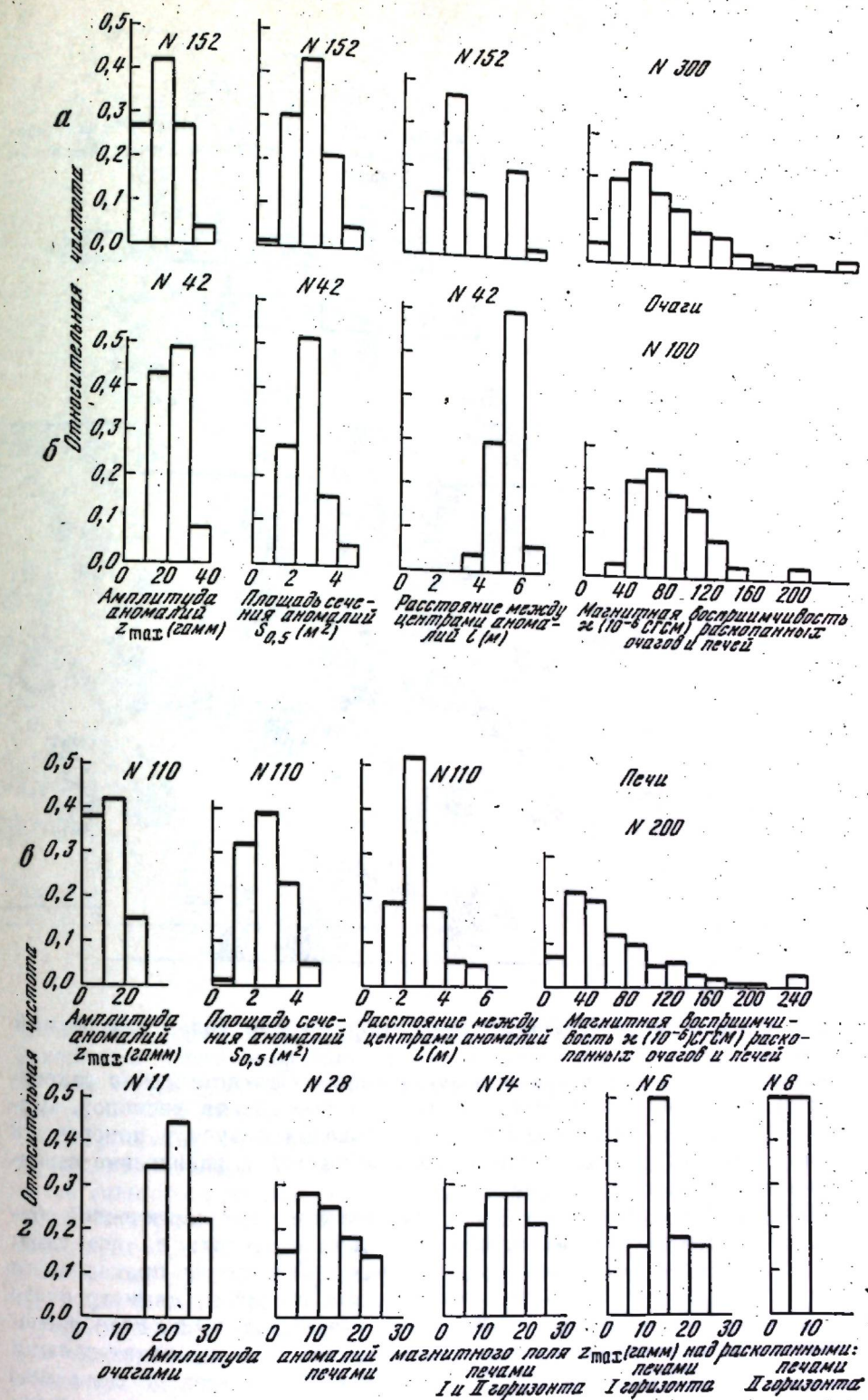
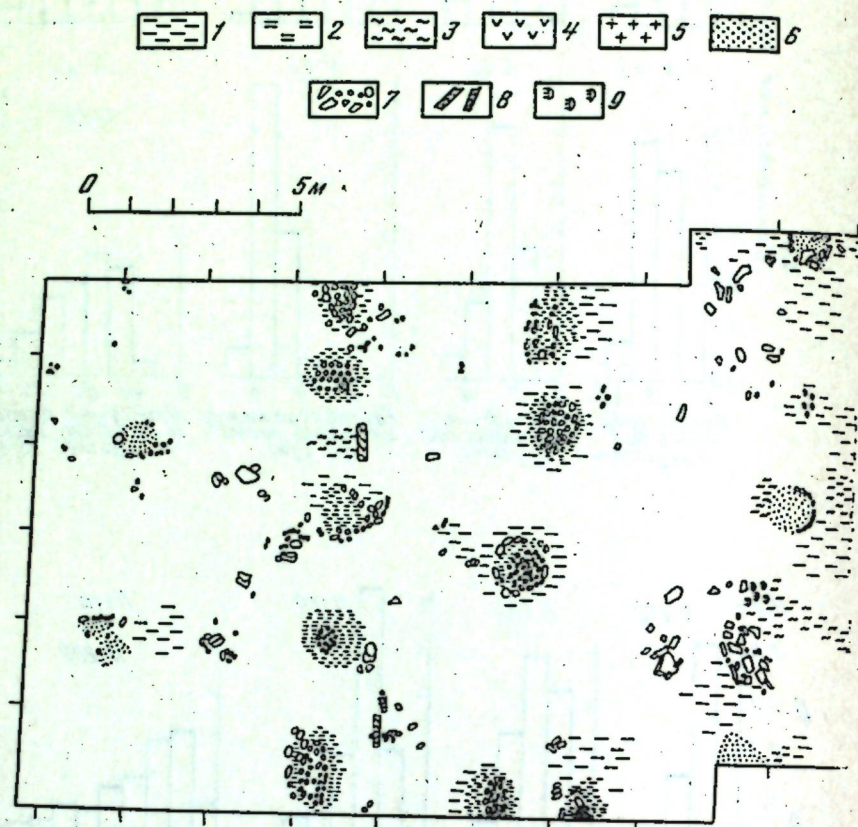

Рис. 3. Гистограммы характеристик аномалий магнитного поля: а) генеральной совокупности аномалий; б) совокупностей аномалий центральных и периферийных рядов; в) совокупности аномалий остальных рядов; г) аномалий над раскопанными объектами

Рис. 4. План раскопа 1973—1975 гг.

1 — глина; 2 — сильно прокаленная глина; 3 — зола; 4 — угли; 5 — кальцинированные кости; 6 — песок; 7 — камни; 8 — обугленное дерево; 9 — рыба чешуя

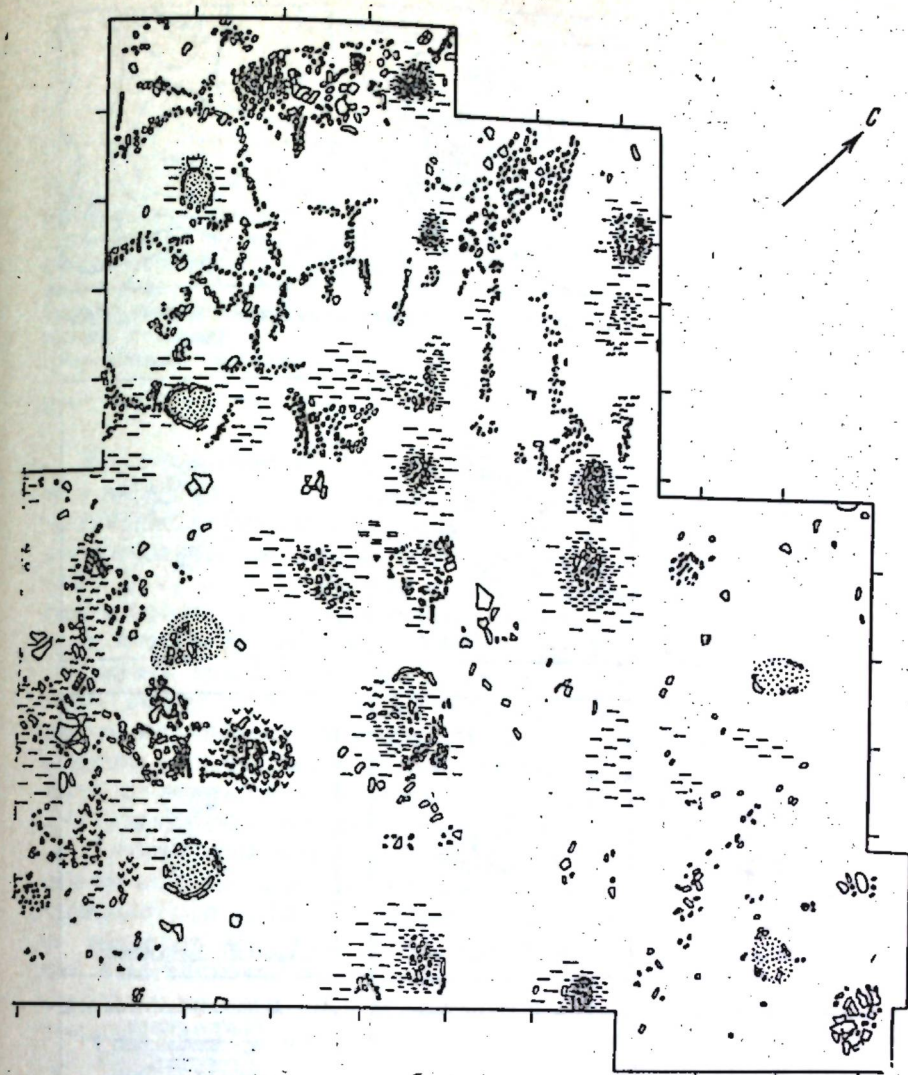

имеют большую вертикальную мощность или иной и более однородный состав.

Археологическая проверка и интерпретация. Статистические закономерности магнитного поля были учтены при проведении раскопок. Раскоп 1973—1975 гг. площадью 606 кв. м позволил получить поперечный разрез площадки городища, а также археологические и физические характеристики источников аномалий (рис. 4).

Стратиграфия и типы археологических объектов. Археологические объекты, создающие магнитные аномалии, можно разделить на два типа: очаги и печи (рис. 5). Очаги представляют собой линзы прокаленного песка с округлой или прямоугольной оградкой по краю (диаметр около 1 м, мощность 0,1—0,3 м). Линзы очагов различных горизонтов располагаются непосредственно друг над другом, иногда с незначительными плановыми смещениями. В размерах наблюдается от трех до семи линз общей мощностью 0,5—1,05 м. Вокруг очагов в гумусе встречаются куски глиняной обмазки, фрагменты глиняных полов. Очаги, вероятно, располагались в наземных постройках.

Глинобитные печи сохранились в виде развалов обожженной глины (средний диаметр 1,8 м, мощность 0,15—0,35 м), в основании которых находится вымостка из прокаленных булыжников. В разрезах нередко наблюдается развал двух печей друг над другом общей мощностью 0,5—

0,7 м. Некоторые печи сохранили фрагменты каменных венцов вокруг основания. Печи подобного типа известны на городищах Восточной Латвии⁶. Они располагались в центре срубных построек жилого назначения.

Встреченные остатки застройки расчленяются на три горизонта. Эти горизонты, особенно II, условны, так как периоды существования объектов совпадают между собой лишь частично. Печи и очаги различных горизонтов располагаются непосредственно друг над другом, что свидетельствует о длительном существовании построек на одном месте. Лишь в шести случаях печи горизонта II смещены в плане относительно печей горизонта I на 1—2 м.

Магнитные свойства культурного слоя. Для выявления связи магнитных свойств с составом культурного слоя измерялась магнитная восприимчивость очагов, печей и гумуса с помощью капнометра ИМВ-2.

Данные таблицы и анализ магнитной восприимчивости очагов и печей (рис. 3) указывают на более однородную и несколько большую намагниченность очагов. Пестрая картина намагниченности печей вызвана кусками сильно прокаленной глины, которые неравномерно вкраплены в объем слабообожженной глины. Наибольшая концентрация прокаленной глины связана с подом печи, меньше пострадавшим при разрушениях.

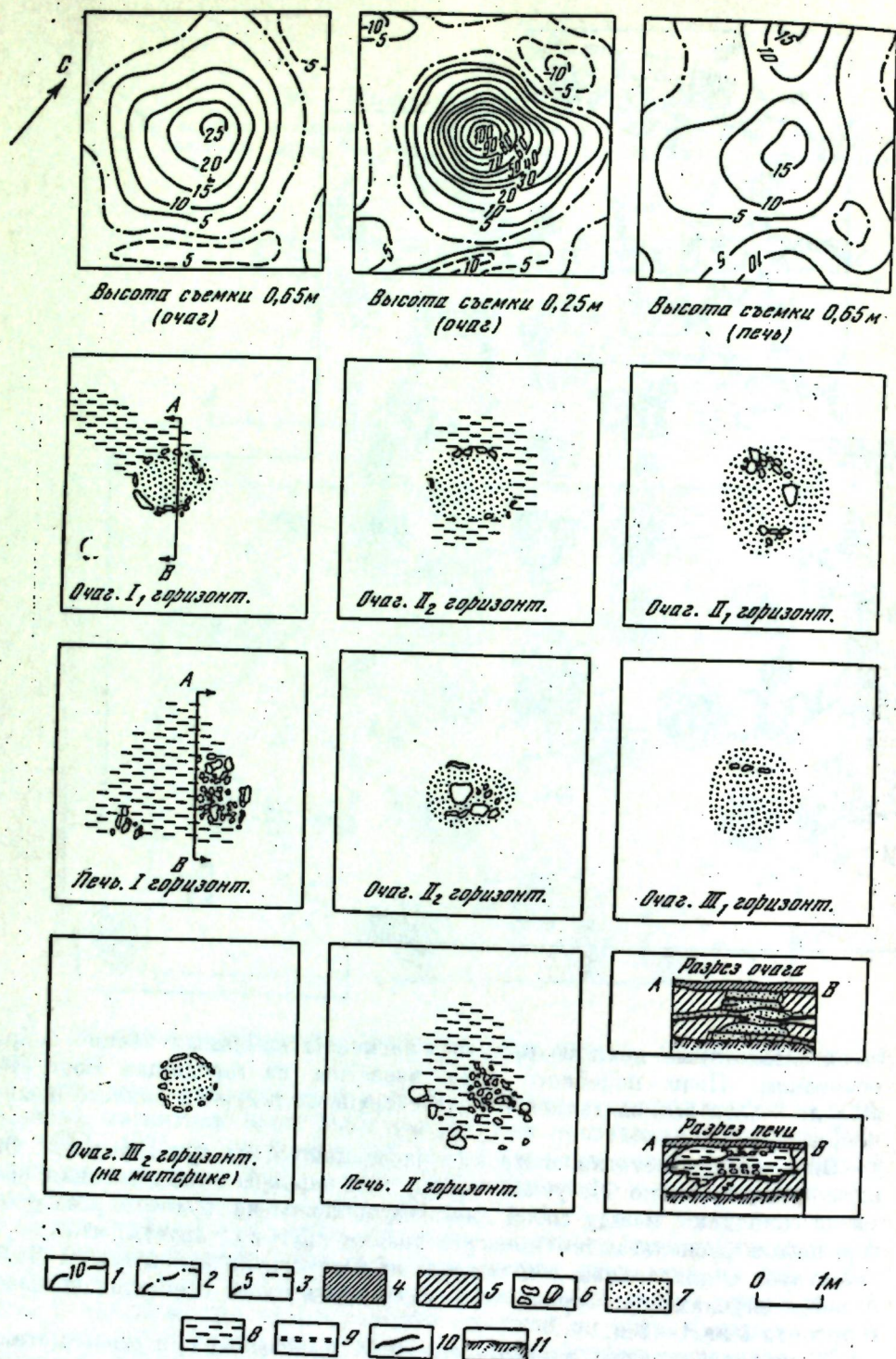

Рис. 5. Археологические объекты и создаваемые ими аномалии магнитного поля
1—3 — изолинии ΔZ гамм: 1 — положительные, 2 — нулевые, 3 — отрицательные; 4 — дерн;
5 — гумус; 6 — камни; 7 — песок; 8 — глина; 9 — сильно прокалившая глина; 10 — углистые
прослойки; 11 — материк

Таблица

Состав	Количество измерений	Магнитная восприимчивость (χ) в 10^{-4} CGS		
		наименьшая	наибольшая	средняя
Гумус	40	5	30	15
Органические остатки	20	5	20	15
Прокаленный песок с золой	90	50	140	80
Слабообожженная глина (красновато-серая)	120	30	100	50
Сильно обожженная глина (оранжевая, красная)	60	50	320	150
Обожженный булыжник	30	30	200	100

Сопоставление магнитного поля с данными раскопок. В аномальном магнитном поле отразились все очаги и 95% печей. Характерные аномалии над типичными очагами и печью приведены на рис. 5. Сравнение (рис. 3, г) с амплитуды аномалий над раскопанными очагами и печами совокупности позволяет считать, что аномалии первой совокупности связаны с очагами, второй — с печами. Связь амплитуды аномалий со stratigraphией печей недостаточно стабильна, но с некоторой долей вероятности можно считать, что интенсивность аномалий ниже 7,5 гамм наблюдается над печами горизонта II (рис. 3, г). Глубина залегания очагов и печей, а также их контуры, установленные по аномалиям магнитного поля, не отвечают по точности археологическим требованиям. Поэтому на плане застройки городища очаги и печи показаны символами (рис. 6).

Историческая интерпретация. Карта аномального магнитного поля, на основе которой воссоздан план застройки, отражает структуру поселения, сложившуюся к IX в. Раскопки позволили проследить основные этапы его развития. Прорезка вала показала, что он насыпан из обломков местной известняковой плиты в три этапа. Сооружение первоначального вала относится ко времени основания поселения, поскольку насыпь стоит непосредственно на материке. Ядром первоначального вала является линза суглинка, ограниченная с напольной и внутренней сторон линзами гашеной извести. Поверх идет горелый слой. Впоследствии вал был досыпан плитой до высоты около 3 м. С напольной стороны к нему примыкает подсыпка из крупных, плотно уложенных плит известняка, которая по находкам гончарной керамики датируется древнерусским временем. Этапы сооружения вала соответствуют периодам жизни поселения.

Первоначальное поселение характеризуется сравнительно свободной застройкой. Оно было укреплено небольшим валом. Впоследствии застройка площадки заметно уплотнилась. Сформировались ряды построек с очагами. Между ними появились ряды построек с глинобитными печами. Были реконструированы укрепления городища. Этот значительный рост поселения, возможно, связан с притоком новых жителей. Последний этап существования поселения характеризуется очень плотной застройкой с четким разделением на ряды печей и очагов. Постройки с печами занимают все свободные места в рядах и появляются между рядами. Судя по составу находок горизонтов I—II, постройки с очагами имели производственное назначение. С ними связаны находки литейных форм, льячек и обломков тиглей. Жилищами служили постройки с глинобитными печами.

Планировка поселения была обусловлена ландшафтом, который до наших дней практически не изменился. Принцип размещения построек рядами позволил наиболее рационально освоить всю площадку хорошо

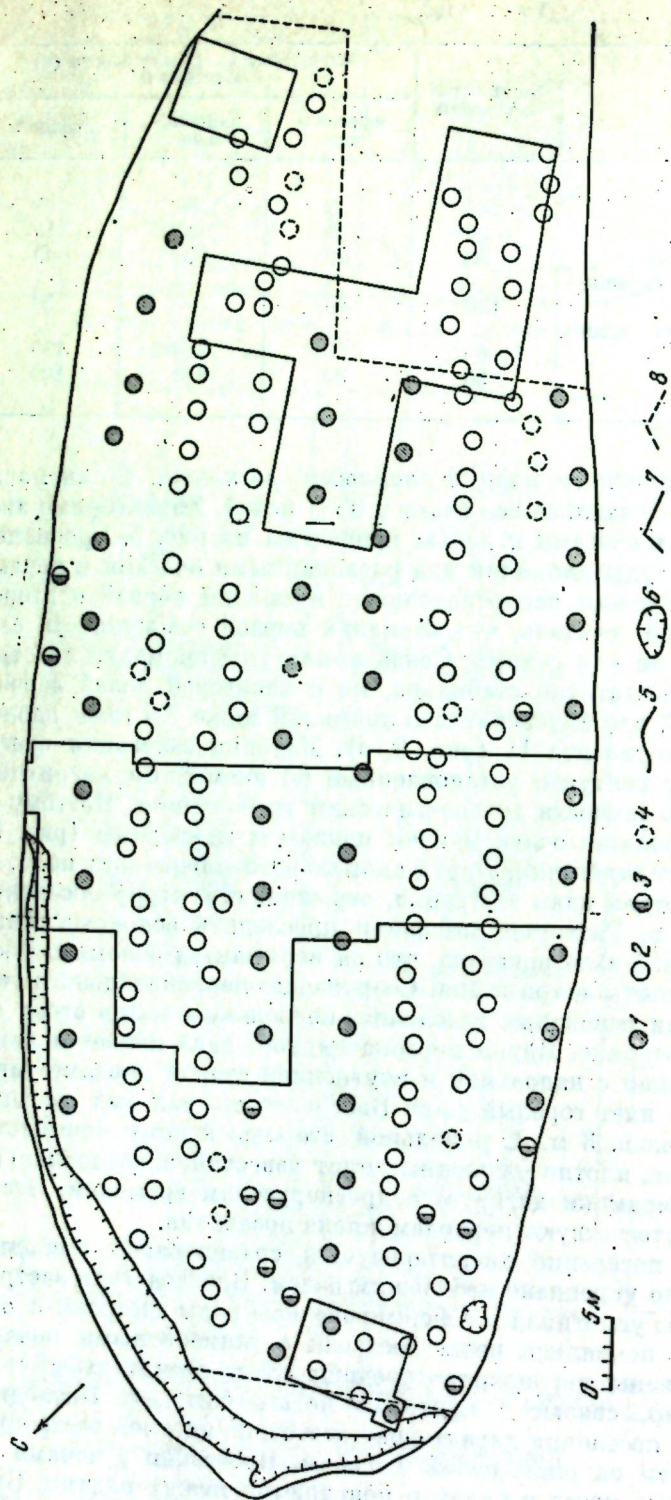

Рис. 6. Схематический план застройки городища Камно
1 — очаг; 2 — печь; 3 — неопределенный археологический объект; 4 — печь горизонта II;
5 — край площадки городища; 6 — траншеи и ямы; 7 — границы раскопа;
8 — граница плана магнитной съемки

защищенного мыса. Стремление обитателей поселения жить под защитой укреплений подтверждается отсутствием культурного слоя VIII—IX вв. только в XII—XIII вв. При такой плотности застройки и скученности людей на ограниченной площадке расселение дворами и усадьбами было невозможно. Жители городища могли позволить себе лишь сооружение по соседству с жилищами производственных построек.

Жизнь обитателей поселения была тесно связана с сельским хозяйством, в особенности с земледелием. О развитии земледелия свидетельствуют находки зерен пшеницы, ячменя, гороха, конских бобов. В верхних пластах культурного слоя встречены также зерна ржи. Помимо зерен ржи. Сельскохозяйственные орудия представлены обломками серпа, косы, сошника и многочисленными жерновами из местного известняка. Эти данные позволяют сделать вывод о существовании у обитателей Камно переложной системы земледелия, что подтверждается и материалами синхронных памятников соседних областей Восточной Европы¹.

Важное место в хозяйственной деятельности населения занимало животноводство². Среди костных материалов на долю домашних животных приходится три четверти всех выделенных особей (свинья, крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, собака). Заметным подспорьем служили охота и рыбная ловля. Основным объектом охоты на мясных животных был лось, на ценных пушных животных — бобр. Среди разнообразных домашних промыслов особенно выделяется ювелирное производство. О высоком уровне его специализации свидетельствует обилие орудий для литья украшений из цветных металлов (свыше 60 литейных форм и заготовок), упорядоченное размещение однотипных производственных построек. Местные ювелиры, вероятно, обслуживали не только жителей самого городища, но и его ближайшую округу.

На площадке городища размещалось одновременно 100—120 жилых и 50—60 производственных построек, что позволяет оценить его население в несколько сотен человек. В окрестностях городища, по берегам Каменки, известно несколько курганных групп и одиночных курганов. В VIII—IX вв. городище Камно было, вероятно, центром небольшой округи, одним из опорных пунктов на территории псковских кривичей. Жизнь на городище замирает в конце IX в., когда оно по местоположению и площади перестало соответствовать требованиям времени. Возможно, сыграло роль возвышение расположенного поблизости Пскова, занимавшего стратегически более выгодное положение в низовьях Великой.

Результаты работ показывают, что изучение средневековых поселений, подобных Камно, целесообразно проводить путем сочетания археологических и геофизических методов исследования. Такой подход позволяет получить информацию, необходимую для исторической реконструкции поселения, ограничиваясь раскопками его части. Дальнейшее развитие методики требует ее опробования на серии поселений подобного типа.

¹ Тараканова С. А. Псковские городища. — КСИИМК, 62, 1956.

² Плоткин К. М. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской области. — КСИИМК, 139, 1974.

³ Логачев А. А., Захаров В. П. Магниторазведка. Л., 1973, с. 86, 87.

⁴ Логачев А. А., Захаров В. П. Магниторазведка, с. 159, 160.

⁵ Крамбейн У., Грейбилл Ф. Статистические модели в геологии. М., 1969, с. 18—23.

⁶ Шнорре Э. Д. Городища древних латгалов. — ВЭИИП, т. I. М., 1959, с. 225.

⁷ Тараканова С. А. Городища Псковское и Камно. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, д. 1859, с. 144, 145; Расиньш А. П. Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР. — ВЭИИП, т. I, с. 336—339.

⁸ Палкин В. П. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. — МПА, № 51, 1956, с. 131, 181.

ХРОНИКА

Ю. С. ГРИШИН, А. А. МАСЛЕННИКОВ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР В 1957—1976 гг.

Методологический семинар в Институте археологии АН СССР начал свою работу в 1957 г. Руководителями семинара были член-корреспондент АН СССР С. В. Киселев (1957—1962 гг.) и академик Б. А. Рыбаков (с 1963 г.).

В первые годы работы семинара (1957—1961) были обсуждены доклады, касающиеся преимущественно вопросов разложения первобытнообщинного строя и образования классового общества. В докладе А. А. Формозова рассматривалась проблема сложения человеческого общества. Доклад В. С. Титова «Первое общественное разделение труда и древнейшие земледельческие и скотоводческие племена» ставил задачу показать, где, когда и как произошло первое общественное разделение труда и каковы были его первичные последствия. Доклад Ю. С. Гришина «Материальные основы разложения первобытнообщинного строя» касался появления и роли в хозяйственной жизни первобытных общин новых элементов (скотоводства, земледелия, металлургии и обмена), нарушавших соответствие между производительными силами и производственными отношениями. В докладе А. П. Смирнова «Археологические данные о разложении родового строя» была показана известная роль, но в то же время и большая ограниченность археологических источников. Доклады П. Д. Либера и А. И. Болтуновой были посвящены союзам племен на периферии рабовладельческих центров. В них шла речь о воздействии классовых рабовладельческих обществ на развитие племен Северного Причерноморья и Кавказа в скифское время, об уровне социально-экономического развития этих племен.

С 1962 по 1964 гг. семинар обсуждал проблемы происхождения и развития религии и религиозных воззрений. Были обсуждены доклады В. Н. Чернецова «К вопросу о содержании термина „религия“»; Б. А. Рыбакова «Религиозные представления земледельческих племен»; К. Ф. Смирнова «Религиозные представления скотоводов»; С. А. Плетневой «Религия средневековых кочевников»; В. Д. Блаватского «Греческое мировоззрение до появления науки и философии» и Г. А. Кошелевского «Позднеантичная религия».

В противоположность концепции клерикальных ученых об извечности религии, в докладах и при их обсуждении была раскрыта историческая обусловленность возникновения религии на определенных этапах развития человечества. Во вступительном докладе В. Н. Чернецов связал происхождение религии с возникновением производящего хозяйства и с разложением первобытнообщинного строя, подчеркнув, что этому периоду предшествовала длительная эпоха формирования религиозных представ-

лений. По его мнению, переход к производящему хозяйству — земледелию — наряду с усложнением общественной структуры, с углубляющимся расслоением общества привели к появлению идеи о могущественных божествах, от соизволения которых зависит произрастание плодов земных и благосостояние людей. При обсуждении доклада В. Н. Чернецова коротко затрагивались вопросы о религии не только земледельцев и скотоводов, но и охотничье-рыболовецких племен. Было высказано мнение, что религиозные представления появляются у них также на определенной ступени развития, характеризующейся «охранной», хозяйственным отношением к природе. Высказывались и предположения о значительно более раннем возникновении религии — еще со времени палеолита, по ней появляются новые качества. Вставали также вопросы о первенствующей роли в возникновении религии хозяйственной жизни, связанной с воздействием человека на природу, или же социальной среды.

Большая часть докладов и выступлений была посвящена раскрытию особенностей религии и религиозных воззрений у разных племен и народов, имевших производящее хозяйство (савроматов, греков, славян и др.). Следует отметить интересные наблюдения В. Д. Блаватского о греческом мировоззрении начала I тысячелетия до н. э., когда оно еще не вышло за рамки мифологического мирозерцания. Эллинская мифология того времени заключала, как показал докладчик, целый ряд разновременных напластований, древнейшие из которых восходят еще ко времени мезолита (мифы об охоте и героях-охотниках), другие же — к неолиту и бронзовому веку. Для раскрытия проблемы происхождения и развития религии и религиозных воззрений привлекались самые разнообразные данные, в том числе письменные источники, этнографические свидетельства и археологические наблюдения. Отмечалась ограниченность археологических источников в противоположность письменным при решении этих вопросов.

С 1965 по 1967 гг. в плане работы семинара стояла новая тема «Методика определения признаков возникновения первых классовых социально-экономических формаций (рабовладельческой и феодальной)». Сложность выделения первичных ступеней сложения классового общества по археологическим данным была особо подчеркнута во вступительном докладе Б. А. Рыбакова. Были заслушаны доклады Н. Я. Мерперта «Данные древнейших поселений для изучения процесса формирования классовых государств»; В. В. Кропоткина «Археологические признаки товарного производства»; О. Н. Мельниковой «Данные о социальной структуре населения раннего железного века (по материалам исследования поселений Верхнего Поднестровья)»; Г. А. Архипова «Признаки возникновения элементов классового общества в Среднем Поволжье»; И. Т. Круликовой «Признаки появления ранних государственных образований на территории Северного Причерноморья»; А. И. Болтуновой «Археологические признаки перехода к классовому обществу по материалам Закавказья»; В. И. Гуляева «Признаки выявления раннеклассовых обществ Мезоамерики»; И. П. Русановой «Археологические признаки феодализма у восточных славян».

Н. Я. Мерперт по данным древнейших поселений выделил основные признаки, свидетельствующие о классовом обществе: 1) появление храмов, дворцов и дворцовых хозяйств с подчинением им значительной части продуктов производства; 2) наличие письменности. В выступлениях назывались и другие признаки — такие, как город с определенно выраженным общественным центром, развитое ремесло, улица с явно выраженными следами заботы о проезжей части (свидетельство строжайшей регламентации), появление транспорта. Относительно письменности говорилось, что ее можно считать одним из признаков классового общества при условии, если она не заимствована. В целом же, однако, было признано, что решать вопрос о классовых обществах лишь на основе единичных

признаков неправильно. Следует исходить только из их совокупности с другими важными признаками. На основании анализа археологических данных с различных территорий разного времени намечалась совокупность признаков, свидетельствующих о разложении первобытнообщинной формации и возникновении классовых отношений. В частности, большое количество признаков для государств-городов Северного Причерноморья было названо в докладе И. Т. Кругликовой (бедные и богатые городские постройки, резкое имущественное неравенство жителей, чеканка монет, склады товаров, связанные с появлением купцов, письменные памятники, оборонительные сооружения, постройки городов по единому плану, распространение общегосударственных и общегородских культов с постройкой храмов этим общегосударственным богам и др.).

И. П. Русанова отметила археологические данные, которые свидетельствуют о классовых отношениях у восточных славян. О классовом обществе свидетельствуют имущественное неравенство, отраженное в погребальных инвентарях,кладах, жилищах и многочисленные города с развитым ремеслом; о существовании государства — общая линия обороны, крепости, построенные по единому плану, единство городской культуры и др.; о рабовладении — погребения рабов; о феодальном способе производства — княжеские и боярские замки; об оседании дружинников на землю — отдельные дружинные могильники вокруг Чернигова.

В выступлениях неоднократно выражалась уверенность в возможности найти ту сумму археологических признаков (вероятно, в какой-то мере различных для разных областей), которые бы определенно свидетельствовали о разложении первобытнообщинной формации и возникновении классовых отношений.

С 1967 по 1970 гг. семинар рассматривал роль географического фактора в истории человеческого общества. Важность разработки этой темы диктовалась тем обстоятельством, что эта проблема слабо изучена в нашей исторической науке. Б. А. Рыбаков подчеркнул во вступительном слове, что необходимы конкретные исследования того, в чем заключалось влияние географического фактора на общество, когда, в какой период географический фактор играл большую роль, когда — меньшую и почему.

Доклады охватывали древние периоды истории человечества — от палеолита до железного века: Н. О. Бадера «Роль географической среды в истории первобытного общества»; Л. В. Кольцова и Г. Н. Матюшина «О географической среде и обществе в мезолите»; Е. К. Черныш «Географическая среда и общество в неолите Европы»; В. Н. Чернецова «О принципах выделения неолита в лесной полосе»; М. Ф. Косарева «Некоторые вопросы древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии»; Ю. А. Краснова «Роль физико-географической среды в развитии древнего земледелия»; А. П. Смирнова «Роль железа в развитии человеческого общества». На одно из заседаний семинара был приглашен профессор МГУ Б. Г. Сафронов, который выступил с докладом «Некоторые современные аспекты проблемы „Общество и природа“».

Рассматривая вопрос о влиянии природной среды на развитие человеческого общества в самые ранние периоды его истории — в палеолите, особенно на его ранних ступенях, участники семинара отмечали большую, часто недооцениваемую роль географического фактора. Значение природной среды в мезолите как ускоряющего или замедляющего фактора исторического развития было раскрыто в докладах Л. В. Кольцова и Г. Н. Матюшина. Было показано, как под влиянием географической среды в разное время и в разной форме произошел переход к неолиту в южной и северной зонах Европы (сравнительная кратковременность мезолита на юге и переход к неолиту при освоении земледелия и скотоводства, продолжительность мезолита на севере и переход к неолиту (и оседлости) при интенсификации рыболовства и охоты).

Огромная важность неолитического периода, характеризующегося сло-

жением и развитием в Европе производящих форм хозяйства — земледелия и скотоводства — с постепенным распространением их у большей части ее населения, неравномерность исторического развития различных районов, во многом связанная с географической средой, были показаны в докладе Е. К. Черныш. Отмечая длительность процесса развития производящего хозяйства, многие участники семинара отрицательно оценили нередко употребляющийся термин «неолитическая революция» как не отражающий сложности этого процесса.

Вопрос о выделении неолита в зоне таежных лесов и лесотундре, где не возникло и вплоть до исторического времени отсутствовало земледелие, был поставлен В. Н. Чернецовым. Само появление здесь неолитических культур он связал с климатическими изменениями, с возникновением новой экологической среды, с усложнением форм хозяйства и изменением инвентаря (появление крупных орудий для обработки дерева, возникновение таких промыслов, как заборное рыболовство и охота на копытных с помощью засек и др.).

Интересные данные об особенностях исторического развития населения разных районов Сибири в бронзовом веке в связи с конкретными условиями местной географической среды привел М. Ф. Косарев². Он показал, что такие признаки географической среды, как расположение, направление и протяженность речных путей, наличие или отсутствие удобных для эксплуатации в древности каменных или рудных месторождений, особенности ландшафта, в разных сочетаниях, в разное время и в разных исторических условиях проявлялись по-разному. Наиболее интересный пример — замедленное развитие культур в Восточной Сибири по сравнению с Западной, начиная с эпохи металла, в связи с существенно различными особенностями географических условий.

Об огромной роли железа в истории человеческого общества и о резком усилении воздействия человека на природу со времени освоения железа говорилось в докладе А. П. Смирнова. При обсуждении этого доклада высказывалась мысль о том, что само появление железа было связано с увлажнением климата, появлением большого количества болот и болотной руды. Повсеместное распространение железа в значительной мере уничтожило контрастность между южными районами, богатыми бронзой, и северными лесными областями, где в эпоху бронзы существовали еще культуры неолитического типа с примитивным хозяйством.

В докладе Ю. А. Краснова была раскрыта роль физико-географической среды в развитии такой важнейшей в истории человечества отрасли хозяйства, как земледелие. В нем было показано, что возникновение и развитие земледелия происходило в тесном взаимодействии природных и социально-экономических факторов при доминировании последних. Была охарактеризована роль физико-географической среды как фактора, влияющего до известных пределов на размещение районов с преимущественной ролью земледелия в общей системе производства, как фактора, замедляющего или ускоряющего темпы развития земледельческого хозяйства.

Занятия семинара ясно показали, что историки не могут обойтись без изучения географической среды.

В материалах XIII Международного конгресса исторических наук 1970 г. в Москве и в материалах Всесоюзного симпозиума 1973 г. на тему «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (палеолит и неолит)» сотрудники Института археологии опубликовали ряд работ, посвященных проблеме влияния географической среды на историческое развитие. Это статья В. Д. Блаватского «Античный мир и Древний Восток»³, а также тезисы докладов О. Н. Бадера «Человек, его культура и природная среда края европейской ойкумены в верхнем палеолите», «Проблема смещения ландшафтных зон в голоцене и археология», Д. А. Крайнова и Н. А. Хотин-

ского «Хронология и палеогеографический фон древнейших неолитических поселений центра Русской равнины» и Л. В. Кольцова «Среда и материальная культура финального палеолита и мезолита в Волго-Окском междуречье».

С 1971 по 1974 гг. в семинаре рассматривались взаимосвязанные темы: «Род и племя (возникновение, сущность, социальная структура)» и «Союзы племен (формирование, социальная структура)», восходящие к более общей и широкой проблеме о внутренних закономерностях зарождения и становления классового общества. В вступительном докладе Ю. А. Краснова «Роль Ф. Энгельса в изучении древней истории человеческого общества» было показано важнейшее значение трудов Ф. Энгельса для советской исторической науки в деле изучения доклассового общества как особой социально-экономической первобытнообщинной формации и раскрытия основных закономерностей ее развития. Было подчеркнуто то обстоятельство, что современные данные приносят все новые подтверждения принципиальной правильности созданной Ф. Энгельсом общей концепции первобытной истории.

Л. П. Лашук осветил проблему рода и племени в советской этнографической науке. А. А. Формозов особое внимание обратил на метод выявления рода и племени по археологическим данным. Он отметил, что из более чем десяти признаков рода и племени, названных Л. Морганом, К. Марксом и Ф. Энгельсом, только два — собственная территория и общее место погребения — могут найти отражение в археологическом материале. Для понимания истории рода важнее, как показал А. А. Формозов, исследовать не отдельные жилища, а поселения. В целом, причем картографирование одновременных поселений иногда позволяет выделить группировку стоянок или городищ гнездами, кустами, что, вероятно, отражает племенное деление общества. При изучении могильников могут быть сделаны важные наблюдения над структурой рода, в котором существовали группы людей разного положения. Время распада родового строя также может быть зафиксировано в археологическом материале по появлению укрепленных поселков, богатых и бедных могил. Материалы для выделения племен могут быть получены при исследовании локальных вариантов в типах орудий и археологических культур, для которых характерны четко очерченные территории и линии преемственности в развитии материальной культуры.

Сложные проблемы встают при изучении союзов племен с энеолита и бронзового века до средневековья включительно. По этой теме были заслушаны доклады Б. А. Рыбакова и Г. Ф. Соловьевой — о славянских союзах племен раннего средневековья; М. Г. Мошковой, В. Г. Петренко, О. Н. Мельниковской, Р. Л. Розенфельда, А. П. Смирнова — о союзах племен раннего железного века в различных областях Восточной Европы; Н. Я. Мерперта и Е. К. Черныш — о возможных племенных образованиях в некоторых южных районах Восточной Европы в энеолите и раннем бронзовом веке. А. А. Формозов и В. И. Марковин выступили с докладами об историко-социологической интерпретации древних погребальных памятников Кавказа.

В первом же докладе Б. А. Рыбакова (содокладчик Г. Ф. Соловьева) и при его обсуждении было особо подчеркнуто, что союзы племен — это та форма общественной структуры, в которой рождается классовое общество, а сама стадия союзов племен в социологическом отношении очень важна. Были отмечены разные типы союзов племен: завоевательные, оборонительные, возникшие в результате естественной интеграции племен, в результате дружеских связей, постоянных общений, торговли и др. Союзы племен могли включать не только родственные, но и разнотипные племена. Среди них имелось и племя-гегемон, роль которого определялась либо военной силой, либо особыми природными условиями, в которых оно жило. Б. А. Рыбаков указал на святилища как надеж-

ный археологический признак для выделения племен. Была также подчеркнута особая важность исследования методики определения союзов племен.

В докладах о союзах племен в раннем железном веке на территории степной, лесостепной и лесной зон Восточной Европы были предложены попытки выделения союзов племен того времени. Большие разногласия вызвал вопрос о выявлении союзов племен как политического объединения только по археологическим признакам, среди которых были названы нивелировка культуры (на территории союза), общность основных черт обряда погребения, оборонительные системы и др. Делались попытки связать союзы племен с археологическими культурами или локальными вариантами культур, однако неоднократно отмечалось, что археологические культуры не обязательно должны соответствовать союзам племен.

Говорилось о важности привлечения археологами этнографических данных для выявления союзов племен.

Вопрос о возможности выделения ранних, энеолитических, племенных образований в лесостепной и отчасти степной зонах Северного Причерноморья (IV—III тысячелетия до н. э., культура Кукутени — Триполье) и раннего бронзового века — в степной полосе Восточной Европы (конец IV — первая половина III тысячелетия до н. э., ямная культура) был поставлен в докладах Е. К. Черныш и Н. Я. Мерперта. Н. Я. Мерперт на основании анализа археологических материалов показал, что степные скотоводы, населявшие Восточную Европу в раннем бронзовом веке, могли периодически создавать довольно мощные объединения. Е. К. Черныш, исходя из ярко выраженной на протяжении многих столетий монолитности культуры Кукутени — Триполье и данных о последовательном и планомерном расширении ее территории, высказала в значительной мере обоснованное предположение о существовании прочного союза родственных племен.

А. А. Формозов, рассматривая материалы Майкопского кургана, показал, что на Северном Кавказе в середине III тысячелетия до н. э. обнаруживается значительная социальная дифференциация общества, обусловленная сложением производящего хозяйства и тесными связями с южными районами, соседствующими с цивилизациями Древнего Востока. Но во II тысячелетии до н. э. этот процесс затухает вследствие ослабления связей, так как местное развитие еще не давало основы для столь резкой дифференциации общества. В. И. Марковин, привлекая этнографические данные, отметил необходимость учитывать при историко-социологических построениях то обстоятельство, что богатые захоронения не всегда отражают реальное (прижизненное) положение покойных (питания богатства).

В 1969 г. семинар обсуждал доклад Б. А. Колчина «Интеграция наук и археология».

В мае 1970 г. на заседании, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, был заслушан доклад С. С. Ширинского «Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства».

В декабре 1972 г. на заседании, посвященном 50-летию образования СССР, обсуждались доклады О. Н. Бадера, Л. Р. Кызласова и Ю. А. Краснова по теме «Роль археологии в изучении истории „бесписьменных“ народов СССР».

С 1974 г. семинар работает над новой темой — «Методологические основы археологического изучения неравномерности процесса исторического развития».

Проблемы неравномерности общественного развития докапиталистических формаций разработаны недостаточно. Во вступительном докладе Ю. Н. Захарук указал, что при всем своеобразии известных историкам

конкретных обществ необходимо определить их принадлежность к той или иной формации, ибо только это может раскрыть самые существенные законы развития данного общества. Докладчик привел конкретные примеры исторических условий, в которых проявлялась неравномерность общественного развития, а также перечислил факторы, обуславливающие эту неравномерность (географические и экономические, социальные и государственно-правовые факторы).

В докладе М. Ф. Косарева «Географическая среда и неравномерность социально-экономического развития разных районов Западной Сибири в первобытную эпоху» совершенно справедливо подчеркивалась относительность понятий «благоприятная» и «неблагоприятная» среда. В неолите и бронзовом веке в Западной Сибири существовали две области с разным уровнем социально-экономического развития: отсталая и малонаселенная северная и более передовая, более населенная южнотаежная. Уровень общественного развития этих районов во многом зависел от естественного географического среды, которая определяла характер хозяйства и устанавливала предел плотности населения. Люди стремились приспособиться к определенному географическому окружению свою экономику и социальную организацию. Это было всегда рационально с точки зрения повышения выживаемости, но не всегда являлось шагом вперед в смысле привычных представлений об экономическом и социальном прогрессе. По мнению М. Ф. Косарева, замедленные темпы развития человеческого общества имеют место там, где природа либо чрезмерно щедра, либо столь же бедна. Наиболее благоприятны районы, где положительные и отрицательные факторы как бы уравновешены. В докладе было отмечено, что наиболее значительные изменения в социально-экономической жизни древнего населения Западной Сибири происходили в период резких перемен географической среды.

Роль биосферы в неравномерности исторического развития в каменном веке рассматривалась в докладе Г. Н. Матюшина.

В прениях по докладу высказывались мнения о необходимости разработки приемов археологического исследования неравномерности развития; об относительности роли ландшафта; о важности вопроса о влиянии человека на окружающую среду уже в древности.

Большой интерес вызвало выступление Г. А. Кошеленко, посвященное периодизации исторического процесса в современных буржуазных историко-философских теориях. Г. А. Кошеленко дал критический анализ теорий однолинейной и многолинейной эволюции, концепции множественности цивилизаций, остановился на вопросах освещения движущих сил и классовой борьбы в работах некоторых современных буржуазных историков. Убедительно была продемонстрирована антинаучность и реакционность большинства этих концепций, доказана неспособность буржуазной науки на прежней методологической основе создать сколько-нибудь прочную обобщающую теорию исторического процесса. В докладе было отмечено, что, с одной стороны, среди буржуазных исследователей усилились реакционность, консерватизм, с другой — наиболее передовые из них заметнее проявляют интерес к марксистско-ленинской науке, ее методологии, достижениям историков-марксистов.

Принципам определения времени возникновения классового общества на территории СССР были посвящены доклады В. М. Массона «Земледелие и проблемы азиатского способа производства» и Е. К. Черныш «Раннеземледельческое матриархальное общество».

С 1976 г. семинар разрабатывает тему «Миграции и завоевательные походы и их историческая роль». Значительные перемещения больших человеческих групп, определявшиеся различными причинами, имевшие разные масштабы, направления, характер и исторические последствия, происходили в разные эпохи истории человечества.

В докладе Н. Я. Мерперта основное внимание было уделено миграциям в эпохи неолита и энеолита. Отмечая бесконечное многообразие форм, Н. Я. Мерперт предложил три основные модели миграций, характерных для первобытного общества. К первой Н. Я. Мерперт отнес переселения, полностью обусловленные экономическим фактором, вызванные непосредственно изменениями природных условий. Эта модель наиболее характерна для эпохи безраздельного господства присваивающей экономики. Причиной миграций, характерных для второй модели, являлись экономические факторы: появление и распространение в ряде областей производящих видов экономики. Наконец, к третьей модели принадлежали переселения, вызванные как экономическими, так и социальными факторами. Миграции первой модели продолжались и в неолите, и в последующие эпохи, но наиболее широко были распространены миграции второй модели. Впоследствии они уступили место миграциям третьей модели. Высказанные в докладе положения были конкретизированы на богатом материале Ближнего Востока и Европы.

Дальние межплеменные связи, пути обмена и структура металлургического производства рассматривались в содержательном докладе Е. Н. Черных. Основным условием дальнего обмена являлись, по его мнению, локализация источников сырья и специализация различных этнокультурных групп на его добыче и переработке. Он охарактеризовал виды объединения мастеров: индивидуально-семейные, клановые, кланово-производственные; социальное положение металлургов-ремесленников; возникновение на базе общественного разделения труда этносоциальных производственных структур, в ряде случаев соответствовавших археологическим культурам. Е. Н. Черных предложил три категории товарного обмена — профессиональный, внутренний и внешний, а также шесть путей распространения металла, изделий из него и металлургических идей: экспорт и импорт сырого металла в слитках; экспорт и импорт изделий; подражания формам импортных изделий; переселения мастеров; миграции племен; военные походы.

Некоторые общие закономерности миграций бронзового века, их типы и виды, экономические и социальные причины и последствия, количество вовлеченного в них населения, критерии выделения миграций по археологическим данным рассмотрел в докладе «К изучению миграций бронзового века» В. С. Титов. Он привлек богатые материалы Передней Азии, древнего Египта, Эгейского мира. Особенность миграций бронзового века В. С. Титов видит в значительном увеличении количества передвижений человеческих коллективов. Причина этого увеличения, по его мнению, определяется усилением неравномерности развития человеческого общества, возникновением кочевничества, появлением развитых оседлых земледельческих культур, городов, первых государств древневосточного типа, а также развитием средств транспорта (повозка, приручение лошади). Миграции ускоряли разложение родового строя.

В 1976 г. были проведены заседания семинара, посвященные изучению материалов XXV съезда КПСС.

¹ Доклад В. С. Титова и материалы его обсуждения были опубликованы в КСИА (88, 1962).

² Доклад напечатан в СА (1971, № 2).

³ XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970.

⁴ Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (палеолит и неолит). Тезисы докладов. М., 1973.

⁵ Доклад напечатан в кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

О РАБОТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Основная проблематика теоретического семинара Ленинградского отделения Института археологии была сформулирована так: 1) социально-экономические закономерности и структура докапиталистических формаций по данным археологии; 2) критика современных буржуазных концепций в археологии. Формами работ семинара были выбраны проведение симпозиумов по наиболее актуальным теоретическим проблемам, а также тематические доклады с последующим обсуждением.

Обсуждение вопросов, связанных с выявлением социально-экономических закономерностей и структур древних обществ на основании археологических данных, неизбежно привело участников семинара к исследованию ключевого вопроса о предмете и объекте археологии. Этой проблеме были посвящены симпозиум, прошедший в апреле 1975 г.¹, а также ряд докладов, ранее сделанных на семинаре. В ходе обсуждения этой проблемы выкристаллизовались две основные точки зрения, а также перспектива их сближения. Первое направление наиболее отчетливо было сформулировано в докладах Г. П. Григорьева, по мнению которого «целью археологического познания является установление закономерностей развития ископаемых объектов и отношений между ними». Г. П. Григорьев далее утверждал существенное различие между развитием материальной культуры, исследуемой в понятиях типологического археологического метода, и развитием общественных форм, описываемых в социальных понятиях.

В одном из докладов на теоретическом семинаре Г. П. Григорьев подверг исследованию археологическую периодизацию и ее отношение к прочим видам периодизации прошлого. По мнению докладчика, основой для археологической периодизации «должны служить изменения типов, смена культур, эпохальные изменения совокупности вещей». Так, для периодизации каменного века используется принцип «множественности изменений в технике каменного дела, отраженный в морфологии изделий». Такая периодизация, согласно Г. П. Григорьеву, является чисто археологической, ибо она основана на непосредственно наблюдаемых реальных, преобразованных в типологические категории. Археологическая периодизация не исключает социально-исторической периодизации первобытного общества, основанной на данных археологии, этнографии, социологии и истории.

В. С. Бочкарев в докладе «К вопросу о системе основных археологических понятий», прочитанном на симпозиуме и ранее обсуждавшемся на семинаре, предложил оригинальную иерархическую систему понятий археологии как самостоятельной научной дисциплины. Согласно В. С. Бочкареву, археология стремится вскрыть порядок в своем материале, обобщить и генерализовать единичные, разрозненные явления. С этой целью она прибегает к типизации и классификации. С этой целью понятие универсалий: артефакт, занимающий центральное место в понятийной сетке и определяемый как «пучок свойств», и комплекс, определяемый как «пучок артефактов». Наряду с этим предлагается параллельный иерархический ряд «категорий»: устойчивые повторяющиеся свойства фиксируются в признаке, признаки артефактов — в типе, комплексов — в культуре. Понятийная схема В. С. Бочкарева вызвала большой интерес у участников семинара и симпозиума.

Однако в выступлениях и докладах отчетливо выявилась отличная тенденция, отстаивающая единство археологического и историко-интерпретационного аспектов исследования. Ю. Н. Захарук в своем выступ-

лении на симпозиуме отметил: «Археологическая процедура... не может быть ограничена специфическими задачами исследования собственно археологических артефактов и их комплексов, равно как и определением содержания и последовательности этапов исследования только историко-коведческого уровня. При разработке проблем процедуры археологического исследования необходимо исходить из органического единства двух ее непрерывных уровней, историкоковедческого и историко-интерпретационного, т. е. учитывать как подлинную природу археологического источника, так и предмет археологического познания в целом».

В. М. Массон в докладе «Системный анализ в археологических исследованиях» указывал, что «предметом археологии ... является изучение закономерностей развития объектов материальной культуры и различных структур человеческого общества, нашедших отражение в этих объектах». К этой точке зрения присоединились М. В. Аникович, гачев. Он рассматривает первобытную археологию как самостоятельную общественную науку, задачей которой является познание первобытного исторического процесса и культуры на основании изучения вещественных источников (в отличие от древневосточной, античной и средневековой археологии, которые он считает вспомогательными историческими дисциплинами). Как было отмечено в выступлениях ряда участников симпозиума, путь к преодолению разногласий в определении объекта археологического исследования лежит в признании существования двух уровней исследования: эмпирического и теоретического. Углубленные исследования на эмпирическом уровне предполагают существование разработанных процедур и иерархической системы понятий. Эти понятия служат основой для построения историко-интерпретационных схем. Исторические интерпретации являются теоретическим уровнем археологического исследования.

В работах теоретического семинара делались попытки дать истолкование некоторым основным понятиям, применяемым при археологических исследованиях. К попыткам такого рода можно отнести доклад П. М. Долуханова «Культура материальная, культура духовная, культура археологическая», где был произведен опыт определения логического и содержательного соотношения понятий. В докладе проводилась мысль о неравнозначности различных групп источников археологического материала. Предлагалось выделить группу источников, связанных с процессом материального производства, и группу источников, связанных с процессом духовного производства. Картографирование источников первой группы позволяет выделить «природно-хозяйственные области», источников второй группы — «культурные зоны».

В рамках теоретического семинара проходило обсуждение проблем, связанных с конкретными восстановлениями социально-экономических процессов на базе археологического материала. Эту цель, в частности, преследовало совещание по изучению обмена и торговли в древних обществах (март 1972 г.)².

На совещании были заслушаны два общетеоретических доклада В. Р. Кабо и В. М. Массона. В докладе В. Р. Кабо «Обмен и его социальная роль в первобытном обществе» отмечены специфические особенности первобытного обмена и сформулированы особые приемы исследования этого процесса. В. Р. Кабо считает первобытный обмен выражением внутри- и межэтнических социальных и культурных связей. В докладе «Изучение обмена и торговли первобытной эпохи» В. М. Массон³ рассмотрел методику изучения процесса обмена и различия этого процесса в первобытном и раннеклассовом обществах.

Ряд докладов был посвящен анализу обмена и торговли в различных формированиях и на различных территориях. Н. Н. Гурина рассмотрела в своем докладе процесс обмена и торговли в неолитическую эпоху на

материалах Северной и Восточной Европы. Л. П. Хлобыстин подверг анализу особенности этого процесса в неолите и бронзовом веке Сибири. Исследованию торговли и обмена на территории Закавказья в энеолите и бронзовом веке был посвящен доклад К. Х. Кушнарева. Ю. А. Заднепровский и И. В. Богданова-Березовская, сопоставив археологические и химико-технологические данные, проследили роль внешних экономических связей в процессе развития металлургического производства в Средней Азии в эпоху энеолита — бронзовом веке. Доклады Б. Б. Пиотровского и Н. Б. Яновского были посвящены процессам обмена и торговли в Передней Азии в эпоху раннеклассового общества. М. А. Тиханова выступила с докладом об обмене и торговле в черняховской культуре. В докладах И. Г. Шургая и И. Б. Брашинского рассматривалась торговля государств Северного Причерноморья в античный период. Р. М. Джанполадян рассмотрела вопросы торговли средневековой Армении. В. И. Распопова на основании анализа археологических источников проследила особенности согдийской торговли с первых веков нашей эры до арабского завоевания. Сопоставление по вопросам обмена и торговли в древних обществах показало большие возможности археологического анализа применительно к решению конкретных социально-экономических проблем.

В работах теоретического семинара были предприняты попытки оценить различные группы археологических источников с точки зрения содержащейся в них социально-исторической информации. Этой теме был посвящен симпозиум «Реконструкция общественных отношений по данным погребений и могильников», проведенный в рамках теоретического семинара в марте 1971 г. На симпозиуме был заслушан общетеоретический доклад В. М. Массона «Погребальный обряд и вопросы социологических реконструкций». В. Р. Кабо в докладе «Погребальный обрядность первобытного общества и ее связь с социальными отношениями и идеологией» отметил, что социальная структура далеко не всегда может быть выведена непосредственно из погребального обряда. Погребальный обряд отражает социальную структуру не непосредственно, а в идеологическом преломлении. Решая в целом положительно вопрос о возможности реконструировать общественные отношения и идеологию первобытного общества по данным погребений, В. Р. Кабо указал на необходимость учета уровня развития сопоставляемых обществ и понимания места и функции погребальной обрядности в жизни общества. В. П. Алексеев сделал доклад о реконструктивных возможностях палеоантропологического материала в связи с обрядом захоронения, топографией погребений, географией и характером могильников. Крайне важным представляется положение В. П. Алексеева о том, что палеоантропологическая популяция не тождественна современной: могильник чаще всего охватывает несколько поколений, но точно определить их число обычно оказывается невозможным. Поэтому палеоантропологический материал практически непригоден для подсчета численности ископаемых популяций, хотя пригоден для исследования их возрастной структуры и других демографических характеристик. Доклад о погребениях и могильниках как объектах формального анализа сделали Н. Б. Леонова и Ю. А. Смирнов. Ряд докладов был посвящен социально-исторической интерпретации конкретных памятников: бронзового века Сибири (М. П. Грязнов, Э. Б. Вадецкая, Г. А. Максименков и другие), погребений римского времени в Восточной и Центральной Европе (М. А. Тиханова), погребений доколумбового времени в Перу (Ю. А. Березкин). К этой же тематике примыкает доклад С. С. Сорокина «О хронологических формулах и значении термина „могильник“», сделанный на семинаре в июне 1974 г.

В некоторых докладах, прочитанных на теоретическом семинаре, делались попытки постановки серьезных социально-исторических проблем на

основании анализа археологического материала. К числу таких опытов раннеклассовых обществ и вопросы типологии древних цивилизаций», прочитанный на семинаре в 1974 г. Докладчик сформулировал важную мысль о необходимости выделения группы признаков в археологическом материале, релевантных применительно к решению задачи построения типологии древних цивилизаций. В качестве таких признаков В. М. Массон предлагает рассматривать черты, связанные со сферой земледелия. Опираясь этими признаками, докладчик выделяет три типа древних цивилизаций. К первому типу отнесены цивилизации, основанные на поливном земледелии, причем здесь выделены два подтипа: шумерский и анатолийский пути развития. Цивилизации второго типа представлены рядом мезоамериканских культур, основанных на тропическом подсечно-огневом земледелии. Цивилизация третьего типа представлена крито-микенским обществом.

П. М. Долуханов в докладах, прочитанных на заседании семинара и симпозиума о предмете и объекте археологии, сделал попытку рассмотреть механизм взаимодействия природы и первобытного общества. Докладчик считает географическую среду и первобытное общество компонентами сложной динамической эко-социальной системы. Элементами экологической подсистемы были названы климат, растительность, животный мир. Социальная подсистема включает экономическую структуру, орудия труда, народонаселение. В качестве особого элемента рассматривается культура, которая трактуется как «блок памяти» социальной подсистемы. Система функционирует в соответствии с принципом оптимизации: выбирается экономическая стратегия, обеспечивающая получение оптимального продукта при минимальной затрате энергии. Изменение параметров экологической подсистемы вызывает соответствующие изменения в социальной подсистеме (экономической стратегии, наборе орудий труда, численности и динамике народонаселения). Прогрессивные изменения в сфере хозяйства осуществляются лишь при накоплении определенного объема информации в «блоке памяти», т. е. в сфере культуры. В докладах были сделаны попытки объяснить процессы, происходившие в верхнем палеолите, мезолите и неолите в Восточной Европе.

Большое число докладов было посвящено второй основной теме семинара — критике современных течений в буржуазной археологии. Следует отметить, что критика современной буржуазной методологии присутствовала почти во всех упомянутых выше докладах, посвященных специальным вопросам.

В докладе П. И. Борисковского «Некоторые актуальные задачи защиты марксистско-ленинской идеологии», прочитанном на теоретическом семинаре в 1973 г., было подчеркнуто первостепенное значение — теоретическое и политическое — защиты марксистско-ленинского мировоззрения и советского образа жизни в процессе научных контактов советских археологов с зарубежными исследователями. При оценке зарубежных исследователей необходимо учитывать их теоретические позиции (близость к марксизму, историзм), а также политическое мировоззрение. П. И. Борисковский привел примеры проявления враждебной идеологии в трудах западных археологов.

Некоторые доклады были специально посвящены критическому разбору отдельных трудов зарубежных археологов, а также анализу отдельных национальных школ. Представляет интерес доклад Г. П. Григорьева «Методы американской археологии». Вкратце остановившись на общей характеристике современной американской археологии, Г. П. Григорьев дал детальный анализ воззрений представителей так называемой новой археологии (Л. Бинфорд и его ученики). По определению Г. П. Григорьева, воззрения Л. Бинфорда и его учеников представляют собой смесь модных теперь положений (о системности археологической куль-

туры) и положений, выдвигавшихся в советской археологии еще в довоенный период. В качестве недостатков методики группы Бинфорда докладчик отметил то, что эти исследователи рассматривают ранние этапы научного исследования — описание и классификацию — как имеющие второстепенное, служебное положение. Не разработано у исследователей группы Бинфорда понятие «тип». Понятие «археологическая культура» обычно растворяется в иерархии подобных понятий. Эволюцию орудий Бинфорд объясняет действием исключительно внешних факторов.

В докладе Ю. А. Заднепровского «Новые направления теоретической мысли в археологии Индии» были выделены три основных направления в современной индийской археологии. Первое направление — традиционное, опирающееся на сильно устаревшие эволюционистские воззрения; второе — опирающееся в основном на современные разработки американской и английской археологических школ; третье — марксистское, представленное в зачаточном виде. Докладчик подверг специальному разбору труды индийского археолога С. К. Малика, которого Ю. А. Заднепровский относит ко второму направлению в индийской археологии. Теоретические построения С. К. Малика докладчик определяет как эклектические. Опираясь на различные школы современной американской и английской археологии и этнографии, С. К. Малик признает и подчеркивает определяющее значение экономики и способа производства материальных благ, т. е. стоит в основном на материалистических позициях. В этом индийский археолог близок советским исследователям. Современный уровень исследований в индийской археологии значительно уступает по сравнению с современной советской археологической наукой, опирающейся на методологию марксизма-ленинизма. Докладчик призвал к разработке советской концепции археологической теории, которая могла бы оказать существенное влияние на развитие археологии за рубежом и в частности в развивающихся странах.

Критическому разбору национальных археологических школ Западной Европы и США были посвящены доклады Л. С. Клейна, прочитанные на теоретическом семинаре.

Большой интерес представляет доклад С. А. Семенова «Системный подход и „Аналитическая археология“ Д. Кларка». Докладчик отметил положительное значение внедрения системного подхода в археологические исследования, что, в частности, делает английский археолог. Но тем не менее, книга Д. Кларка, по мнению С. А. Семенова, не свободна от серьезных недостатков. Д. Кларк репродуцирует на археологический материал неопозитивистское учение «чистого сознания» с уклоном в физикализм. Он не связывает своих исследований с проблемами общественного процесса, отчуждает предметы материального производства от их создателя, человека. Д. Кларк, по словам С. А. Семенова, абсолютизирует системный подход, тем самым обедняя его, отождествляя его лишь с процедурой и методом. Для него типична свойственная неопозитивистам тенденция сводить исследовательский процесс к абстракции.

Как отметил в своем докладе С. А. Семенов, советская археология в изучении экономического, социального и технического аспектов древних обществ и культур уже по самому направлению своей работы стоит впереди, так как руководствуется учением марксизма-ленинизма, создавшим эпоху для всей совокупности наук о человеке. Критические замечания в адрес «Аналитической археологии» Д. Кларка, как справедливо подчеркнул С. А. Семенов, отнюдь не бросают тень на сам принцип системного подхода.

Сделанный краткий обзор не исчерпывает многообразную тематику работ теоретического семинара. Здесь были охарактеризованы лишь основные направления.

Работы семинара проходят активно. Семинар охватывает практически всех сотрудников Ленинградского отделения Института археологии, а так-

же представителей многих родственных учреждений: Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР, Государственного Эрмитажа, кафедры археологии Ленинградского университета. На заседаниях симпозиумов широко представлены археологи из многих научных центров СССР. Заседания семинара активно посещают студенты-археологи.

Большую помощь в работе семинара оказывает ленинградская кафедра философии АН СССР в лице руководителя семинара доцента В. Н. Боряза.

- ¹ Предмет и объект археологии и вопрос методики археологических исследований. Материалы симпозиума ЛОИА АН СССР. Л., 1975.
- ² Обмен и торговля в древних обществах. Краткие тезисы к симпозиуму теоретического семинара и сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. Л., 1972.
- ³ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1972, с. 73—94.
- ⁴ Массон В. М. Экономика и социальный строй..., с. 149—176.

Ю. С. ГРИШИН, В. Я. СЕРГИН

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АТЕИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Конференция была организована Методическим советом по научно-атеистической пропаганде при Черемушкинском РК КПСС г. Москвы и методологическим семинаром Института археологии АН СССР и состоялась 18 октября 1974 г. Председательствовали академик Б. А. Рыбаков и доктор биологических наук В. П. Алексеев.

Во вступительном слове Б. А. Рыбаков отметил, что вопросы атеизма сохраняют большое значение в деле борьбы с религиозным мировоззрением. Но в настоящее время неприменимы «кавалерийские» методы 20—30-х годов, когда атеистическая работа велась с большим задором, но слишком прямолинейно. Необходим иной путь, путь терпеливого, глубокого разъяснения, прочно базирующегося на достижениях науки. Существенное значение в пропаганде атеизма имеют проблемы происхождения человека. Разительно уже одно сопоставление двух дат происхождения человека: 7482 лет, определяемых Библией, и 2 млн. лет и более, определяемых наукой. Задача конференции, как отметил Б. А. Рыбаков, состоит в марксистско-ленинском освещении ряда вопросов, связанных с проблемой происхождения человека.

Академик Н. П. Дубинин прочел доклад «Генетика и происхождение человека». В происхождении человека, по его мнению, имели место два главнейших переломных этапа. Первый — появление рамапитека, далекого предка человека, в мозгу которого забрезжили элементы сознания. Второй этап, совершившийся всего 30—40 тыс. лет тому назад, связан с появлением современного человека. Условия и факторы эволюции от первого предка до современного человека заметно менялись. Процесс совмещал в себе постепенность и скачки, проявление случайного и необходимого.

Предок человека выделился из животного мира благодаря способности сознавать себя как единицу, отделенную от остального мира, что было следствием особого типа переработки информации. Если бы эта способность была необходимым следствием эволюции животных, то сознание должно было стать свойственным не только человеку. Если же че-

ловек просто обогнал другие виды в развитии сознания, тогда должны быть существа, или близкие к человеку, или представляющие собой в своем поведении всю гамму переходов от человека до животных. Однако ничего подобного нет, и это, по мнению Н. П. Дубинина, свидетельствует о том, что в основе возможности появления предчеловека лежало какое-то уникальное биологическое преобразование в генетической информации дриопитека. Качественно новое биологическое свойство, которым обладал предчеловек, было настолько существенным, что его приобретение обеспечило крутой поворот всей истории жизни на Земле, став биологической основой для становления человека разумного.

Далее Н. П. Дубинин указал, что уникальность появления предчеловека, неповторимость этого явления в истории жизни заставляет признать его неожиданным и внезапным. Появление предчеловека было случайностью в ходе органической эволюции, случайностью, связанной с мутационными преобразованиями, обеспечившими возможность развития элементов сознания.

В ответе на вопросы о взаимосвязи мутации с возникновением общественного по своей сути сознания, о механизме трансформации древнейших форм человека в современную и другие Н. П. Дубинин подчеркнул глубокий философский смысл взаимодействия биологических и социальных явлений в процессе становления человека и необходимость серьезного внимания к методологии исследований.

В докладе «Антропологические вопросы в происхождении человека» В. П. Алексеев ознакомил аудиторию с находками остатков древнейших гоминид, с состоянием проблемы прародины человека, а также коснулся трудовой деятельности древнейших гоминид и проблемы движущих факторов антропогенеза.

Еще десять лет тому назад расхождение ветвей, ведущих к гоминидам и понгидам, датировалось временем не глубже, чем 3—4 млн. лет назад. Однако теперь изучены остатки приматов миоценового возраста, отстоящих от современности на 12—14 млн. лет. Исследователи имеют основание предполагать, что уже в ту или даже более древнюю эпоху формировались начатки прямохождения.

Что касается собственно семейства *Hominidae*, то обнаружение Л. и Р. Лики остатков *Нomo habilis* в Олдувайском ущелье в 1960 г., датированных временем 1,75 млн. лет тому назад, более чем втрое удлинило процесс антропогенеза. Новые находки на р. Омо в Эфиопии и у оз. Рудольфа в Кении (2,5—5 млн. лет до наших дней) показали, что в действительности формирование семейства *Hominidae* продолжалось еще втрое дольше. Африканские находки гораздо богаче азиатских и относятся ко всем стадиям антропогенеза. Это придает представлению об Африке как прародине человечества особую убедительность.

Древнейшие, очень грубые орудия из долины р. Омо относятся ко времени 2,1 млн. лет до наших дней, из отложений у оз. Рудольфа — 2,6 млн. лет. Ручное рубило можно сейчас рассматривать как результат длительного развития. В пределах раннего этапа технические изменения происходили очень медленно, уловить их — одна из увлекательных задач научного поиска в первобытной археологии.

В. П. Алексеев отметил, что выдвинутая Ф. Энгельсом трудовая теория антропогенеза подтверждается многочисленными теперь антропологическими и археологическими находками. Между этапами морфологического развития древнейших предков человека и прогрессом орудий труда наблюдается такая тесная взаимосвязь, что можно определенно утверждать: трудовой фактор целиком определяет поступательное движение человечества на его ранних этапах. Орудия, синхронные древнейшим гоминидам, возможно, просто еще не найдены.

И. К. Иванова в докладе «О геологическом возрасте ископаемого человека» привела обширные материалы, касающиеся стратиграфического

положения остатков ранних гоминид, их датировки, а также среды обитания древнейших форм человека. Особый интерес вызывает характеристика восточноафриканской рифтовой зоны — наиболее вероятной прародины человечества.

Африка — единственный континент восточного полушария, пересеченный экватором. Здесь сохранялось постоянное тепло, и колебания климата не были резкими, в противоположность южным предгорьям Гималаев — азиатскому очагу развития ранних гоминид. Приуроченность всех находок древнейших африканских гоминид к восточной рифтовой зоне не случайна. Ее природные условия значительно отличались от тех, которые существовали в остальных приэкваториальных районах. В Восточной Африке был сложный пересеченный рельеф, имелись полноводные реки и озера. Здесь отсутствовали сплошные тропические леса или обширные пустыни, существовали разнообразная растительность и исключительно богатый животный мир.

Имелся и ряд факторов, осложнявших существование гоминид. Постоянная опасность грозила со стороны многочисленных хищников, крупных обезьян, стад копытных, свинообразных, хоботных, с которыми трудно было бороться биологически слабо защищенным гоминидам. Вредное воздействие оказывали многочисленные вулканы, извержения которых происходили отдельными фазами в течение всего неогена и четвертичного периода. По-видимому, происходили катастрофические наводнения, выпадали сильные ливни и т. д. По мнению И. К. Ивановой, преодоление трудностей в борьбе за существование и обострение конкуренции при общем благоприятном палеогеографическом фоне служило стимулом для развития высокоорганизованных обезьян. Впоследствии, когда длительный эволюционный процесс привел гоминид к зачаткам сознательной деятельности, природная обстановка стала постепенно терять свое значение, и ведущая роль перешла к другим закономерностям.

В докладе Г. Н. Матюшина «К вопросу о причинах возникновения и роли общественно-трудовой деятельности в процессе антропогенеза» были подвергнуты критике взгляды некоторых буржуазных ученых, стремящихся опровергнуть основные положения теории Ф. Энгельса о происхождении человека. Эти ученые ссылаются на то, что 1) обезьяны в естественных условиях пользуются орудиями, но людьми не становятся; 2) труд не влияет на гены и хромосомы, поэтому он не мог изменить физическое строение человека, а значит, и повлиять на антропогенез; 3) жизнь на Земле находится под влиянием космических сил и, возможно, даже является экспериментом, поставленным из Космоса.

Опираясь на наблюдения ряда исследователей за поведением обезьян в естественных условиях, Г. Н. Матюшин указал, что ни использование орудий, ни охота, ни элементы «социальной» организации у шимпанзе не являются системой. У современных антропоидов, очевидно, отсутствует необходимость в систематическом изготовлении орудий — как и общие предки человека и шимпанзе, они имеют естественные возможности добывать все необходимое для существования без изготовления орудий. Переход к антропогенезу, должно быть, был обусловлен тем, что по каким-то причинам материального порядка определенная часть гоминид потеряла возможность существовать, не прибегая к изготовлению орудий труда.

Эти причины необходимо искать в условиях среды обитания. Интенсивная вулканическая активность, усиление сейсмичности и т. п. привели в Восточной и Южной Африке к обнажению крупных месторождений урановых руд и создали зону повышенной радиации. Совпадение этого процесса с геомагнитными инверсиями, усилившими общепланетарный фон ионизирующего излучения, и ослабление магнитного поля Земли, видимо, привели к появлению значительных мутаций у гоминида данной области.

Хроническое действие указанных факторов в течение десятков тысяч лет, по мнению Г. Н. Матюшина, послужило основной причиной появления гоминид нового типа, изменившихся в результате мутаций настолько, что они потеряли возможность чисто животного существования, и единственным путем сохранения вида от гибели оставалась общественно-трудовая деятельность. Однако все эти явления находят четкие материалистические объяснения, не оставляющие места для каких-либо теологических построений, даже таких завуалированных, как «программирование из Космоса жизни на Земле». Новые открытия лишь конкретизируют и подтверждают фактами вывод Ф. Энгельса о том, что труд — «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека».

Существованию в истории человечества длительного безрелигиозного, или дорелигиозного, периода был посвящен доклад П. И. Борисковского «Новые открытия и проблема безрелигиозного периода». Уровень развития производительных сил начальных эпох первобытнообщинного строя был столь низок, что интересы людей не выходили за пределы непосредственного труда по добыванию пищи. Будучи бессилён перед окружающей природой, человек еще не сознавал своего бессилия. Сознание было непосредственно влито в практику и не могло создавать религиозных абстракций. Только на определенном этапе развития человеческой практической деятельности произошло ее раздвоение на деятельность, реально направленную к достижению желаемого результата, и деятельность, направленную к достижению этого результата лишь символически.

Данным соображениям не противоречит то обстоятельство, что религиозные верования, судя по археологическим сведениям (пещеры Регурду, Базау, Азыхская, Тешик-Таш, альпийские), зародились в мустье и даже в позднем ашеле, но не ранее среднего. Вправе ли мы углублять эту дату? По мнению докладчика, было бы грубой ошибкой ставить знак равенства между техникой, хозяйством и культурой олдувайской эпохи и последующих эпох палеолита. Людям олдувайской эпохи совершенно не был известен огонь. Остатки их жилищ примитивностью резко отличаются от жилищ мустье и позднего палеолита. В них нет очагов, отсутствуют ямки, места мастерских, четко расчлененная структура. Олдувайская техника, судя по массовым приемам раскалывания и обработки кремня, принципиально отличалась от техники последующих эпох. Для олдувайской эпохи отсутствуют какие-либо свидетельства зарождающихся религиозных верований. Поскольку культурный слой значительного количества стоянок олдувайской и древнеашельской эпох не переотложен, отсутствие в нем свидетельств возникновения религиозных верований, по заключению П. И. Борисковского, является достаточно твердо установленным фактом и не может быть объяснено специфическим характером источников по палеолиту.

Закрывая конференцию, В. П. Алексеев отметил широкий охват проблемы происхождения человечества, благодаря которому хорошо проступает реальный путь, пройденный зарождающимся человечеством.

Работа конференции вызвала большой интерес. В ней приняли участие представители 33 организаций, по большей части сотрудники различных научно-исследовательских институтов АН СССР: археологии, общей генетики, геологии, этнографии и др., а также некоторых учебных заведений, музеев, отдельных газет и журналов.

В. А. БАШИЛОВ

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЗМА АРХЕОЛОГИИ

13—16 декабря 1976 г. в Москве состоялась конференция, посвященная теме «Историзм археологии: вопросы методологии», организованная Научным советом по изучению закономерностей исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой. В конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Иркутска, Еревана и Душанбе. Проблема историзма — одна из фундаментальнейших в методологии археологической науки. Ее решение определяет важнейшие задачи и цели археологии, ее положение среди других наук. Для археологов-марксистов не может быть другого пути решения этой проблемы, кроме признания археологии равноправным членом семьи научных дисциплин, изучающих прошлое человечества. Но в рамках общего принципа остаются недостаточно разработанными такие важнейшие аспекты проблемы историзма, как конкретные методы его проведения в археологических исследованиях, соотношение археологии со смежными дисциплинами, в первую очередь с этнографией, и др. Именно эти вопросы подверглись оживленному и разностороннему обсуждению на конференции, которую открыл вступительным словом академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР Е. М. Жуков.

В специальном докладе «Историзм археологии» академик Б. А. Рыбаков дал общую формулировку принципа историзма, который «определяется не только прагматическим изучением древностей разных эпох, но и решением важнейших исторических проблем» на археологическом материале. В докладе был также поставлен вопрос о принципах взаимодействия археологии с этнографией и историей. В заключительной части доклада Б. А. Рыбаков продемонстрировал практическое приложение принципа историзма к археологическому изучению Древней Руси и показал, что именно археология на тысячу лет раздвинула хронологические рамки проблемы, которая раньше решалась только на исторических источниках.

Вопрос о связи археологии и этнографии занял важное место в докладе Ю. Н. Захарука, специальный раздел которого был посвящен соотношению археологических понятий (археологическая культура и т. п.) с понятиями этнографическими (хозяйственно-культурный тип и др.). Ю. Н. Захарук также дал обзор всех докладов, представленных на конференцию, и подчеркнул важное значение историзма как ведущего принципа диалектико-материалистической методологии археологических исследований. Ю. Н. Захарук подверг критике концепцию, которая выделяет первобытную археологию в особую науку, монополизирующую изучение первобытности.

В. М. Массон остановился на методике исторических реконструкций по археологическим материалам. Особое внимание он уделил реконструкции социальных отношений в древнем обществе. Важное место в докладе заняла проблема взаимосвязи археологии с культурологией. Докладчик придает большое значение процессам стандартизации и стереотипизации в культуре. Именно в них он видит объективную основу археологической типологии. Было подчеркнуто и важное значение понятия культурного комплекса для археологии.

С. А. Семенов в своем докладе пришел к выводу об огромной сближающей роли материальной культуры в процессе развития человечества. Это позволило ему утверждать, что «археологические исследования истории общества по вещественным остаткам воссоздают объективную картину прошлого». Именно изучение законов исторического развития

обеспечивает тесную связь археологии с современностью. В докладе была затронута проблема изучения этнических процессов на археологических материалах. При этом внимание было обращено не только на особенности, которые позволяют выделять этносы, но и на факторы, сближающие их между собой.

В докладе Е. Е. Кузьминой анализировались конкретные пути применения принципа историзма в археологии. Было показано значение археологических материалов для исследования производительных сил древнего общества, его социальной структуры и идеологии. Е. Е. Кузьмина отметила важность данных археологии для решения этногенетических проблем и подчеркнула, что одни и те же категории материала могут давать различную информацию в зависимости от уровня развития изучаемых обществ. Е. Е. Кузьмина также сформулировала некоторые принципы этнической атрибуции археологических культур.

От концепции, развивавшейся в перечисленных докладах, несколько отличается точка зрения, высказанная А. Е. Матюхиным. Он подверг справедливой критике работы, противопоставляющие археологию другим историческим дисциплинам и сводящие задачи этой науки к изучению закономерностей развития археологического материала. Но в качестве позитивного предложения он выдвинул концепцию первобытной археологии как самостоятельной науки, близкую к уже изложенной в печати точке зрения А. Н. Рогачева, противопоставляющего этот раздел археологии всем остальным.

Против концепции, сводящей археологию к развернутому источниковедению, оторванному от исторических обобщений, и возводящей типологию в ранг единственного метода этой науки, выступили Г. Н. Матюшин, Г. Н. Медведев и В. А. Рапов. В их совместном докладе была подчеркнута необходимость развития новых методов изучения источников, выработки строгих классификаций археологического материала и единого научного языка, которые позволили бы перейти к широкому использованию математических методов и вычислительной техники. Совершенствование источниковедения должно вести к более объективному анализу материала. Но такой анализ, по мнению докладчиков, должен быть подчинен задаче исследования исторических закономерностей, стоящих за археологическими находками.

Ряд докладов был посвящен взаимодействию археологии со смежными дисциплинами — проблеме чрезвычайно важной для определения места археологии в системе исторических наук. В. Р. Кабо отметил единство основных задач археологии и этнографии и необходимость их совместных усилий для реконструкции первобытности. По мнению докладчика, в полном объеме эта задача может быть решена лишь в рамках особой синтетической науки — истории первобытного общества, которая рассматривается им как раздел всеобщей истории. В. Р. Кабо предложил также основные принципы методики реконструкции первобытной истории, опирающиеся на создание этнографических моделей, которые можно сопоставлять с данными археологии.

Доклад С. А. Арутюнова и А. М. Хазанова был связан с проблемой соотношения таких фундаментальных понятий археологии и этнографии, как археологическая культура, хозяйственно-культурный тип и историко-этнографическая область. Исследователи полагают, что археологическая культура не дает прямой информации об этнической принадлежности ее носителей. Одна или несколько родственных археологических культур соответствуют обычно хозяйственно-культурному типу, хотя встречаются и другие соотношения. Историко-этнографическая область чаще всего объединяет ряд комплексов типа археологической культуры.

Б. В. Андрианов и Н. Н. Чебоксаров коснулись проблемы сложения и судеб историко-этнографических областей. По их мнению, историко-этнографическая интерпретация тех или иных конкретных археологиче-

ских культур часто не имеет однозначного решения. Они считают, что соотношение археологических и этнографических понятий должно по-разному рассматриваться в зависимости от исторических эпох, к которым относятся конкретные археологические комплексы, так как историко-этнографические области и хозяйственно-культурные типы являются категориями историческими.

В докладе Г. Е. Арешяна определялось место археологии в общей классификации наук. Докладчик полагает, что «в предметной сфере наук археология располагается между культурной экологией и этнографией». Проводя разграничение между этими науками, он отметил объективизированный характер археологии по сравнению с этнографией и различие объектов этих наук, из которых первая имеет дело с результатами человеческой деятельности, а вторая — непосредственно с самой деятельностью.

Э. Л. Мелконян в своем докладе отметил необходимость применения типологического метода не только по отношению к археологическому материалу, но и к культурно-историческим явлениям, реконструированным на его основе. Без конструирования типов таких явлений невозможно, по мнению докладчика, их сравнительное изучение. Только после типологизации могут быть предприняты как поиски общих закономерностей в развитии культуры, так и выявление локальной специфики конкретных обществ древности. В докладе были затронуты и вопросы соотношения основных понятий археологии и этнографии.

Два доклада были посвящены применению в археологии методов естественных наук и их роли в раскрытии исторического содержания археологических материалов. Б. А. Колчин, исходя из положения о том, что археологическая находка — «это овеществленный ступок человеческого труда» поставил в докладе вопрос о важности изучения технологии изготовления древних вещей для реконструкции истории производства и хозяйственных структур. Знание техники и технологии древности открывает, по мнению автора, путь к важным выводам о некоторых сторонах социальной организации древних обществ. Б. А. Колчин наметил три ступени (уровня) исследования, ведущие к реконструкции производства, подчеркнув при этом, что углубленное изучение археологического источника с применением методов естественных наук является для исследователей не самоцелью, а лишь путем к постижению исторических явлений.

Доклад Г. Ф. Коробковой был посвящен конкретному вопросу об экспериментально-трассологических исследованиях как одному из методов извлечения исторической информации из археологического материала. Подобные исследования дают очень надежные сведения о хозяйственной деятельности древних обществ. Докладчиком сформулированы содержание и задачи основных этапов процедуры изучения ископаемых орудий. На основе такого изучения не только может быть реконструирована конкретная производственная деятельность, но и поставлен ряд общесторических вопросов, например о производительности труда в древних обществах. Экспериментально-трассологические исследования, по мнению Г. Ф. Коробковой, должны обязательно сочетаться с изучением археологического материала средствами палеоботаники, палеозоологии и других смежных наук.

Прочитанные на конференции доклады и их обсуждение подтвердили большую важность и актуальность постановки таких общетеоретических проблем археологической науки, как проблема историзма. Конференция прошла на высоком научном уровне и вызвала большой интерес у археологов, этнографов и историков.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Теория	
<i>Б. А. Рыбаков.</i> Историзм археологии	5
<i>Ю. Н. Захарук.</i> Спорные вопросы объекта и предмета археологии	7
<i>А. Н. Рогачев.</i> О предмете и методе первобытной археологии	17
<i>Ю. Н. Захарук.</i> Археология или первобытная археология? (по поводу концепции первобытной археологии А. Н. Рогачева)	23
<i>В. М. Массон.</i> Системный подход и исследование палеоэкономических структур	30
<i>В. М. Массон, В. С. Бочкарев.</i> К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии	36
<i>С. А. Семенов.</i> Системный подход и «Аналитическая археология» Д. Кларка	43
Методика	
<i>И. С. Каменецкий.</i> К проверке гипотез о хронологических различиях	49
<i>Г. Ф. Коробкова.</i> Экспериментальный анализ и его место в методике и теории археологии	55
<i>М. Д. Хлобыстина.</i> Вопросы социально-идеологических интерпретаций древнейших форм мезолитических и неолитических погребений	61
<i>В. В. Глазунов.</i> Опыт выявления детального плана постройки методом электро-разведки	68
<i>И. Р. Пичилян.</i> К методике реконструкций античных ордерных фасадов по архитектурным фрагментам	73
<i>В. В. Глазунов, К. М. Плоткин.</i> Археолого-геофизическое изучение городища Камно	82
Хроника	
<i>Ю. С. Гришин, А. А. Масленников.</i> Методологический семинар Института археологии АН СССР в 1957—1976 гг.	92
<i>П. М. Долуханов.</i> О работе теоретического семинара Ленинградского отделения Института археологии	100
<i>Ю. С. Гришин, В. Я. Сергин.</i> Научно-теоретическая конференция «Атеизм и проблемы происхождения человечества»	105
<i>В. А. Башилов.</i> Конференция по проблеме историзма археологии	109

Вопросы теории и методологии археологической науки КСИА, ВЫП. 152

Утверждено к печати Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. И. Сергеевская*. Художественный редактор *Н. И. Власик*.
Технический редактор *Е. Н. Ефимова*. Корректор *Г. Н. Лац*

ИБ № 43642

Сдано в набор 3/X-1977 г. Подписано к печати 22/XII-1977 г. Т-16890. Формат 70×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. 10,15.
Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 2400 экз. Тип. зак. 2928. Цена 1 руб.

Издательство «Наука» 117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука». 121093, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10